

все,

в чем он

нуждается

Соблазнение миллиардера

ОЛИВИЯ ТОРН 4

После эмоциональной ссоры и адского утра Лили и Коннор мирятся и направляются в Лас-Вегас. Учитывая роскошную обстановку и умопомрачительный секс в меню, все, казалось бы, устроилось как нельзя лучше. Но у Коннора есть тайные планы в Вегасе, о которых он не сообщил даже своему ближайшему окружению. И никто не был готов к появлению злодеев из прошлого Коннора, угрожая разрушить его планы и хрупкий шанс Лили на счастье.

Оливия Торн

Все, в чем он нуждается

Соблазнение миллиардера 4

Перевод группы vk.com/bambook_clubs

Переводчик: Елена Ковалева, 18 гл Яна Хусаенова

Редактор: Ника Г., с 11 гл. Анна Мурзина, с 18 гл. Екатерина Камченкова

Бета-редактор: Анна Мурзина

Обложка: Евгения Кононова

Глава 1

Я понимаю, что, вероятно, вы всё это уже знаете, но позвольте мне для начала подготовить почву, потому что, эй, я, возможно, в скором времени могу показаться слегка сумасшедшей, если вы не знаете, почему я так поступила.

Во-первых, прошлым вечером мне разбили сердце. В общем, мужчина, в которого я влюбилась, дал мне понять, что мы по-разному воспринимаем наши отношения и то, что от них хотим. *Потом*, он предложил мне деньги, чтобы я продолжала с ним спать еще одну неделю.

Фу.

Да, да, он миллиардер... и да, да, я была знакома с ним всего три дня... и да, да, «отношения» (или называйте это, как хотите) начались с умопомрачительного секса на полу зала заседаний компании, в которой я работала.

Все же — *фу*.

Я сказала «нет», и он ушел, почти.

Такой боли я еще не испытывала никогда в своей жизни.

Во-вторых, из-за разбитого сердца я не спала всю ночь. В эмоциональном плане я была похожа на зомби из фильма «*Ходячие мертвецы*». Но не на злого зомби, который хочет съесть ваши мозги, а просто на плаксивого зомби, который бродит со слезами на глазах и нуждается в объятиях.

Да, я чудачка.

В-третьих, в течение двенадцати часов я ужасно боялась, что потеряю свою работу. На самом деле, я боялась этой вероятности еще с вечера пятницы, но умопомрачительный секс и та часть, где я влюбляюсь, отвлекли меня почти на все выходные.

Что и сделало из меня зомби, готового в любую минуту разрыдаться и нуждающегося в обнимашках, который до смерти боится ужасного человека, преследующего меня с ружьём («Ужасный человек», о котором идет речь — это мой придурок босс).

В-четвёртых, ружье выстрелило.

Я только что потеряла работу.

Вообще-то, это вроде как снимает напряжённость в данной ситуации. Выглядит так, будто я стала жертвой корпоративного сокращения штата или Великого экономического спада.

Говоря *технически*... меня уволили. Частично за неподчинение, но в основном потому, что мой босс был бешеным мудаком.

Сразу после этого, я заявила своему боссу-мудаку, что он не может меня уволить, потому что я сама увольняюсь.

В-пятых, когда мою машину отбуксировали по приказу босса-мудака, и моя жизнь превратилась в руины, мужчина моей мечты подъехал ко мне, словно Прекрасный принц в карете Золушки. Разве что в данном случае это был Ламборгини. А затем он продолжил в невероятно романтичными словами говорить о том, как он по-крупному облажался, и что ему очень жаль, и что я могу уйти, не оглядываясь, но умолял дать ему еще один шанс — и что больше всего в своей жизни он хотел именно меня.

Так что, с все еще разбитым сердцем — но временно реанимированная — я забралась в машину.

Я по-прежнему не совсем уверена, было ли это ошибкой или нет.
Но некоторые ошибки того стоят.

Глава 2

Ламборгини с рёвом направился к выезду с многоуровневой парковки моего бывшего места работы.

Я никогда раньше не была внутри Ламборгини. Возможно, мне бы это понравилось больше, если бы я не чувствовала себя так, словно мои мозги положили в блендер и сделали из них фраппе.

Я устало откинулась на кожаное сидение и склонила голову в сторону водителя.

Коннор Темплтон.

Великолепный Адонис.

Бизнесмен миллиардер.

Наследник одной из богатейших семей Америки.

— Временами ты бываешь настоящим придурком, — прошептала я.

Он натянуто улыбнулся, но не одной из своих нахальных улыбочек; это больше напоминало мрачное согласие.

— Да, я знаю, — тихо сказал он.

Он протянул руку через центральную консоль автомобиля и взял меня за руку. Тепло его кожи сняло напряжение в моем теле. Нежность этого прикосновения растопила мое сердце.

Ничего не могла с собой поделаться, я расплакалась.

Забавно... после последних нескольких часов, не думала, что у меня остались еще слезы.

Он ударил по тормозам, снял солнцезащитные очки и пристально посмотрел на меня своими великолепными голубыми глазами.

— Что? Что случилось?

Я боролась с рыданиями.

— Я, я думала, что н-никогда тебя больше не увижу.

Он перегнулся через сиденье, обхватил руками мое заплаканное лицо и поцеловал меня.

Неторопливо.

Нежно.

Романтично.

Затем отклонился на пару сантиметров и вытер мои слезы большими пальцами, посмотрев мне в глаза.

— Прости меня, — прошептал он.

Я молча кивнула. Печально улыбнулась.

Он наклонился вперед и снова поцеловал меня.

Позади нас засигналила машина.

Я отстранилась.

— Нам пора ехать.

— Он может подождать, я сейчас занят, — прошептал Коннор и снова притянул меня к себе.

Думаю, та машина объехала нас, возмущенно сигналив.

Я не уверена, я потерялась в поцелуе, и весь остальной мир просто исчез.

После того, как три или четыре машины, сигналив, объехали нас, мир постепенно начал возвращаться обратно.

Наконец, я разорвала поцелуй, засмеявшись.

— Ладно... поехали.

— Хорошо, — улыбнулся он в ответ, затем опять надел свои солнцезащитные очки и снова двинулся в сторону выезда с парковки.

Не могу вам сказать, насколько счастливой я была, и какое облегчение испытывала.

Или как больно мне все еще было. Моя душа болела от пережитого.

Но я могла справляться с этой болью так долго, пока была рядом с ним.

Я сидела, откинувшись на кожаное сиденье в полусонном состоянии, и наблюдала за ним. Он был совершенно великолепен. Тёмные, вьющиеся волосы... загорелая кожа... волевой подбородок... прямой нос... греховно соблазнительные губы...

— Ты выглядишь по-другому, — пробубнила я.

— Да?

— Да... но не могу понять, почему...

— Может, потому что я вымотан.

Я нахмурилась.

— Почему?

— Почему? — повторил он с недоверчивым смешком. — Ну, для начала, я спал прошлой ночью часа два от силы.

Я слегка приподняла голову.

— Правда?

— Да.

— Почему?

Глупый вопрос.

Но мне хотелось услышать его ответ.

Мне *необходимо* было услышать его ответ.

Он посмотрел на меня, как на сумасшедшую.

— *Почему?* Потому что прошлый вечер был *отстойным*, вот почему. Ты была там, ты должна понимать.

Мне захотелось плакать, но на этот раз — от счастья.

Знаю, это звучит глупо, но я полагала, что с ним все будет хорошо после расставания со мной. Может, немного грустно. Но, чтобы он лишился сна? Такая возможность не приходила мне в голову.

Думаю, я *ДЕЙСТВИТЕЛЬНО* ему очень дорога.

Понимаю, это тоже звучит глупо. То есть, парень только что произнес великолепную речь о том, как сильно он меня хотел, как ужасно он облажался, и умолял пожалуйста, *пожалуйста*, ПОЖАЛУЙСТА сесть в машину. Вы считаете, что я должна была бы догадаться об этом, ну, что я ему вроде как нравилась. Но не забывайте, о ком мы тут говорим: о плаксивом, не выспавшемся, испытывающем нужду в обнимашках зомби.

Я снова устроилась на своем сиденье, и, протянув руку, накрыла ею его руку.

— Мне жаль, что ты не мог уснуть...

Он сбросил скорость и взглянул на меня.

— Спасибо.

— ...но ты вроде как это заслужил.

Я наградила его взглядом, который моя лучшая подруга Анх имеет в запасе для меня на тот случай, когда я жалуясь, что потолстела, умяв полкило мороженого «Haagen Dazs». Так мог бы выглядеть бассет-хаунд, если бы он мог сказать, *мне тебя жаль, хотя мы оба знаем, что ты полный идиот.*

Мгновение он пристально смотрел на меня, а потом захохотал.

— Полагаю, что так, — улыбаясь, он снова вернул свое внимание на дорогу.

— Но дело не в том, что ты устал, — сказала я. — Это что-то другое...

— Подожди, — сказал он и опустил вниз стекло со своей стороны, чтобы передать талон и двадцать долларов оператору шлагбаума.

Я взглянула на его безупречный костюм в тонкую полоску, затем на его сильную руку, сжимавшую руль.

— Точно! — поняла я.

— Спасибо, — сказал Коннор служащему парковки, затем обернулся ко мне, проезжая под поднимающимся шлагбаумом. — Что точно?

— Я никогда не видела тебя за рулем.

— Ах, — да, полагаю это...

— О, БОЖЕ МОЙ! — завизжала я.

— Что?! — закричал Коннор, ударив по тормозам.

— Где Джонни?!

Коннор откинул голову назад на подголовник с выражением облегчения и раздражения одновременно.

— Не *делай* так...

— Где Джонни? — повторила я.

— Ты чуть не довела меня до сердечного приступа.

— *Где Джонни?* — настаивала я.

— Почему ты так волнуешься о Джонни?

— Потому что он твой телохранитель! Это небезопасно для тебя разгуливать без него!

Коннор вздохнул и влился в поток машин в центре Лос-Анджелеса.

— Знаешь, ты такая же невыносимая, как и он.

— Может, потому что мы волнуемся о твоей безопасности. Даже если ты сам не беспокоишься.

— Ну, ты должна быть счастлива, я сбежал от него.

— Ты СБЕЖАЛ от него?

— Успокойся...

— Я не собираюсь успокаиваться! — закричала я. — Тот парень в отеле *угрожал* тебе.

— Да не было там особой угрозы, — отмахнулся от меня Коннор.

— Тебя там не было! А теперь ты берешь и сбегаешь от Джонни, как, как идиот!

— Мне пришлось.

— Ах, тебе *пришлось*, и с чего бы это?

Коннор неловко поерзал на сиденье.

— Я не хотел, чтобы он был рядом, если ты скажешь «нет».

Я буквально замерла на месте.

Коннор всегда вел себя так, словно все было игрой, которую он выиграет во что бы то ни стало — честным путем, блефуя или обманывая. Любым способом.

Я предположила, что та речь на парковке в гараже была еще одним «выигрышным моментом» для него. Что он придумал, как вернуть меня. Просто сказав правильные слова — красиво, страстно, трогательно — и вуа-ля, Лили мчится обратно.

Но одним этим предложением... *я не хотел, чтобы он был рядом, если ты скажешь «нет»*... он дал мне понять, что нет, на самом деле, он не знал, сможет ли вернуть меня назад.

И это напугало его.

Настолько, что он не хотел, чтобы его друг видел, как ему будет больно.

Полагаю, я могла бы быть циничной и сказать, что это лишь для защиты его эго, но у Коннора самое здоровое эго из всех людей, которых я встречала. Не думаю, что его волновало, если бы Джонни стал свидетелем, как дюжина супермоделей, одна за другой, дала ему от ворот поворот (впрочем, сомневаюсь, что такой поворот событий был хотя бы от части возможен).

Думаю, он действительно боялся.

И мое сердце немного разрывалось за него из-за этого.

Некоторое время я молчала, а затем нежно погладила его по щеке тыльной стороной ладони.

Он улыбнулся, взял мою руку и поцеловал ладонь.

Я продолжала молчать какое-то время, просто наслаждаясь осознанием того, насколько сильно он волновался... и что он не воспринял мое возвращение, как должное.

Затем, конечно, я вернулась к тому, на чем мы остановились.

— Ты должен позвонить Джонни.

Он вздохнул.

— Я собираюсь сделать это.

— Он повезет нас в Вегас?

— Нет, я сам.

— Ты спал всего пару часов!

— Я в порядке.

— Ты не в порядке.

— Я не спал семьдесят два часа ранее во время рискованной сделки по поглощению, успешно заключил ее и закончил презентацией об инвестициях, которую совсем не готовил, выступив перед тремя сотнями самых богатых людей в мире. В стрессовых ситуациях я чувствую себя лучше.

— Ну, рада за тебя, но теперь я здесь, и сделка по поглощению закончена, так что больше никакого стресса. Поэтому, сомневаюсь, что ты все еще на высоте.

— Нет, прямо сейчас я безумно счастлив и нахожусь под действием адреналина.

Я усмехнулась.

— Ты всегда знаешь, что сказать, не так ли?

Он улыбнулся.

— В этом я хорош.

— Но пообещай мне... когда ты спустишься с «безумно счастливого» облака, накаченного адреналином, мы остановимся, и ты заберешься в лимузин и позволишь Джонни отвезти нас в Вегас.

— Обещаю. — Он взял мою руку и снова поцеловал ее. — Я вернул тебя... я не собираюсь опять рисковать этим.

— А-а-а-х... но, я не хочу, чтобы ты подвергал опасности и себя тоже, *поэтому позвони Джонни.*

Коннор вздохнул и вытащил из кармана пиджака мобильный телефон.

— Да, дорогая.

Джонни был в *бе-е-е-шенстве*.

Я не могла точно расслышать, о чем он говорил, но что бы это ни было, он сказал это достаточно громко, отчего Коннор скривился и убрал телефон от своего уха.

Звучало, как *уа-уа-уа-УА-А-АХ* учителя Чарли Брауна, переходящий в крик проповедника, пугающего адскими муками.

Коннор позволил ему выпустить пар в течение нескольких секунд, затем сказал:

— Я еду к трассе-10. Ист...ты сможешь меня найти, я буду в темно-бордовом Ламборгини Авентадор.

Послышалось еще больше *уа-уа-уа-УА-А-А-АХ*.

— Да, хорошо, ладно, я не буду превышать скоростной режим, чтобы ты мог догнать меня... Боже, дружище, даже не знаю, кто хуже, ты или Лили.

На другом конце все успокоилось, и Джонни уже более спокойным голосом спросил что-то.

Коннор улыбнулся.

— Потому что она со мной.

Тишина. Затем Джонни сказал что-то еще, и Коннор отодвинул телефон от своего уха и включил громкую связь.

— *Лили?*

Я улыбнулась.

— Привет, Джонни.

— *Ты ведь заставила его позвонить мне, да?*

— Да.

— *Спасибо. Хоть у КОГО-ТО мозги правильно работают.*

— Эй, — предупредил Коннор.

— *Где ты взял машину?*

— Я позвонил Фрэнку Д'Агостанзо.

— Кто это? — спросила я.

— Владелец экстравагантного автосалона в Беверли Хиллз, — объяснил Коннор. — Он дал мне ее на прокат.

Я огляделась вокруг в изумлении.

— *Это на прокат?*

— С возможностью приобретения.

— Подожди... — сказала я, стараясь произвести подсчеты в голове. — Ты, должно быть, звонил ему примерно *в шесть утра* или около того.

— Я постоянный клиент.

— О, тогда *это* все объясняет, — пробубнила я с сарказмом.

— *Почему ты не можешь быть, как все нормальные богатые люди, и просто полететь в Вегас на частном самолете, а?* — спросил Джонни.

Если бы мои мозги не были в отключке от недосыпа, и, если бы я на самом деле вела такой образ жизни, в котором слова «частный самолет» и «Вегас» встречались в одном предложении при обращении ко мне — я бы могла подумать об этом раньше.

— Да! — согласилась я.

— Я хочу прокатиться, — сказал Коннор. — Мне необходимо проветрить голову.

— *Ты полностью проветришь свои мозги, когда заснёшь за рулем, перевернешь машину и лишишься верхней части своего черепа.*

— Фу, — поморщилась я.

— Немного перегибаешь палку, тебе не кажется? — спросил Коннор.

— *Нет. Лили, не позволяй ему делать глупости, ладно?*

— Слишком поздно, — поддразнила я.

— *Верно.*

— И ты, Брут? — глянул на меня Коннор исподлобья.

— *Но, если он устанет, ты заставишь его остановиться и позволить мне подменить его, ты меня слышишь?*

— Он уже пообещал мне это.

— *Хорошо. — Пауза. — Лили?*

— Да?

— *Рад был снова поболтать с тобой.*

Я улыбнулась.

— Я тоже, Джонни.

— *Скоро увидимся, ребята. И, Коннор, БОГОМ КЛЯНУСЬ, если ты превысишь разрешенную скорость хоть на ОДНУ милю, или почувствуешь, что тебя клонит в сон, и не остановишься...*

— Я знаю, мамочка, ты заберёшь у меня ключи, — сказал Коннор невозмутимо. — Тоже тебя люблю.

Джонни досадливо поворчал, затем отключился.

Коннор направился к выезду на трассу-10 (кстати, просто, как отступление, жители ЛА называют свои автомагистрали «что-то там бла-бла-бла». Например, «10», «101», «405». Как будто их автострады уникальны. Знаю, я тоже думала, что это глупо, но спустя полгода, как переехала сюда, я начала делать то же самое. Когда Коннор сказал Джонни, что он направляется к трассе-10, я чуть было не упомянула об этом, но затем решила помалкивать.)

Как и обещал, он вел машину в крайнем правом ряду, не превышая скоростной режим.

— Смотри, вон едет восьмидесятилетняя старушка, — посетовал Коннор, когда Олдсмобиль обогнал нас.

— Это старушка из Пасадены, — сонно пробормотала я.

— Больше похоже на старушку из дома престарелых Энсино, — с горечью ответил Коннор. — Не могу поверить, что сказал...

Я перебила его.

— Что ж, ты сделал это, так что *исполняй* обещанное.

Он вздохнул.

Когда дорога (и машины на мили вперед) растянулась перед нами, я спросила:

— Почему Вегас?

— А почему бы нет?

Я пожала плечами.

— Не знаю, просто спросила. Просто я не представляла, что ты из тех парней, которые любят тусить в Вегасе, вот и все.

— Что? Не игрок?

— О, вполне игрок. Нет, я имею в виду... выходные костюмы (выходной костюм — костюм для отдыха определенного покроя, ставший модным в США в 1970-е годы, состоящий из похожего на рубашку пиджака и брюк такого же цвета. Прим. пер.), подлые гангстеры, танцовщицы с ананасами на головах...

— Думаю, что твое представление о Вегасе слегка устарело.

— Да?

— Похоже на плохой фильм семидесятых.

— Да, да, — пробормотала я.

— Сейчас Вегас больше похож на Диснейленд, приведён в порядок для семейного отдыха.

— Серьезно?

— Угу.

— Значит, тогда ты из тех парней, которым нравится Диснейленд?

Он улыбнулся.

— Не совсем. Нет.

— Потому что мы могли бы просто поехать в Анахайм (город в Калифорнии, известен своими парками аттракционов. Прим. пер.). Это всего лишь в тридцати минутах езды.

— Только если мы займемся сексом на Спейс Маунтин (Space Mountain — один из аттракционов, вид американских горок с тематикой космоса. Прим. пер.).

Я засмеялась.

— Не думаю, что Дом Мауса одобрит это.

— Да ладно, только подумай... мы, занимающиеся этим, пока несемся на скорости в темноте...

— Вместе с детьми? НЕТ.

— Фу, это извращение, — нахмурился он. — Нет, мы были бы единственными пассажирами.

— И как именно это стало бы возможно?

— Я знаю одного парня.

— Который управляет аттракционом Спейс Маунтин, — поддразнила я его.

— Который руководит компанией.

Тушэ.

Я вздохнула.

— Могу поспорить, что знаешь. Хотя, может, нам стоило бы сделать это на аттракционе Дикая поездка Мистера Тоадза.

Коннор громко рассмеялся и покачал головой.

— Не-а. Спейс Маунтин.

— Ладно, у тебя определенно фетиш по отношению к Спейс Маунтин, так что, я полагаю, ты бывал в Диснейленде.

— Одна из моих компаний арендовала его для своих сотрудников.

— И почему я не удивлена... — пробурчала я. — Так, почему мы едем в Вегас, если ты явно хочешь перепихнуться на Спейс Маунтин?

Он усмехнулся.

— У меня там возникли некоторые неотложные дела.

Я широко распахнула свои полузакрытые глаза.

— Боже мой, я почти забыла — что случилось на совещании?

Коннор выглядел мрачным.

— Много неприятного.

— Например, что?

— Крики, взаимные упрёки, обвинения в недобросовестности, угрозы судебными исками и много чего еще.

— Какие судебные иски?

— О, Вестерхольц полагает, что я не имел никакого намерения выкупать Экзертон, и что я использовал поглощение, как предлог для просмотра его документов в целях корпоративного шпионажа.

Мне стало дурно, когда я представила свою роль во всем этом.

— А у него... у него есть для этого основания?

— Я отметил, что обычно в случае корпоративного шпионажа не обращаются к генеральному директору компании с просьбой о доступе к конфиденциальным файлам и оказании полного содействия. Когда он ответил, что согласился лишь потому, что предполагал, что эта сделка уже решенный вопрос, я сказал, что это было очень неверное предположение. Наш разговор закончился его криками и моим предложением Совету директоров о возможном пересмотре его кандидатуры на должности генерального директора.

— Ты этого не сделал, — ахнула я.

— О, не волнуйся за Вестерхольца, его с Советом директоров и водой не разольёшь. Мы это тщательно проверили. Нет, все это дерьмо отразится на его любимом козле отпущения

— и твоим любимым боссом, Герр Клаусе. Не то чтобы он не заслужил этого. — Коннор оглянулся на картонную коробку, которую я запихнула на маленькую полочку за сиденьями Ламборгини. — Полагаю, что между вами все прошло не так хорошо.

— Ха! — не смеясь, сказала я. Просто воскликнула «ха», в той манере, в какой обычно говорят «*подожди, ты еще не ВСЕ знаешь!*» Затем я подробно рассказала ему о том, что произошло после того, как Клаус вернулся с совещания.

Чем больше я ему рассказывала, тем злее и угрюмее становился взгляд Коннора, пока я не дошла до той части, где сказала: *Вы дерьмовый начальник, Клаус — но как человек, вы еще дерьмовее.*

Теперь была его очередь в шоке посмотреть на меня.

— Ты этого не сделала.

— Сделала.

Он широко улыбнулся, вернув свое внимание на дорогу.

— Молодец. Я тобой горжусь, Лили.

— Думаю, все твои советы в конечном итоге дошли до меня.

— Тебе потребовалось какое-то время на это, — поддразнил он.

Я в шутку шлепнула его поруче.

— Это было первое утро, когда я увидела его, с тех пор как встретила тебя, дурачок!

— Эй, я тут за рулем! — шутливо воскликнул он. Затем добавил обычным тоном. — Расскажи, что было потом.

Я рассказала все остальное, включая, *Ты не можешь меня уволить, мудака, потому что я сама увольняюсь.*

Коннор захохотал.

— Да, ну, потом он приказал эвакуировать мою машину, так что, полагаю, он смеялся последним, — хмуро сказала я.

— Я скажу своим людям позаботиться о твоей машине. К тому же, сейчас ты сидишь в Ламборгини, направляясь в Вегас со мной, а Клаус — если он не потеряет свою работу — будет понижен в должности и/или все в Экзертоне будут на протяжении нескольких лет постоянно гнобить его. Теперь он ходячее посмешище. Даже если он перейдет в другую компанию, могу гарантировать тебе, эта история существенно подпортила его репутацию. Итак, скажи мне еще раз, кто будет смеяться последним?

— Хм... ладно, — неохотно согласилась я. Затем добавила, — к тому же, я получила бонус в пятьдесят тысяч долларов.

Я произнесла это спокойно — не радостно или волнительно. Больше было похоже на дебютный ход, которым я приглашала его ответить.

— Так и есть, — согласился он нейтральным тоном.

Я положила голову на подголовник и какое-то время молча смотрела на него.

— Знаешь, мне ведь не нужны твои деньги, — наконец, сказала я.

— Знаю, — тихо ответил он.

— Я хочу, чтобы ты забрал их обратно.

— Я уже говорил тебе, что это подарок. Если они тебе не нужны, пожертвуй их куда-нибудь.

— Как ты вообще узнал номер моего счета?

— Я видел чеки на твоём столе в твоей квартире. Запомнил номер отделения банка и номер твоего счета.

У меня челюсть отвисла.

— У тебя что фотографическая память?

— Не совсем, просто способность к запоминанию чисел. Ты уже это видела раньше.

Это была правда — в тот вечер, когда мы впервые встретились, он с одного взгляда запомнил номер телефона в моем мобильном.

— А мой банк просто принял деньги, вот так запросто? Не задавая вопросов?

Уголок его рта немного приподнялся в усмешке.

— Я знаю одного парня.

Я раздраженно вздохнула.

— Уверена, что знаешь. Но...

— Пожалуйста, можем мы не говорить о деньгах? — спросил он, в его голосе сквозило раздражение.

Я предположила, что Коннор никогда ничего не просил, и это его беспокоило сейчас. Я слегка обиделась.

— Почему нет?

— Потому что, я облажался, в первую очередь, заговорив о деньгах, — сказал он мрачно. — И я не хочу повторить это снова. Поэтому, пожалуйста, давай не будем об этом, хорошо? Просто сделай пожертвование или что захочешь... но отныне, давай просто не будем говорить о них. — Он помолчал. — Пожалуйста.

Я сидела, наблюдая за ним.

Я облажался, в первую очередь, заговорив о деньгах, и я не хочу повторить это снова.

Мое сердце переполнилось радостью. Я чувствовала, что вот-вот расплачусь.

— ...хорошо.

— Спасибо.

Он произнес это не сердито, а словно действительно был благодарен.

Затем он потянулся за моей рукой, поднес ее к своим губам и нежно поцеловал, снова и снова.

Может, причина была в том, сколько эмоций он показал мне за последние пятнадцать минут — пусть даже сдержанно. Может, причина была в том, как он открылся мне. Может, потому что вся моя печаль наконец исчезла, и ее заменила радость.

Или, может, из-за того, что самый сексуальный мужчина, которого я когда-либо встречала, целовал мою руку.

Какой бы ни была причина, и несмотря на то, насколько вымотанной я была, я начала понемногу возбуждаться.

— Продолжишь так делать, — прошептала я, — и нам придется развернуться и отправиться к Спейс Маунтин.

Он засмеялся.

— Я не знал, что у тебя хватит сил сделать это в твоём нынешнем состоянии.

— Не думаю, что хватит. У меня глаза закрываются.

Он положил мою руку обратно мне на колени.

— Ты должна поспать. Опустит спинку сидения назад. Вздремни.

Я издала небольшой разочарованный звук, типа *Ай-й-й-й...*

— Я расскажу тебе, чем мы займемся, когда доберемся до Вегаса, — сказал он низким, соблазнительным голосом.

— Да? — зевнула я.

— Мы регистрируемся в самом шикарном отеле и поселимся в самом красивом пентхаусе, который будет свободен.

— Ему не обязательно быть шикарным, — прошептала я. — Или пентхаусом.

— Помолчи, просто послушай, — сказал он властным тоном. — Это такая же моя фантазия, как и твоя.

Я улыбнулась.

— Хорошо.

— И там будет самая большая, самая красивая кровать, которую ты когда-либо видела.

— ...угу...

— И мы поднимемся туда, и я буду медленно раздевать тебя.

Ох.

— ...угу? — прошептала я, теперь уже менее сонно.

— Я сниму с тебя твоё платье, затем лифчик, затем твои трусики, очень медленно, пока ты не останешься стоять обнаженной передо мной.

Я затрепетала от возбуждения.

— Угу...?

— А затем я сниму свой пиджак и рубашку, затем свои ботинки и брюки, затем нижнее белье, пока не останусь стоять обнаженным перед тобой.

Перед моим мысленным взором предстали его накаченные мышцы... его загорелая, идеальная кожа... и его еще не эрегированный, но толстый и огромный член, свисающий между его идеальными бедрами...

...а потом я представила, как он увеличивается, удлиняется, становясь тверже.

— Угу? — спросила я, теперь уже почти проснувшись.

— А потом я положу тебя на кровать и лягу рядом с тобой, прижавшись своим телом к твоему...

— Угу?

— ...и затем мы предадимся длинному...глубокому...невероятному...сну.

Я засмеялась.

— Ты точно знаешь, как соблазнить девушку.

— Это правда, перед моими навыками сна невозможно устоять.

— Откуда ты узнал о моей самой большой фантазии на данный момент?

— О, у меня была подсказка.

Затем он притворно зевнул. Конечно, зевота — заразная штука, и я сама сделала большой зевок.

— Перестань! — сказала я и слегка шлепнула его по плечу.

Он ухмыльнулся, затем тихо сказал:

— Поспи. Мы приедем туда раньше, чем ты поймешь.

— ...обещаешь, если устанешь...то остановишься...и позволишь Джонни сесть за руль...?

— Обещаю.

— ...хорошо...

Думаю, спустя тридцать секунд я вырубилась.

Глава 6

Отдельные моменты поездки прорывались сквозь мой сон. Телефонные звонки шепотом... урчание двигателя автомобиля... игра света и тени...

Один или два раза я просыпалась, чтобы сделать глоток воды из бутылки, но потом снова возвращалась в полузабытьё.

Пока не почувствовала, как чьи-то руки подхватили и подняли меня с сиденья.

Я сонно огляделась.

— Чт...где...

Я пыталась заставить себя проснуться, но все ещё была сильно уставшей, словно накачена наркотиками.

— Мы на месте, — сказал Коннор, прижимая меня к своей мощной груди. Я почувствовала его стальные мышцы даже через костюм.

Солнце припекало мою кожу. Я видела неясные очертания огромного белого, стеклянного здания, которое было намного выше отеля Дубай.

Я сощурилась от яркого света.

— ... Что ты делаешь...?

— Несу тебя, — ответил он, и затем мы двинулись. Яркий свет исчез, и меня укутало тенью. Послышался звук открытия автоматических дверей, и меня обдало холодным воздухом. Тень превратилась практически в темноту. Где-то вдалеке слышался электронный *дзын, дзын, дзын* игровых автоматов и звон монет, грохочущих о металл.

Мы в Вегасе, поняла я.

— ... Что... Боже, я могу ходить, — возразила я, сонно борясь с ним.

Бессмысленно. У него были слишком сильные руки.

— Я могу с лёгкостью носить тебя на руках.

Я осмотрелась. Ослепленная ярким солнечным светом за минуту до этого, я едва могла фокусироваться в полумраке, но все же рассмотрела хорошо одетых людей, уставившихся на нас, когда мы проходили мимо.

Высокий, красивый мужчина, несущий на руках миниатюрную девушку.

Ну... не такую уж и миниатюрную, честно говоря. Просто невысокую.

— ... Что люди подумают...? — взволнованно спросила я, стараясь мыслить ясно.

— С чего ради меня должно волновать, что подумают другие?

Это правда. Коннора не заботило мнение *других*.

Кроме твоего, прошептал тоненький голосок в моей голове, и я сонно улыбнулась.

Раздался мелодичный звонок, затем звук открывающихся дверей. Коннор вошел в зеркальный лифт, и внезапно я увидела себя у него на руках, в сотне отражений, которые становились все меньше и меньше, и так до бесконечности.

Джонни вскочил в лифт прямо перед тем, как двери закрылись.

— ...Ох...привет, Джонни...

Он улыбнулся.

— Привет, Лили.

Лифт двигался так плавно, я почти не заметила, как он начал движение. Но я слышала гул, громкость которого стремительно нарастала. Мы двигались *быстро*.

— ...О, Боже, это унижительно...отпусти меня... — сказала я Коннору.

— М-м-м... — сказал он, глядя вверх, словно размышлял над вопросом. Затем покачал головой, как будто подумал и решил иначе. — Не-а.

— ...Джонни...скажи ему отпустить меня...

— Ага, как будто из *этого* выйдет какой-то толк. На случай, если ты не заметила, он меня вообще не слушает, — сказал Джонни, укоризненно посмотрев на своего босса.

Лифт начал замедляться. Через мгновение гул исчез, и двери снова открылись. Джонни вышел первым, Коннор со мной на руках последовал за ним. Я увидела коридор, выкрашенный в светло-жёлтый цвет. Десяток красивых картин украшали стены. Некоторые из них выглядели смутно знакомыми.

— ...Серьезно, это... — сказала я, затем позволила своей голове упасть на его плечо. Было так трудно закончить предложение.

— Мы почти пришли, — прошептал Коннор.

Я услышала электронный писк и щелчок замка.

Коннор шагнул в тёмные апартаменты и двинулся дальше в темноте.

— Я займу комнату с другой стороны, — сказал Джонни.

— Замечательно, — согласился Коннор. — Закажи себе, все, что захочешь, только не шуми.

— Понял.

Затем мы прошли мимо Джонни и вошли в комнату, в которой была крошечная темнота.

— Ладно, теперь я отпущу тебя, — прошептал Коннор.

Я почувствовала, как его правая рука, которая поддерживала мои ноги, начала медленно опускаться вниз. Но левой рукой он крепко сжимал верхнюю часть моего тела, поэтому я не боялась, что упаду.

Мои ноги коснулись пола, и я покачнулась.

— Подожди, подожди, — сказал Коннор. Он опустился передо мной на колени и снял с меня туфли. Затем встал и расстегнул мою юбку.

— ...Полегче...ты слишком спешишь... — пробормотала я, когда юбка упала на пол.

Он засмеялся, затем стянул с меня блузку через голову.

— Ты разве не помнишь нашего разговора в машине? О том, как я тебя раздену?

— Ах, да...и про сон... — зевнула я.

— И про сон, — согласился он.

Я почувствовала, как он натянул, а затем ослабил мой лифчик. Лямки скользнули вниз по рукам.

— ...Где кровать...?

— Прямо за тобой, — ответил Коннор, зацепив пальцами мои трусики, присев и стянув их вниз по бедрам.

Я тихо застонала и пробежалась руками по его волосам, прежде чем он поднялся на ноги.

— Не сейчас, — улыбнулся он. — Позже. После сна.

Я стояла меньше чем в полуметре от него, пока он раздевался передо мной — пиджак, рубашка, ботинки, штаны. Теперь уже мои глаза привыкли к темноте, и я поняла, что в комнате было не так уж темно. Я наблюдала за движением его рук и плеч, очертания его тела демонстрировали чуть больше, чем силуэт мышц.

Свет, пробивавшийся из-под двери, позволял мне немного рассмотреть нижнюю часть

его тела, которая была довольно привлекательной. Он стоял передо мной в одних лишь боксерах из черного материала.

— ...Эй...если я голая, то и ты тоже должен раздеться, — прошептала я.

— Тогда раздень меня, — сказал он с вызовом.

Даже не видя его лица, я услышала улыбку в его голосе.

Я просунула пальцы под резинку его трусов, почувствовав мягкость материала. Потянув их медленно вниз, я наблюдала, как они заскользили вниз по его четко выраженным, рельефным мышцам нижнего пресса, затем появилась дорожка темных завитков и основание его длинного, толстого, расслабленного мужского достоинства.

Мой рот наполнился слюной, я опустилась перед ним на колени на мягкий ковёр и продолжила стягивать боксеры, обнажив его член. Освобожденный от одежды, он слегка отскочил, а затем дернулся, немного покачиваясь.

Я наклонилась вперед и поцеловала его.

Я ощутила на своем лице жар его тела, а на губах нежный шелк его кожи.

Его член сразу же начал расти с каждым ударом его сердца.

Но, прежде чем я успела что-либо сделать, я почувствовала, как он схватил меня за руки и нежно поднял на ноги.

— ...Эй, — сонно запротестовала я.

— Позже, — промурлыкал он мне в ухо. — После того, как поспим.

Не видя перед собой его великолепного образца мужественности, я легко отвлеклась.

— ...Хорошо... — зевнула я.

Послышался шорох простыней, а потом Коннор снова подхватил меня на руки, как куклу, и уложил в кровать. Самые мягкие простыни, какие я только встречала, ласкали мою кожу. Они были прохладными на ощупь, заставив меня задрожать.

Затем матрас прогнулся под весом Коннора, он забрался в кровать и прижался ко мне. Его тело излучало тепло. Я развернулась к нему, словно растение к солнцу, и положила голову на его мощную грудь.

Он погладил меня по голове и прошептал на ухо:

— Спи.

И, когда он обнял меня своими сильными руками... я уснула.

Я проснулась, понятия не имея, где нахожусь, и который был час.

Чуть приоткрыв глаза, я поняла, что лежала на краю кровати, лицом к стене. Неясные очертания мебели наполняли комнату, но я не видела часы, или окно, или еще что-нибудь, что сказало бы, день сейчас или ночь.

Лежа в кровати, не до конца проснувшись, я проигрывала в голове последние события, которые могла вспомнить, хотя, они больше походили на образы из ускользающего сна:

Коннор, заносающий меня на руках в номер...

...медленно раздевающий меня...

...Я, стягивающая с него нижнее белье...

На *этом* воспоминании, что-то внутри меня отозвалось сильнее.

Я перевернулась.

Он лежал на спине в полуметре от меня, одна рука заведена за голову, глаза закрыты, а губы слегка приоткрыты.

Совершенство.

Я начала все вспоминать: как накричала на Клауса... как обнаружила, что мою машину отбуксировали... как разразилась слезами прямо на парковке... как подъехал Коннор... его эмоциональную речь... как я плакала в машине... как он целовал мою руку... разговор с Джонни по телефону... ощущение сильных рук Коннора, обнимавших меня... представление, которое мы вероятно устроили, когда он вносил меня на руках в отель...

Ничто из этого не было важным.

Я слушала медленный, спокойный ритм его дыхания и была счастлива просто лежать рядом с ним.

Я ощущала безмятежность.

А затем мой взгляд начал блуждать по его телу.

Сначала вниз, к его груди. Загорелой, мощной, накаченной.

Затем к его рельефному прессу, поднимавшемуся и опускавшемуся в такт с его дыханием.

И, наконец, к шелковым простыням, изящно наброшенным на нижнюю часть его тела, как будто кто-то сделал это из скромности...

...но не смог полностью прикрыть все.

Я видела изгиб мышц верхней части его бедра.

И мне *очень* хотелось увидеть еще больше.

Я взглянула на его лицо. Он выглядел таким спокойным и безмятежным... мне не хотелось беспокоить его.

...но очень *хотелось* подсмотреть.

Возможно, я пролежала так целую минуту мысленно споря сама с собой. Оставить его в покое и позволить поспать, или заглянуть под простыни и, скорее всего, разбудить.

Если бы это был один из моих предыдущих парней, я бы определенно позволила им поспать.

Не то, чтобы меня не волновало, достаточно ли Коннор отдохнул. Волновало.

Просто, если бы рядом со мной лежал любой из моих бывших, я не была бы сильно заинтересована в том, что *скрывали* простыни.

Я не испытывала бы такого же голода, который терзал меня сейчас.

Я протянула руку.

Возможно, мне не стоило это делать. Полагаю, это было эгоистично... просто, лежа и глядя на него, я возбудилась и испытывала волнение...

...и я пыталась оправдаться, полагая, что большинство парней хотели бы проснуться и заняться сексом, даже будучи смертельно уставшими.

И я заключила договор со своим либидо, что если *разбужу* его, то сделаю для него что-нибудь очень приятное.

Что это будет — более *приятное*, чем все то, что я делала последние пару дней, я не знала.

Но я решила, что мы выясним это.

Мое сердце бешено колотилось, пока я тихонько приподнимала простыню над его бедрами. Я продолжала смотреть на его лицо, беспокоясь, что малейшее мое движение разбудит его.

Это казалось таким *непристойным*.

Подглядывать за ним, когда он не мог сказать *нет*...

...собираясь раскрыть его...

Я к тому, что вы бы подумали, не такое уж это и большое дело. Я видела *его* раньше.

О, *да*! Я видела его раньше.

Мне очень, *о-о-о-очень* хотелось увидеть его снова.

И мне хотелось сделать это особенно потому, что он не мог сказать *нет*...

...и потому что спал...

...и потому что это было непристойно.

Знаю, знаю. Я не оригинальна. Простые удовольствия для простых умов.

Но это не уменьшило трепета, который я испытывала, или того факта, что мое сердце неистово колотилось в груди.

Я осторожно стащила простыню с его тела, наблюдая за его лицом, чтобы увидеть, если он проснется.

Он не проснулся.

Я откинула простыню, и мой рот сразу же наполнился слюной.

Его член, толстый и длинный, лежал на его мускулистом бедре. Даже не будучи в возбужденном состоянии, он был внушительных размеров. И прекрасным, не похожим ни на один, виденный мной ранее. Розовый и идеально выточенный, словно самая восхитительная скульптура, которую вы когда-либо видели.

(Уверена, большинство парней были бы *о-о-очень* рады услышать, что их член назвали *восхитительным*. Заставляет задуматься, что может мне стоит произносить это с британским акцентом. «О-о, твой пенис восхитителен»).

Я уже говорила раньше, что обычно не считаю их привлекательными. Как правило, мне они кажутся прикольно выглядящими, а временами и просто отталкивающими. Я никогда не питала особого интереса к членам своих бывших (не считая, ну, самого секса) и *определенно* не наслаждалась видом тех, что появлялись в нескольких порнофильмах, которые уговаривал меня посмотреть мой парень из колледжа (обычно я смотрела их, прикрыв глаза руками).

Но у Коннора... я могла бы лежать так весь день и просто смотреть на него.

Если бы я не хотела так сильно прикоснуться к нему.

Видите? Вот как все начинается. Сначала тебе хочется взглянуть украдкой. Затем

потрогать...

И, Бог ты мой, мне ужасно хотелось прикоснуться.

Я снова посмотрела на его лицо, ожидая увидеть какие-либо признаки того, что он проснулся, но он, казалось, крепко спал. Так что я осторожно стянула простыню ниже, позволив ей собраться складками на его бедрах.

Затем, мне потребовалась еще минута, чтобы собраться с духом, протянуть руку и дотронуться до него.

Я чувствовала себя дерзкой *вдвойне*.

Продолжая поглядывать на его лицо, я ожидала, что он откроет глаза и хмуро посмотрит на меня.

Я вообще-то СПАЛ, представляла я, как он скажет.

Знаю, скорее всего, он не сделал бы такого...но я все равно боялась.

И мое сердце продолжало бешено колотиться в груди.

Но мне так *сильно* хотелось погладить его.

Я вытянула руку, несколько раз останавливаясь, и наконец, прикоснулась к нему.

Такой теплый и мягкий...

Кончиком пальца я провела по его внушительной длине, на секунду взглянув на него, чтобы проверить, не проснулся ли он.

Не проснулся.

Но кое-что другое проснулось.

Его ствол начал медленно увеличиваться и твердеть, становясь с каждой секундой все больше. Я едва касалась его, но этого было достаточно. Я провела пальцами по небольшому бугорку кожи под головкой, и его член начал твердеть еще быстрее. Я слегка погладила его мошонку, наблюдая, как сжималась его кожа от моего прикосновения.

И каждые несколько секунд я бросала взгляд на его лицо.

Его губы еще немного приоткрылись, и я услышала, как ускорилось его дыхание. Он слегка повернул голову в сторону.

Что-то происходило.

Надеюсь, приятный сон обо мне.

Я подползла чуть ближе, наклоняясь к его стволу, но не касаясь его, и посмотрела на лицо Коннора.

Его губы дернулись, но он так и не открыл глаза.

Я была так близко к его члену, что могла чувствовать, как мое дыхание отражалось от его кожи и щекотало меня под носом. Меня обдавало его жаром.

Все время наблюдая за его лицом, я поцеловала его член.

Он дернулся от моего прикосновения, прижимаясь к моим губам.

Его рот открылся еще больше, и мускулы на лице дернулись.

Непрерывно наблюдая за Коннором, двигаясь осторожно, чтобы не потревожить его, я слегка высунула язык и провела им от его яиц вверх по всей длине к упругой и набухшей головке.

Низкий, гортанный стон сорвался с его губ.

Он был твердым, как скала, его эрекция служила доказательством готовности его тела.

Господи, я была такой мокрой.

Я так сильно его хотела.

Я продолжала легонько целовать и ласкать его член языком, наблюдая за лицом

Коннора...но он не просыпался, лишь хмурился от отчаянного желания.

Я так больше не могла.

Проклятье, мне *нужно* было почувствовать его внутри.

На этот раз я оправдывалась тем, что какой парень не захотел бы проснуться не просто, чтобы заняться сексом, а от того, что женщина уже ублажает его?

Словно ей не терпелось?

Эй, разве это не *должно* польстить его эго?

Но я не хотела ублажить только его.

Я хотела доставить удовольствие *себе*.

Используя его.

Тем не менее, мое сердце трепетало в груди, пока я медленно передвинулась и встала на колени рядом с ним. Я старалась делать это так медленно и бесшумно, насколько возможно, но матрас все равно немного прогнулся.

Но он продолжал лежать с закрытыми глазами, его дыхание было поверхностным и быстрым.

Его руки были заведены над головой, что, по крайней мере, могло помочь мне в том, что я задумала.

Я подняла одну ногу вверх, медленно, о-о-очень медленно — все-таки мне стоило сдержать обещание, данное себе на прошлый Новый год и приобрести абонемент в тренажерный зал, а затем довольно изящно перекинула ее над его телом. Потом опустилась на колени.

Теперь я сидела на нем, расставив ноги. Хотя, стараясь как можно меньше давить на него своим весом, получалось у меня не очень.

Но он до сих пор не проснулся.

Черт, он крепко спал...

Я чувствовала обжигающий жар его ствола напротив своего бедра, его твёрдую эрекцию и нежную кожу.

Я положила руки на кровать по обеим сторонам от его рёбер, перенесла вес на четвереньки и затем медленно...медленно...опустила свою задницу, пытаюсь направить его в себя, не помогая при этом рукой.

Туда.

Кончик его члена тёрся о мои мокрые складочки.

О-о-о-о, Бог ты мой.

Мое собственное дыхание теперь стало прерывистым, напряженным от предвкушения.

Должна ли я опускаться на него не спеша и посмотреть, сколько времени потребуется, чтобы разбудить его?

Или мне стоит резко сесть на него и разбудить шоком?

(Учитывая, насколько он огромен, меня, на самом деле, может ожидать **большой шок**).

А потом, в последнюю минуту, моя совесть заговорила об ограничении ответственности.

Это ведь не...ПЛОХО? Типа...без его согласия...верно? Я имею в виду...ему ведь это ПОНРАВИТСЯ?

То есть...МНЕ бы понравилось, если бы мы поменялись местами...

(О, черт, ДА, понравилось бы)

Но...понравилось бы мне это в любой ситуации?

Я закусила губу, пытаюсь решить, что же мне все-таки делать. Я просто вроде как покачивалась над ним, чувствуя, как его набухшая головка *почти* вошла в меня, но не совсем, это походило на восхитительную пытку...

Мне так сильно этого хотелось...но теперь, будучи на финишной прямой, я не была уверена, что должна пойти до конца...

А затем одна из его бровей приподнялась, он приоткрыл глаз и посмотрел прямо на меня.

— Лили, ты меня *убиваешь*. Просто СДЕЛАЙ это.

Я ахнула.

— Ах ты ОБМАНЩИК!

Он захохотал.

— Ну, если бы ты не *возилась* так долго...

— Ах, да? — воскликнула я. — Что ж, вот что я делаю с обманщиками!

И я резко опустилась на него одним великолепным, убийственным движением.

Ну... во всяком случае, наполовину.

Я уже истекала от постоянного предвкушения последние десять минут. Спасибо Господу за эту смазку, иначе бы мой ход не сработал. Или было бы довольно болезненно.

Вместо этого, все было восхитительно.

Настала *его* очередь удивиться.

Его губы сложились в «О», и он широко раскрыл глаза.

— Ох, *бл*дь*, — застонал он.

Думаю, его реакция в значительной степени отразила мои чувства, хотя я не могла мыслить слишком ясно.

Смутно я осознавала, что у меня вырвался стон, похожий на вой дикого животного.

Каждый раз, когда Коннор входил в меня раньше, он делал это не спеша, медленно.

Теперь же, пребывая на вершине возбуждения и предвкушения, его скольжение внутрь меня... так глубоко... так быстро...

Ничего себе.

Я не кончила, но была очень близка.

Он поднял руки и потянулся к моей талии, словно желая схватить меня...

— *Не двигайся*, — командовала я и схватила его запястья прежде, чем он дотронулся до меня.

Если бы он захотел положить руки на мою талию, я бы абсолютно ничего не смогла сделать, чтобы остановить его...но он уступил и просто посмотрел на меня.

— Обманщикам не разрешается командовать парадом, — сказала я, держа его за запястья.

Он с трудом сглотнул.

— Хорошо...просто, ради Бога, — прошептал он настоятельно, — *делай что-нибудь*.

— Прекрасно, — огрызнулась я, опираясь на его руки.

А потом я медленно приподнялась, на дюйм или два... и медленно опустилась, принимая еще немного его длины.

Затем я снова приподнялась, чувствуя, как его влажная кожа скользит во мне...

И потом я стала медленно покачиваться вверх-вниз, принимая еще немного его длинного члена в себя.

Он стал намного толще.

Заполняя меня.

Я скользнула вверх по его длине (он был во мне уже довольно глубоко) и резко, жестко и быстро опустилась на него.

Приняв еще немного.

Он лишь продолжал увеличиваться, пока я продолжала.

Все это время его шея была напряжена, а голова чуть приподнята так, чтобы он мог смотреть между моих бедер, поглощенный тем, как губы моей киски обхватывали его член.

Я поняла, что мы еще не пробовали эту позицию. Он никогда не видел меня... эм... таким образом.

Я почувствовала небольшую неуверенность в себе.

Немного засмуцалась.

Слегка заволновалась.

Затем, мой внутренний «*Так держать, подружка!*» голос заговорил.

«*К черту ЭТУ хрень*», — сказал он.

В конце концов, Коннор видел меня *гораздо* ближе.

Он, кхе-кхе, засовывал свой язык в куда *более* необычное место.

И выражение его лица прямо сейчас было сродни выражению Индианы Джонса, когда тот впервые увидел Ковчег Завета.

(Да, я чудачка).

— Нравится то, что видишь? — прошептала я, скользнув вверх и замерев.

— Да, — сдавленно ответил он.

Я застыла... на секунду... две секунды...

— Хорошо, — сказала я и резко скользнула вниз на всю его длину.

— Господи Боже, — застонал он.

Я тихо вскрикнула, когда моя задница со шлепком опустилась на его бедра, и он достал до самых моих *глубин*.

По-прежнему используя его вытянутые руки, которыми он крепко держался за спинку кровати, в качестве опоры, я приподнялась выше, выше, еще выше, пока он почти не вскользнул из меня... и замерла наверху...

— Лили, *пожалуйста*, — взмолился он.

И тогда я резко скользнула вниз.

Шлеп.

Мы одновременно вскрикнули.

Снова, я заскользила вверх, выше и выше, до самой головки... остановилась... затем резко опустилась вниз — но только на три-четыре дюйма. Я покачивалась вверх-вниз, чередуя скольжение вверх, до самой головки, затем на пять дюймов вниз по его члену, потом вверх до вершины, на два дюйма вниз, снова вверх, затем резко вниз, принимая в себя всю его длину, пока наши тела не *ударились* друг об друга.

Он тяжело дышал и все время стонал, не знаю, собираюсь ли я подразнить его немного или полностью принять в себя.

Затем я решила сделать кое-что особенное для *себя*.

Его член был полностью во мне, и я начала двигать бедрами по кругу, используя его потрясающий размер и толщину, надавливающую именно туда, где мне было необходимо. Вращая своими бедрами, я чувствовала каждый его дюйм, заполнявший меня.

— Позволь мне прикоснуться к тебе, — сдавленным голосом взмолился он.

Я продолжала удерживать его запястья, но особо не сопротивлялась, когда его руки обхватили мою грудь — сначала нежно, затем более жестко, тиская, потирая ее, он покручивал между пальцами и пощипывал мои соски.

Это лишь подлило масло в огонь.

Я наклонилась вперед, надавив именно там, где хотела, ощущая, как его жесткий ствол ласкал меня внутри, именно там, где нужно.

Сладостный жар удовольствия все быстрее разрастался между моих ног.

Я закрыла глаза и начала двигаться быстрее, чувствуя, как он ласкал мое тело, прижимался ко мне, к моим губам, к заветному местечку внутри меня, и с каждой секундой это становилось все жарче.

Мое тело дергалось напротив его, и я больше не могла это терпеть — удовольствие было слишком приятным, и словно потоп оно разлилось по моему животу, вверх по позвоночнику, и я закричала, еще и еще раз, пока кончала, крепко сжимая его, и с каждым толчком удовольствия я ощущала его толстый, твердый и массивный член внутри себя снова и снова.

Я тяжело дышала, моя кожа блестела от тонкого слоя пота, когда волны наслаждения стихли, и я наконец открыла глаза.

Он пристально смотрел на меня.

— Ух ты, — улыбнулся он.

— Тебе понравилось? — улыбнулась я в ответ, затем закрыла глаза, когда отголоски оргазма пронеслись по моему телу.

— Зрелище было то еще.

Я снова начала медленно двигаться вверх-вниз по его стволу.

— А что я могу сделать для тебя?

— Иди сюда, для начала, — сказал он низким, опасным голосом.

Затем протянул руку, схватил меня за плечи и притянул вниз, к себе.

У меня перехватило дыхание, но это быстро отошло на второй план, когда он запустил свои руки мне в волосы, притянул мою голову к себе и страстно поцеловал меня.

Ах-х-х-х-х.

Его язык играл с моим, его губы ласково теребили мои в мокром, чувственном поцелуе — но в то же время ниже пояса он оставался неподвижным.

До тех пор, пока его руки не опустились вниз по моей спине и обхватили мою задницу.

Затем, продолжая целоваться, он немного приподнял мою задницу — и резко опустил вниз на себя.

Ох.

Он начал двигать меня — не против моей воли, но без реальных усилий с моей стороны — вверх и вниз, моя грудь терлась о его твердую грудную клетку, пот наших тел помогал трению. И когда он опускал меня вниз, то приподнимал свои бедра навстречу, отчего мое тело врезалось в него еще более энергично, а его массивный объем полностью заполнял меня, когда наши тела встречались.

Я ахнула и застонала, пока его пальцы массировали мою задницу, крепко обхватывая меня. Я перестала целовать его — просто больше не могла это делать, он лишил меня дыхания, продолжая вбиваться в меня снова и снова, своим длинным, жестким и толстым членом. Я слегка повернула голову в сторону и почувствовала его дыхание на своем ухе, он прошептал на выдохе:

— Боже, обожаю трахать тебя, Лили... Господи, с тобой так хорошо...

Все, что я могла, это стонать в ответ.

Он начал двигаться еще быстрее. Одной рукой он схватил мою талию и начал по-настоящему толкать меня вниз, врываясь глубоко в меня.

Я застонала от наслаждения, когда его толчки стали жестче, быстрее, беспощаднее, наполняя меня до предела, насколько я могла принять — увеличивая скорость в два, три раза.

Я снова почувствовала приближение оргазма, когда он вбивался в меня еще настойчивее и безжалостнее — а затем он прошептал мне в ухо, прерывисто и страстно:

— Я собираюсь кончить в тебя, Лили...

— Кончи в меня, — умоляла я, — кончи внутри меня...

Он вскрикнул, и я почувствовала, как его член внезапно начал пульсировать между моих ног. Звук его голоса и понимание того, что он кончал в меня, толкнуло меня через край. Я вцепилась пальцами в его плечи, вонзив ногти в кожу, когда во мне словно взорвался яркий раскаленный шар.

Он громко вскрикивал возле моего уха. Я же заглушала свои стоны, вонзившись зубами в его плечо, не в силах контролировать себя.

Толчки замедлились и спазмы его члена медленно ослабевали, хотя какое-то время он все еще подрагивал — через три или четыре секунды, затем через семь-восемь секунд. При каждом сокращении он двигался во мне, словно пытался продлить свое удовольствие в моем теле насколько возможно.

Он еще раз дернулся, и я больше ничего не чувствовала, кроме его сладостного, переполняющего присутствия внутри меня.

Мы так и лежали, он оставался внутри меня, я раскинулась на нем, мои влажные волосы рассыпались по нашим лицам. Я чувствовала, как его грудь вздымалась и опускалась при дыхании — черт, она физически *двигала* меня вверх-вниз — и я считала удары его сердца, которое стучало всего в нескольких дюймах от моего собственного.

Затем он убрал влажные пряди волос с моего лица, нашел мои губы и снова поцеловал меня. Нежно, чувственно.

Тридцать секунд спустя, отстранившись, он улыбнулся и заглянул в мои глаза.

— *Черт*, я рад, что ты села в машину.

Я засмеялась, положила свою голову ему на грудь и прошептала:

— Я тоже.

Глава 8

В конце концов, мы встали и отправились в ванную, где приняли долгий, чувственный душ вместе, намыливая и лаская друг друга.

Как только мы вышли, я увидела маленькие электронные часы на полке в ванной.

Они показывали семь часов вечера.

— О, Боже, мне нужно позвонить Анх, — в панике сказала я.

Последнее, что слышала от меня моя соседка, что меня уволили, и я отправилась домой.

Она уже, вероятно, вернулась в квартиру, обнаружила ее пустующей и подумала, что я задремала за рулем и попала в аварию.

Второй раз за четыре дня я заставила свою лучшую подругу безумно волноваться.

— У тебя есть телефон или тебе нужен мой? — спросил Коннор, вытирая полотенцем волосы.

Я опустила глаза ниже его талии и увидела, как от этих движений его мужское достоинство покачивалось туда-сюда.

— Эм...да...

Он увидел, куда я смотрела.

— Сосредоточься, — поддразнил он.

— На этом? — спросила я, протянув руку и погладив его обмякший член, после чего он был уже не столь расслабленным.

— А-а, — застонал он, наклонился и поцеловал меня. Затем отстранился. — И не делай этого, иначе не сможешь позвонить ей еще полчаса.

— Так долго?

— Ну... по меньшей мере, две минуты.

Я улыбнулась и вышла из ванной, обернувшись в полотенце.

Анх ответила при первом же гудке.

— *Лили?!*

— Прости, я должна была тебе позвонить, мне очень жаль...

— *С тобой все в порядке?!*

— Все хорошо.

— *Ты где?!*

— Эм... в Вегасе? — поморщившись, ответила я.

Молчание на том конце.

Затем внутренняя мама моей соседки вырвалась наружу.

— *Ты посчитала хорошей идеей отправиться в Лас-Вегас после всего, что случилось этим утром?! И поспав всего, сколько, пару часов?! И ты даже не поставила меня в ИЗВЕСТНОСТЬ?!*

— Ну... Коннор был за рулем, так что...

Еще одна пауза.

Затем появилась внутренняя фанатка моей соседки.

— *БОГ ТЫ МОЙ, ЛИЛИ!* — счастливо завизжала она. — *ОН, ЧТО... А ТЫ...*

— Он появился на парковке и сказал, что очень сожалеет, и попросил сесть к нему в машину.

— *И ты села?*

— Ну... да, — сказала я, типа, а то!

Она замолчала.

— Ты... эм... ты передумала по поводу его предложения прошлым вечером?

— Какого пред — о, нет, БОЖЕ, нет — *НЕТ*. Просто он был таким милым и потрясающим, и...я не удержалась...

— *Ладно, хорошо — так, значит, он не платит тебе, это хорошо.*

Я снова поморщилась.

Сказать ей позже, или сейчас?

Лучше, наверно, сразу выложить всю правду.

— Эм... вообще-то... он уже внес на мой счет пятьдесят тысяч долларов, — призналась я.

— *ЧТО?!*

— Он сказал, что это подарок, никакого давления, даже если я не сяду в машину, я могу все равно оставить их себе, и я не хотела этих денег, но он сказал, что я могу отдать их на благотворительность, если не хочу их брать, — в спешке ответила я.

— *...А...хм...ладно...*

Я услышала сомнение в ее голосе.

— Я села в машину, потому что хотела этого, Анх, — настойчиво сказала я.

— *...И тот факт, что тебя только что уволили, тут совсем не при чем?*

— Нет. То есть, да, это совсем ни при чем.

Меня это начало раздражать. Частично, потому что она обламывала мне весь кайф — и частично, потому что вызывала у меня сомнения, которые сама я спрятала глубоко в душе.

— *...ладно, — отозвалась она. — Пока ты счастлива. Ты ведь СЧАСТЛИВА?*

Я подумала о нашем с Коннором разговоре в машине.

И о последних сорока пяти минутах.

— Абсолютно.

— *Тогда, ладно, —* сказала Анх так, словно все улажено.

Затем снова замолчала.

— *...Пятьдесят тысяч долларов? Ты серьезно?*

— Да... — нервно ответила я, кусая губу.

— *Боже, Лили, ты должно быть та еще ШТУЧКА в постели.*

— Анх! — засмеялась я, возмущаясь, что моя соседка вообще могла такое подумать.

— *Хотела бы я, чтобы какой-нибудь великолепный парень заплатил МНЕ пятьдесят штук за мою кисюнечку.*

— О БОЖЕ, ты этого НЕ сказала! — застонала я, захваченная то ли смехом, то ли праведным гневом.

— *О, и способ продолжать переговоры о повышении...*

— ЭТО БЫЛ ПОДАРОК!

— *Угу... да, заметь, он не дает МНЕ пятьдесят тысяч долларов, хотя...*

— Анх...

— *Да шучу я. Ты ведь понимаешь.*

— Понимаю, — сказала я, хотя немного нервничала.

Как сказал однажды Доктор Шелдон Купер, мой любимый ТВ умник всех времен, в сериале «Теория большого взрыва»: «Это смешно, потому что это правда».

Но я выкинула это из головы.

— Я еще не знаю, что буду с ними делать...

— Да, только не ставь всё на черные.

— *Черт*, конечно нет. И думаю, я смогу заплатить за аренду в этом месяце, —
подразнила я.

— Думаешь?

— Может приглашу тебя провести день в роскошном спа-салоне, я плачу.

— *О-о-о-ох* — вот **ТЕПЕРЬ** ты дело говоришь.

Затем она замолчала, после чего ее голос стал серьезным.

— *Лили?*

— Да?

— ...*Будь осторожна, хорошо?*

— Хорошо, — пообещала я.

— *Когда ты возвращаешься?*

— Не знаю. Может через пару дней или... может быть, позже.

— *Здорово... ну, береги себя.*

— Хорошо. Ты тоже.

— *Не я нахожусь в Городе грехов с парнем, который считает, что я так хорошо трахаюсь, что он положил на мой банковский счет пятьдесят штук.*

— Анх! — воскликнула я, смеясь.

— *Веселись,* — ласково сказала она. — *Постарайся, чтобы он не потратил свои деньги впустую.*

Я прикрикнула на нее в шутливом возмущении, а потом мы, наконец, попрощались.

Ужин был замечательным.

Черт, весь *вечер* был замечательным.

Все началось с того, что Коннор оделся, а я наносила макияж.

— Где хочешь поужинать? — спросил он, застегивая свою дорогую голубого цвета рубашку. — Я умираю с голоду.

— Не знаю, где-нибудь в Вегасе.

— Ты никогда не была тут раньше?

— О, я была... однажды. Просто не думаю, что ты захочешь отведать ребрышки, которые подают в закусочной со шведским столом за 8.99 долларов.

— Тогда, давай покутим и посетим закусочную со шведским столом за 12.99 долларов дальше по улице.

— Забавно, что для тебя это шутка. Еще неделю назад для меня это было расточительно.

— Оставим это на другой вечер. Я кое-что придумал, но нам надо сначала пройтись по магазинам.

— Зачем?

— Для тебя.

Внезапно, я почувствовала себя очень неуверенно, стоя перед зеркалом в лифчике и трусиках. Я оглянулась назад на свою помятую одежду, до сих пор валяющуюся на полу в спальне.

— Я... мне необходима новая одежда, чтобы сходить на ужин?

— Нет, но будет весело.

— Может, нам стоит просто заказать в...

— Вот уж нет. Мы выйдем в свет.

— Но, если ты умираешь с голоду...

— Обслуживание номеров отправит нам что-нибудь перекусить. Я буду в порядке.

— Но...

— Одевайся, — скомандовал он. — Мы пойдем в ресторан. Это окончательно.

Небольшая закуска оказалась бутылкой белого вина, немного потрясающего сыра и фруктов, и упаковкой невесомого крекера.

Пока мы с Джонни перекусывали, Коннор звонил кому-то по телефону. Вино было удивительным — легкое шардоне с нотками груши и ванили. Но Джонни не сделал ни глотка, как бы я его не соблазняла.

— Я на работе, Лили.

— Всего лишь бокал.

— Нет.

— Пол бокала? Четверть?

— Ты оказываешь дурное влияние, ты это понимаешь?

Я отступила, внезапно почувствовав, что вела себя жестоко.

— Только на тебя или на Коннора тоже?

Джонни рассмеялся.

— Нет, я бы сказал, что на самом деле ты *хорошо* на него влияешь.

После этого я почувствовала себя немного лучше.

Коннор зашел в комнату, вздыхая.

— Ты звонил Стивену? — спросил Джонни.

Стивен, предположительно, был еще одним ассистентом Коннора... или помощником Себастьяна, я забыла, кем именно. Я лишь слышала, как о нем упоминалось раньше, когда Себастьян разразился мини-тирадой о том, каким замечательным он был.

Просто, чтобы было понятно, Себастьян разразился мини-тирадой о том, каким замечательным был *Себастьян*. А не Стивен. Стивен все время был третьим классом по сравнению с Себастьяном.

По мнению Себастьяна, по крайней мере.

— Он не смог заказать мне столик, где я хотел, — ответил Коннор.

Я откинулась назад в притворном ужасе.

— О, нет! Что же нам теперь делать?!

Коннор неодобрительно посмотрел на меня, но я отказывалась поддаваться запугиванию.

— Полагаю, пойдем в закусочную со шведским столом за 12.99 долларов. — Я пожала плечами и улыбнулась, словно говоря: «Ну, да ладно!»

Коннор продолжал неодобрительно смотреть на меня.

— Не думаю.

Джонни нахмурился.

— Стивен разве не назвал твое имя?

— Да, неужели это волшебное слово не сработало? — вызывающе спросила я.

— Очевидно нет. Хотя, имя «Коннор Брукс», кажется, довольно неплохо влияло на некоторых людей, — усмехнулся он.

— Ар-р — ты! — закричала я и кинула в него крекер.

Он уклонился и засмеялся, затем посмотрел на Джонни.

— Могу ли я...?

— Можешь ли ты, что? — спросила я, немного опасаясь возмездия за брошенный

крекер.

Например, скажем, в виде щекотки.

Хотя, *некоторые* виды щекотки могут быть довольно приятными...

— Просто обратись к его стремлению быть значимым для тебя. Сделаешь так, он станет податливым, как пластилин, — посоветовал Джонни.

Себастьян.

Они собирались позвонить верному ассистенту Коннора.

— О, да ла-а-адно! — возразила я. — Бедняга в отпуске всего сутки, и ты уже достаешь его? Боже, давай просто сходим на ужин куда-нибудь еще.

Джонни улыбнулся, затем посмотрел на Коннора.

— Когда я уеду в отпуск, и ты захочешь *мне* позвонить, сделай мне одолжение и послушай ее.

— Такого никогда не случится, потому что ты никогда не *отдыхаешь*, — ответил Коннор, затем, кажется, передумал. — Может, мне не стоит звонить ему.

Я скрестила руки на груди.

— Наконец-то, хоть немного порядочности.

Джонни взглянул на меня.

— Лили, верь мне, когда я говорю это: единственное, что Себастьян любит больше, чем напоминать людям об их неспособности обходиться без него... это слышать, как *они* говорят, что не способны обходиться без него.

Коннор указал на Джонни, типа «Ты выиграл», и набрал номер.

— Знаете, вы оба придурки, — раздражённо фыркнула я.

— Но ты вот-вот выиграешь, — сказал Коннор, — и тебе не придется отказываться от своего праведного негодования.

— Я выбираю шведский стол за 12.99 долларов вместо этого.

— Можем тебя высадить по дороге, если хочешь...

Я показала Коннору средний палец, что он посчитал забавным.

Затем в динамике раздался эксцентричный голос Себастьяна.

— *О, Боже, так и знал — неужели все УЖЕ пошло коту под хвост?*

Джонни взглянул на меня, типа *Видишь?*

— *Я уезжаю на один день, и — что это? Ты где-то застрял? Кто-то НАБРАЛСЯ наглости и отменил встречу? Или эта маленькая илюшка сбежала от тебя?*

— Эй! — закричала я в телефон. — Я стою прямо тут!

— *О-о-о-ох, конечно же ты не сбежала. Вот я глупый, кормушка все еще открыта...*

— Себастьян, — предупредил Коннор.

Я фыркнула в притворном возмущении.

— Подумать только, а я пыталась убедить их не мешать твоему отдыху.

На самом деле, я не злилась. Себастьян был возмутителен, но он сказал это таким смешным тоном, что трудно было переживать по этому поводу.

Но я была решительно настроена докопаться до его.

— *Когда весь мир катится в ад, вы ведь все равно звоните президенту Соединенных Штатов, НЕСМОТРЯ на то, что он в отпуске.*

— А, так ты теперь президент? — улыбаясь, спросил Коннор.

— Я думала, что ты больше похож на дворецкого, — сказала я.

На это оба, Джонни и Коннор, воскликнули.

— О-о-о-ой!

— *По крайней мере, я не девушка по вызову.*

Лицо Коннора перекосило от гнева. Он уже почти распсиховался, но я опередила его.

— Ты — сучонок, — засмеялась я.

— *И не забывай об этом, дорогуша,* — сказал Себастьян, после чего в динамике раздались три громких, резких звука.

Щелк! Щелк! Щелк!

Я вздохнула.

— Это был стёб, не так ли?

— *ИМЕННО ТАК. А теперь, когда дворецкий и девушка по вызову закончили блистать остроумием, чем могу вам помочь, джентльмены?*

— Во-первых, быть милым с Лили, — рявкнул Коннор.

— *А я и БЫЛ милым с Лили.*

— Увы, это печально, — проворчал Коннор, но я усмехнулась.

— Как там твой отпуск? — спросил Джонни.

— *Замечательно, пока вы не прервали его, спасибо, что спросил. Хавьер — это мечта.*

Хавьер работал парикмахером в Лос-Анджелесе, к которому Себастьян полетел, чтобы повидаться. Практически не предупредив того о своем визите.

Полагаю, проблем с этим не возникло.

— *Но вы ведь звоните не ради того, чтобы поинтересоваться об этом, так что, какую проблему я должен уладить для вас?*

— Я не могу заказать столик в ресторане «Робюшон», — сказал Коннор.

— Да, и поэтому скоро наступит конец света, — добавила я.

Коннор сердито посмотрел на меня.

Тогда Себастьян заговорил — с безудержным ликованием, должна добавить.

— *Что-о-о-о-о-о?!... СТИВЕН не смог сделать это для тебя?*

Джонни легонько толкнул меня локтем в бок и приподнял брови, словно говоря: «Видишь? Видишь?!»

Коннор вздохнул.

— Нет, не смог. Он мне нравится, но боюсь, что Стивен...недостаточно убедителен.

— Или недостаточно стервозен, — пробубнил Джонни.

— *Я это слышал, Като* (здесь и далее по тексту — отсыл к персонажам комедийного боевика «Зеленый Шершень». Прим. пер.)

— Это было проявление расизма? — добродушно спросил Джонни.

— Смотря по обстоятельствам — это превращает меня в Зеленого шершня? — спросил Коннор

— *Если ты имеешь в виду беспомощного белого парнишку, которому достается вся слава, в то время как Брюс Ли делает всю работу, то да, это ты* (Брюс Ли исполнил роль Като в одноименном телесериале 1966 года. Прим. пер.).

Я смотрела на Коннора, открыв рот.

Он улыбнулся и подмигнул мне.

— Брюс Ли...мне это нравится, — сказал Джонни, поправляя лацканы своего пиджака.

— *М-м-м, мне это тоже нравится.*

— Фу-у-у, Себастьян! — крикнул Джонни.

— *Я имел в виду оригинал, а не дешевую подделку, мистер Гомофоб.*

— Осторожнее, а то я расскажу Хавьеру, что ты говорил про Брюса Ли, — предупредил Джонни.

— *И кто теперь стал стервозным?*

— Сосредоточься, — прикрикнул Коннор.

— *Я перезвоню тебе через пять минут с бронью. У меня ЕСТЬ там связи...в отличии от Стивена.*

— Спасибо, Себастьян.

— *То, что я делаю для тебя, Коннор...находясь в отпуске...отрывая меня от моего латиноамериканского предмета обожания, просто чтобы выполнить твои маленькие поручения...*

— Я могу снова позвонить Стивену, если ты слишком занят, — предложил Коннор. — Может, он попытается еще раз.

— *НЕ СМЕЙ ДАЖЕ ДУМАТЬ ОБ ЭТОМ.*

Коннор и Джонни посмотрели на меня, типа, *ВИДИШЬ?!*

Я закатила глаза и слегка покачала головой, типа, *Ладно, вы были правы.*

— Спасибо, Себастьян, — сказал Коннор. — Без тебя я пропал бы.

— *Я знаю,* — счастливо сказал Себастьян, затем повесил трубку.

Себастьяну удалось забронировать столик, что означало начало следующего раунда переговоров.

— Ты хотя бы наденешь бронежилет? — спросил Джонни.

— Нет, — ответил Коннор, закинув кусочек сыра в рот и сделав глоток белого вина, которое доставили в номер.

— Хорошо, я тогда просто не повезу тебя.

— Ну и ладно. Я тогда просто возьму ламборгини.

Пока они спорили, я расхаживала по гостиной пентхауса. Это конечно не пентхаус в отеле Дубай, но гостиная была чертовски милой. Потолок возвышался на девять метров над головой, а витая лестница, сделанная из бронзы, соединяла первый и второй этажи. Роскошные диваны были расставлены по комнате. Мраморный пол — темно-зеленый с белыми вкраплениями — отражал тусклое освещение высокого потолка; то тут, то там на полу были расстелены ковры. На стене висел телевизор с плоским экраном, он был размером с машину. Полностью укомплектованный бар, сделанный из того же самого пестрого мрамора, и кухня с обеденной зоной слева дальше по коридору. Шестиметровые окна в пол с видом на огни города и горы за его пределами. Солнце недавно зашло за горизонт, и небо приобрело великолепный желтовато-красный оттенок, который постепенно переходил в темно-синий цвет.

— На какое время заказан столик? — проворчал Джонни.

— Через сорок пять минут.

— Дорога туда займет всего лишь пятнадцать минут, что ж... вы останетесь здесь до тех пор? — с надеждой спросил Джонни.

— Нет, для начала мы собираемся кое-куда пойти.

Джонни застонал.

— Здорово.

— Это не для меня, это для Лили.

Я развернулась, услышав свое имя.

— Для меня? Куда?

Коннор улыбнулся.

— Это сюрприз.

— Этого я и боялся, — пробурчал Джонни себе под нос.

Как оказалось, нашей конечной целью был ресторан «Виа Белладжио» в отеле «Белладжио».

Джонни привез нас на Бентли, оставил машину парковщикам и проводил нас по коридору из мрамора и стекла с кованными потолками. У меня глаза на лоб полезли, когда мы проходили мимо магазинов «Шанель», «Джордио Армани» «Тиффани», «Диор», «Прада».

— Увидела что-нибудь, что тебе нравится? — спросил Коннор, когда мы смешались с толпой.

— Да, конечно — это все великолепно. Ну, большинство из этого. — Некоторые из сумочек что я видела, были на самом деле отвратительными.

— Ну, тогда выбери что-нибудь, чтобы мы смогли отправиться на ужин, я умираю с голоду.

Я уставилась на него.

— Что?

— Выбери себе наряд, нам нужно идти.

Я замерла на месте и огляделась вокруг.

— Зд...здесь?

Он нахмурился.

— Да, здесь.

Я покачала головой.

— Я... я не могу пойти туда...

— Конечно можешь. Пойдем.

Он взял меня за руку и потащил в магазин «Прада». Джонни следовал в десяти шагах позади нас, определенно забавляясь.

В магазине никого не было, кроме продавцов. К нам подошла женщина лет сорока, в стильном деловом костюме.

— Чем я могу помочь вам? — вежливо спросила она.

— Мы просто смотрим, — сказала я, меня начал охватывать ужас.

— Нет, — сообщил ей Коннор. — Нам необходим наряд для нее.

— Прошу за мной, — улыбнулась женщина и пошла впереди нас.

— Я не хочу это делать, — в отчаянии прошептала я.

— Почему нет? Просто подбери себе что-нибудь для ужина.

— Коннор, эти платья стоят кучу денег.

— Ничего подобного, — сказал он, потянув меня за собой.

— Коннор, они стоят тысячи долларов за штуку!

— Это немного.

— Что?! Нет, это дорого...

— Вот это симпатичное, тебе нравится? — спросил Коннор, показывая на великолепное красное платье, которое, казалось, принадлежало Анджелине Джоли.

— Да, но...

Коннор повернулся к продавцу.

— Позвольте ей примерить вот это... какой у тебя размер? — спросил он меня.

Я покраснела, став почти такого же цвета как платье, подошла к продавцу и прошептала ей на ухо. Она кивнула и направилась к стойке.

Я развернулась обратно к Коннору.

— Я не могу его себе позволить!

— Ну, технически, можешь.

Он говорил о подарке в пятьдесят тысяч долларов.

— Я не хочу тратить деньги на платье, которое не смогу никуда надеть...

— Ты наденешь его на ужин.

— Но...

— И, кроме того, я его покупаю, не ты.

— Нет.

Он нахмурился.

— Да.

Я стиснула зубы.

— Ты говорил, что ненавидишь, когда женщины вечно ходят по магазинам, тратя твои деньги.

— Во-первых, я имел в виду, что они хотели ходить по магазинам без меня. Во-вторых, технически, я хожу за покупками с тобой, на что другим женщинам было плевать, как только я доставал кредитку. И в-третьих, могу сказать, что ты действительно не горишь желанием заниматься покупками, так что к тебе никаких претензий.

Я посмотрела на него с грустью.

Он смотрел на меня так, словно не мог понять, что происходило в моей голове.

— Почему тебя это так сильно беспокоит?

Я обняла себя руками, как будто замерзла.

— Не знаю... просто... я не привыкла к такому. Купить платье стоимостью две тысячи долларов всего лишь для ужина... сколько же тогда будет стоить ужин?!

— 12,99 долларов. Отменные ребрышки в закусочной со шведским столом.

Я топнула ногой и взглянула на него сердитым взглядом, говорившим *Ты можешь быть серьезным?*

Он скорбно улыбнулся и покачал головой.

— Просто наслаждайся, Лили. Наслаждайся моментом и не беспокойся о цене.

— Я не могу. Для меня это слишком много денег, даже если для тебя это пустяки.

— У нас есть платье вашего размера, — сказала продавщица, подойдя к нам.

Не глядя на нее, Коннор поднял вверх указательный палец. Его взгляд был прикован ко мне.

— Оставьте нас на минутку?

— Конечно, — ответила она и исчезла на заднем плане.

— Ладно, на мой взгляд, есть несколько вариантов, — сказал Коннор тихим, безразличным голосом, глядя мне в глаза.

— Первый — ты отчаянно пытаешься быть непохожей на других женщин, с которыми я был. В этом случае...

— Просто не хочу... — я постаралась вставить слово.

— Дай мне договорить, — продолжил он, нежно, но твердо. — Если дело в этом, то миссия выполнена. Поверь мне, я не считаю, что ты охотишься за моими деньгами. И я также знаю, что это не показуха. Ты переживаешь, что я подумаю, что ты используешь меня.

Я так не считаю.

— Думаю, даже больше того, ты волнуешься, что на самом деле используешь меня ради моих денег. Может, подсознательно. Если проблема в этом, тогда знай: наслаждаться хорошими вещами — не преступление, Лили. Мне повезло. У меня много хорошего в жизни, но оно ни черта не стоит, если я не могу разделить это с кем-то, кто мне дорог. Я хочу, чтобы ты получала удовольствие от того, что я могу тебе дать, потому что мне нравится тебе это давать. Отчасти потому, что ты первый человек, которого я когда-либо знал, кто так отчаянно пытался бы убедить меня, что тебе нужен именно я, а не то, что я могу дать. Я уже это знаю. Так что перестань волноваться об этом.

Я немного расслабилась.

— Это не вся...

— Я еще не закончил. Я также считаю, что тебя смущает богатство и дорогие вещи в целом. Во-первых, потому что ты не привыкла к ним, все это для тебя в новинку. Это как быть брошенным в чужой стране, где все по-другому, и ты еще не адаптировалась.

Я слегка склонила голову на бок.

— ...Типа того.

— Но более того, ты считаешь, что не должна наслаждаться этим, потому что прекрасно понимаешь, что другим людям повезло в жизни намного меньше. Всего лишь несколько дней назад ты испытывала трудности и знаешь, что есть люди, которым живется еще хуже, чем жилось тебе, и тебе кажется, что заплатить две тысячи долларов за платье — это неправильно и расточительно, потому что этими деньгами можно было бы помочь тем, кто нуждается в них больше, чем любой из нас.

Я вздохнула.

— ...Да, пожалуй.

— Ладно. Я не стал вдаваться в подробности, потому что не люблю хвастаться...

— Неужели!

Он усмехнулся.

— О некоторых вещах, возможно. — Затем он снова стал серьезным. — Но не об этом, хотя сделаю это сейчас, чтобы доказать свою точку зрения. Все компании, которыми я владею, входят в список пятисот крупнейших мировых компаний с самой большой долей благотворительных пожертвований. И я говорю не о концертных залах или художественных музеях, или других благотворительных программах для богачей, которые ты можешь назвать. Я говорю о чистой воде для развивающихся стран, о школьных программах в Африке, о стипендиях для самых нуждающихся детей в Америке. И это только мои компании. У меня также есть благотворительный фонд, в который поступает двадцать процентов всех моих доходов, каждый год — на все перечисленные мной цели, не говоря уже о медицинских исследованиях, поддержки организации «Врачи без границ» и помощи пострадавшим от стихийных бедствий по всему миру. Все эти цели замечательные, и я горжусь, что могу быть полезен. Но это не значит, что я собираюсь надеть власяницу и питаться фасолью с рисом всю оставшуюся жизнь. У меня есть деньги, и я собираюсь наслаждаться ими. Да, я расходую их на благие цели, но я не собираюсь отказывать себе в удовольствиях, когда хочу. Может, я и не святой, но могу сказать тебе следующее: я приношу гораздо больше пользы для большего количества людей, нуждающихся в помощи, чем самозванцы, распекающие меня относительно моего образа жизни, и я собираюсь получать удовольствие от того, что имею, пока у меня это есть. Когда они начнут жертвовать сотни миллионов долларов в год,

каждый год, тогда пусть и высказывают свои претензии мне.

Мне стало не по себе, что я затронула эту тему.

— Я не собиралась читать тебе нотации о...

— Что приводит нас к последнему вопросу: я думаю, в глубине души тебя это чертовски пугает, потому что ты не чувствуешь себя достойной. Что ты, Лили Росс, не заслуживаешь носить такое дорогое платье. Что, в каком-то смысле, ты его недостойна.

Меня слегка передернуло, словно я дотронулась до электропровода.

То, что он сказал, задело меня. Задело сильнее, чем я хотела бы признать.

— И это полнейшая чушь, — продолжил он. — Я встретил тебя, выполняющую невероятную работу для начальника, который обижал тебя, для компании, которая не поддерживала тебя или не ценила тебя за то, что ты делала для них. Но ты оставалась на этой должности по какой-то причине, которая, я полагаю, является чрезвычайно опасной комбинацией низкой самооценки, желанием угодить другим себе в убыток и мысленным настроем, что ты не должна задавать вопросов или оказывать сопротивление вышестоящему руководству. Ты должна избавиться от всех этих комплексов.

Ой-ой. Ой-ой-ой.

— Я поставила Клауса на место, — ответила я в свое оправдание, хотя получилось немного угрюмо, потому что я знала, что он скажет дальше.

— И это было здорово, но ты сделала это, потому что тебе нечего было терять.

— Кроме самоуважения, — заметила я.

— И я восхищаюсь тем, что ты сделала. Но в следующий раз сделай это в первый день работы, а не в последний. На самом деле, сделай это во время собеседования при приеме на работу и установи некие границы с самого начала.

Я сердито посмотрела на него.

— Прошлым вечером я не дала тебе того, что ты хотел.

Он широко улыбнулся, и на мгновение, я подумала, что он собирается съязвить насчет пятидесяти тысячах долларов и сказать: *«Не-не, ты сделала это»*.

Но он этого не сказал.

— Да, я заметил, что, похоже, являюсь главным исключением из твоего правила, — сухо ответил он. — Ты постоянно бросаешь мне вызов, ты определенно не стремишься угодить мне в убыток себе, и ты постоянно ставишь меня на место. Что заставляет меня верить, что в твоём случае еще не все потеряно.

Я опустила взгляд, а потом застенчиво посмотрела на него.

— Я угождаю тебе в определенные моменты, не беспокоясь о себе, — прошептала я.

Он засмеялся, потом шагнул ко мне и поцеловал меня — обнял прямо там, в магазине одежды «Прада», перед Богом и людьми, и поцеловал меня.

У меня перехватило дыхание.

Когда Коннор наконец отстранился, он улыбался.

— Да, угождаешь, — прошептал он мне на ухо, вызывая мурашки по всему телу. — Это правда.

Я вздохнула.

— Не думала, что, войдя в этот магазин, я подвергнусь психоанализу.

— А я не думал, что мне придется играть роль психотерапевта, чтобы просто сводить тебя по магазинам.

Я взглянула на продавца, которая стояла в десяти метрах от нас, притворяясь, что

разглядывает витрину. Платье, свисая с ее руки, сверкало словно рубин, обернутый в мерцающую ткань.

— Коннор, оно красивое, но я...

— Лили, — настойчиво сказал он, приподняв пальцем мой подбородок, чтобы я посмотрела ему в глаза. Следующие слова, которые он сказал, могут показаться грубыми на бумаге, но Коннор произнес их по-доброму, с озорным юмором и блеском в его глазах.

— Очень прошу. Ради меня. Надень это чертово платье.

Так что я надела это чертово платье.

И оно было совершенно потрясающим.

Я получила не только платье, но еще и черный палантин, который великолепно подчеркивал его. Лос-Анджелес — в сущности пустыня, и температура может колебаться от жары днем до холода ночью — так что только представьте, каково в Лас-Вегасе, который и есть пустыня. В это время года, как только дневная жара спадает, и наступает ночь, становится по-настоящему холодно.

Во всяком случае, именно этим я оправдала покупку накидки.

Однако туфли оправдать было особо нечем (Они были сногшибательными).

Или соблазнительные бюстгальтер и трусики (Хотя, думаю, вы бы сказали, что Коннор был бы рад увидеть их позже. Или получил бы удовольствие, снимая их).

Во всяком случае, я вышла из магазина совершенно новой женщиной — гордо вышагивающей в роскошной одежде, выглядящей на миллион долларов, и чувствуя, как она ласкала мою кожу при каждом движении.

Ну, по крайней мере, она столько не стоила.

Я имею в виду, миллион долларов.

Потому что я уверена, что цена была приличной.

Хотя, я понятия не имею, какова была окончательная цена. Коннор отказался показать мне счет к оплате, когда подписывал его.

Я займусь благотворительностью, торговалась я со Вселенной. Я буду вносить пожертвования вдовам и сиротам.

Затем я вспомнила, как он говорил о том, что я чувствую, будто не заслуживаю хороших вещей, и я постаралась заглушить голос вины и наслаждаться моментом.

И боже ты мой, это было здорово.

Мы вернулись в Бентли и направились в гостиничный комплекс MGM Grand — совсем недалеко, хотя из-за интенсивности движения на бульваре Лас-Вегас-Стрип наша поездка заняла какое-то время. Зато я смогла понаблюдать за музыкальным фонтаном перед казино «Белладжيو». Если вы никогда его не видели, то уже только ради это стоит посетить Вегас. Фонтан был великолепным, его струи танцевали под оперную композицию, закручиваясь между собой и взрываясь словно водный фейерверк.

Через несколько минут мы подъехали к гостиничному комплексу MGM Grand, но не к главному зданию с ярко-зеленым стеклянным фасадом. Вместо этого, перед нами показалась круговая подъездная дорожка перед зданием, похожим на особняк в итальянском стиле, и когда я увидела надпись «Особняк MGM Grand», все стало понятно. Джонни оставил Бентли парковщику и проводил нас внутрь. Пройдя небольшой коридор, мы вошли в крошечное, словно шкатулка, фойе ресторана с черно-белыми кафельными полами, хрустальными люстрами и антикварной мебелью, тянущейся вдоль стен. Метрдотель увлек нас за собой в комнату, которая выглядела, как иллюстрация к книге о роскошных французских салонах девятнадцатого века. Все помещение было отделано в фиолетовых тонах, хотя, если вы представите себе девочку-подростка с неконтролируемым желанием декорировать все побрякушками, могу вас заверить, все было не так. Здесь все выглядело намного дороже. Фиолетовые бархатные шторы обрамляли окна, которые выходили на внутренний дворик, покрытый пышной зеленой растительностью и деревьями. Фиолетовые обои имели слабый намек на тиснение, которое было заметно лишь, когда на него падала

тень. На полу лежал черный ковер с длинными, элегантными переплетениями белого цвета, а хрустальные люстры отбрасывали приглушенный свет.

Оглядываясь назад, я думаю, все это было слегка кричащим, но это ведь Вегас. И каким-то образом освещение и роскошь придавали этому месту некую сверхъестественность.

Однажды я прочитала такую фразу — «*Чересчур — это слишком, но СЛИШКОМ — это в самый раз*». Я никогда до конца не понимала ее смысл, пока не увидела эту комнату.

Метрдотель усадил нас за небольшой столик, стоящий вдоль стены. Помещение было относительно небольшим, человек на двадцать, возможно. Я оглянулась на других посетителей, все они были в дорогих костюмах и роскошных платьях, и все сидели за длинными, черными столами.

Мы были единственными, кто сидел у стены. На самом деле, наш столик был явно не к месту — и своим расположением и тем, как нарушал динамику помещения. Словно, изначально он здесь не стоял.

Я прямо представила, как пара официантов в спешке организовали все прямо перед нашим приездом.

— Как думаешь, каким количеством связей Себастьяну пришлось воспользоваться, чтобы мы смогли сюда попасть? — прошептала я Коннору через стол.

— Не переживай, он наслаждался своим влиянием.

— Чтобы поесть в таком месте как это, ждать, наверное, надо месяц в списке ожидания, — восхищенно произнесла я.

— Сегодня понедельник.

— Ага, я уверена, дело абсолютно не в этом.

— Что сказать? Себастьян — лучший.

— Нам стоит это записать и отправить ему, чтобы он мог засыпать под твои слова.

Коннор усмехнулся и откинулся на стуле.

Я огляделась.

— Где меню?

Себастьян уже заказал для нас.

Прищурившись, я посмотрела на него.

— Мне бы хотелось посмотреть на выбор блюд.

Коннор улыбнулся.

— Устанавливаешь границы?

— Рада, что заметил.

— Как уже говорил, у тебя никогда не было таких проблем со мной. Но на это раз все по-другому. Местный шеф-повар — это художник. И я говорю абсолютно серьезно — он повар мирового класса. И ужин здесь состоит из шестнадцати блюд, которые меняются каждые...

— Шестнадцать блюд?

— Не волнуйся, они очень маленькие. Но меню он выбирает только на несколько недель или около того, и, когда оно меняется, блюда никогда не повторяются. Мимолетное мгновение оно здесь, а потом уже нет. Тебе может не все понравится, но общий эффект достаточно невероятный. Ты словно участвуешь в некоем спектакле...тебе просто нужно отдаться этому и попробовать.

Отдаться этому.

Это было довольно подходящее описание некоторых других вещей.

— Ты смотришь застывшим взглядом, — отметил Коннор.

— Просто задумалась о некоторых других вещах, которые я *попробовала* в прошедшие выходные.

— О, да. И вот оно чертово представление.

— В твоём или моём исполнении? — кокетливо спросила я.

— А теперь ты просто напрашиваешься на комплименты.

— Или ты поздравлял себя.

Он ухмыльнулся.

— Я предпочитаю думать об этом, как о танце, для которого нужны два высококвалифицированных исполнителя, чтобы он получился лучшим.

— И каким он был для тебя?

Он наклонился вперед и накрыл мои руки своими.

— Лучшим. Самым, самым лучшим.

От его слов мое сердце затрепетало.

Ужин представлял собой роскошный парад блюд, которые я никогда не пробовала и даже не видела раньше. Я больше предпочитаю луковые кольца, чем великолепие высокой кухни. Но я была настолько потрясена зрелищем, звуками, запахами и вкусом, что полностью сдалась.

Если это звучит неприлично, то так оно и было в каком-то роде. С кулинарной точки зрения, по крайней мере.

Сначала подали клубничный суп, пряный и сладкий одновременно. Фуа-гра, которая определено не самая любимая моя еда — но стружка трюфеля, разбросанная поверху, быстро стала моей любимой (по крайней мере, в течение следующих пятнадцати минут). Карпаччо из нежной рыбы, а затем гребешки, поданные на половине раковины гребешка. Трюфельный пирог с копченым беконом. Сырное суфле. Морское ушко и лук-порей в имбирном бульоне. Жареный лобстер с лимонником. Жареный сибас/морской окунь со шпинатом. Крошечная телячья отбивная под соусом песто. Три или четыре десерта, включая шоколадный мусс с компотом из яблок сорта Фуджи. (Я была на седьмом небе от счастья из-за шоколада).

Не только еда была великолепной, но и подача блюд была... как бы это сказать?... Фантастической. Некоторые блюда были покрыты сверху крошечными кусочками золотой фольги, как например ризотто из дикого риса. (Теперь я знаю, каковы на вкус деньги. И это не Гольдшлегер (итало-швейцарский коричневый шнапс с сусальными хлопьями. Прим. пер.). Одно блюдо подали с небольшим тюком сена, в виде квадратика размером два с половиной сантиметра и перевязанного кусочками ткани, расположенного с краю тарелки. Поскольку, что же еще можно положить рядом с тарелкой необычной еды, покрытой золотой фольгой? Конечно же миниатюрный тюк с сеном.

Через какое-то время я перестала об этом задумываться и решила просто попробовать, как советовал Коннор.

Ой, и не забудьте про вино. Боже мой, вино. К каждому блюду подавали разное вино, грамм шестьдесят, не больше. Я не знаток вин, но обалдеть! Мой язык испытывал оргазм за оргазмом.

И все же, несмотря на кулинарный фейерверк, больше всего из того вечера я буду помнить наш разговор.

— Итак, скажи мне... — начала я примерно на смене третьего блюда.

— Что?

— Что это за загадочные дела, ради которых ты сюда приехал?

Коннор вздохнул.

— Давай не будем говорить о делах прямо сейчас.

— О чем тогда ты хочешь поговорить?

Он сделал глоток вина и задумался.

— О чем-нибудь личном.

— Мы говорили о личном в прошлый раз, когда обедали в ресторане.

— Я больше чем уверен, что мы еще не исчерпали эту тему.

— Ладно, умник...но в прошлый раз мы говорили обо мне. Думаю, самое время поговорить о тебе.

— Хм, — уклончиво произнес он.

Я подумала о его бывшей невесте, которая разбила ему сердце, но решила не касаться этого. В прошлый раз мое любопытство было встречено довольно прохладно.

Вместо этого, я довольствовалась вариацией на тему того, что он сказал мне.

— Что ж... кем пятилетний Коннор хотел стать, когда вырастет?

— Фьючерсным брокером, — совершенно серьезно ответил он, откусив кусочек гребешка.

Я засмеялась и чуть не подавилась вином.

— Какой пятилетний ребенок мечтает стать фьючерсным брокером?

— Я.

— Э-э... а кто такой фьючерсный брокер?

— Это тот, кто покупает и продает биржевые товары, такие как золото, сою или хлопок, и старается предсказать будущие изменения в цене, как повышение, так и понижение, в целях получения максимальной выгоды.

— Ты хотел покупать сою? — растерянно спрашиваю я.

— Не совсем. Я хотел делать ставки на рост или снижение цен на сою. Это похоже на торговлю акциями, когда ты пытаешься купить по низкой цене, а продать по высокой за относительно короткий отрезок времени.

— О, да. Каждый пятилетний малыш мечтает об этом.

Коннор улыбнулся.

— У моего отца работал сотрудник, который был особенно хорош в этом деле. Раджеш Сенгупта. Он был очень добр ко мне. Думаю, именно поэтому я хотел торговать фьючерсами. Я хотел быть похожим на него.

— Ох, как мило.

— Да. Мистер Радж... я давно о нем не вспоминал...

— А твой отец?

— Что мой отец?

— Он ведь был добр к тебе?

— Ха-ха, — засмеялся Коннор. — Нет, не совсем.

Я пристально посмотрела на него.

— Нисколечко?

— Он не особо хотел иметь дело с детьми. Или с теми, кто не мог заработать ему деньги.

— Но ведь ты спас ему жизнь в Мексике!

Я имела в виду тот случай несколько лет назад, когда Коннор вошел в логово похитителей и заплатил выкуп за своего отца, подвергаясь при этом риску самому быть похищенным или убитым.

— В то время мне было уже не пять лет, — заметил Коннор.

— Но... чем вы занимались, как семья?

— Ты имеешь в виду, когда я не находился в школе-интернате? Пару раз летали на Фиджи. И во Францию с Италией. Каждые рождественские каникулы катались на лыжах в Швейцарии.

— Похоже, было весело.

— Ну, да, но не по тем причинам, о которых думаешь ты. Обычно мои родители оставляли нас с няней и отправлялись на лыжные трассы с крутыми склонами. К тому

времени, как я достаточно вырос, чтобы кататься там с ними, я уже был подростком и ни за что не хотел тусоваться с ними.

— Но... ты ведь проводил время с родителями после катания на лыжах?

— Нет, они обычно отправлялись ужинать и выпивать с друзьями. Я видел их только по утрам, до того, как мы отправлялись на подъемники, и всё.

— А как же на Рождество?

— Э-э... думаю, я видел их чуть дольше в рождественское утро, но потом всё снова заканчивалось горнолыжными склонами.

Я сидела с отвисшей челюстью. Я знала, что такое бывало, когда родители появлялись в жизни своих детей словно гости, но на самом деле, я никогда не встречала никого из таких семей.

У меня имелась куча друзей, чьи родители развелись, и некоторые из них редко виделись со своими отцами, пока росли. Но это другое; обычно они жили в разных штатах. Я никогда не встречала кого-то, кто рос как Коннор, с женатыми родителями, которых он почти никогда не видел.

Я снова попыталась.

— Но... а когда ты был ребенком?

— Что тебя интересует?

— Ты когда-нибудь... ну, не знаю... играл в игры?

На мгновение Коннор задумался.

— Мы с отцом играли пару раз в Монополию.

Наконец-то.

— Здорово, — улыбнулась я.

— Он заключал со мной сделки, а потом отказывался от них.

— ...Он, что?

— Один раз я продал ему собственность Парк Плейс, чтобы получить деньги на приобретение отелей для другой собственности, но с обещанием, что я могу дважды остановиться на поле Парк Плейс или Променад и не платить. Он согласился, а затем, когда я остановился на поле Променад первый раз, он потребовал оплаты. Я напомнил ему о его обещании, а он спросил, есть ли у меня подтверждение в письменном виде.

— Но я ведь поверил тебе, — сказал я.

— Он сказал: «Только дурак верит слову другого человека, не подкрепляя его ничем».

— Я начал плакать. Сказал, что, если заплачу ему, то обанкрочусь.

— И почему меня должно это волновать? — спросил он. — Это твоя проблема, не моя. Тебе стоило подумать об этом до того, как ты продал мне свою собственность.

Челюсть у меня отвисла еще больше. Помимо откровенно жестокого обращения родителей со своими детьми и болванов-отцов, которые оставляли своих трехлетних детей в машинах, пока сами отправлялись в стрипклубы (о чем я лишь читала в газетах), это была самая безумная вещь, о которой я когда-либо слышала.

— Что?

— Эй, это еще не все. В следующий раз, когда мы играли, я продал ему собственность заставил его подписать контракт, и он опять меня подставил. Когда я указал на контракт, он спросил: «А кто обеспечит его соблюдение?» Так что я снова стал банкротом.

Я покачала головой в неверии.

— Это... это совершенно невыносимо...

Коннор мрачно ухмыльнулся.

— Мой отец никогда не проигрывает. В Монополии или в настоящей жизни.

— Зачем ты продолжал играть с ним?

Он пожал плечами.

— Я не знал ничего лучшего. Я просто считал, что так и надо играть. К тому же мне было только восемь лет. Думаю, я хотел, чтобы он играл со мной несмотря ни на что, уделял мне хоть какое-то внимание, так что я продолжал возвращаться за большим.

— Он вел себя так с восьмилетним ребенком? — в ужасе спросила я.

— Ну... может, мне было девять. Уже точно не помню.

Коннор продолжал есть, словно ничего не случилось, а потом поднял глаза и понял, что я смотрю на него так, будто только что услышала об убийстве щенков. Он утешительно улыбнулся мне.

— Да ничего страшного.

— Ничего страшного?! Коннор, твой отец — психопат!

— Думаю, ты имеешь в виду «социопат». И... да... возможно. У него определенно имеются социопатические наклонности, это точно. Любовь к власти ради власти и командование другими людьми. Полное отсутствие сочувствия к другим. Но... неважно, как ужасно бы это не звучало, я извлек из игр с отцом несколько самых ценных в своей жизни уроков бизнеса.

— Каких, например?

— Например, никогда не верить человеку на слово. Всегда подкреплять свои соглашения какими-либо рычагами давления. Всегда быть начеку. Уничтожать своих врагов, когда появится такая возможность, убедиться, что они не могут восстановить свои силы и уничтожить тебя позже.

Это невероятно.

— Ты не можешь так жить!

— Я сказал уроки бизнеса, а не жизни. Это не одно и то же. — Внезапно, выражение его лица стало угрюмым, и он посмотрел в пустоту. — Если только ты не свяжешься с кем-то, кто считает ваши отношения бизнесом.

У меня сжалось сердце.

— Я бы никогда так не сделала!

Он посмотрел на меня, вернувшись в настоящее, и выражение его лица смягчилось.

— Я говорил не о тебе. Я знаю, что ты никогда бы так не сделала.

— Где была твоя мать, когда все это происходило?

Он снова пожал плечами и вернулся к своей еде.

— Если она не проводила свои благотворительные балы и ужины, то говорила мне перестать быть нытиком и переиграть своего отца, если меня это так расстраивало.

— Господи, — прошептала я.

— Бедненький богатый мальчик? Проблемы богачей.

— Жестокое обращение с детьми — это не проблема богачей.

Коннор нахмурился, будто я сказала какой-то бред.

— Мои родители не обращались со мной жестоко.

— Может быть, не физически, но эмоциональное насилие — это все-таки жестокое обращение.

Он отмахнулся от моего комментария.

— У многих людей было намного хуже, чем у меня. У меня все обошлось. Никакого вреда.

Я в этом сомневалась.

Затем, я подумала кое о чем другом, что знала о нем. Согласно телевизионному шоу «E!», которое я смотрела об отеле Дубай, Коннор был самым младшим сыном семьи Темплтон.

— У тебя разве нет старших братьев или сестер?

— Один старший брат. Винсент.

— Насколько он тебя старше?

— На пять лет.

— Что насчёт вас, ребята?

— А что насчёт нас?

— Вы не были близки?

Он скривился, словно говоря *He-e-e*. Так вы обычно отвечаете, когда вам предлагают добавить кетчуп в ваш хот-дог.

— Не совсем.

— Почему нет?

— Ну, я нечасто видел его в течение учебного года.

— Он не учился в школе-интернате?

— О, да, учился. Но его все время выгоняли, поэтому мои родители постоянно отправляли его в новые школы по всему миру. Поэтому я видел его только летом и на Рождество. Не более того.

— За что его выгоняли?

— Секс, алкоголь, наркотики, плохие оценки — как обычно.

— Э-э... не пойми меня не правильно... но я считала, что это ты был паршивой овцой в семье.

Коннор засмеялся.

— Да, я.

— Если твой брат делал всё это и не стал позором семьи, что же тогда, черт возьми, ты натворил?!

— Винсент взялся за ум после колледжа. Ну, юридическая школа, на самом деле. — В голосе Коннора появились оттенки горечи. — Он понял, что к чему, взялся за дело и стал безупречным маленьким наследником престола. Я... я был очень хорошим ребенком до окончания школы, а потом я очень сильно разозлил свою семью.

— Что ты сделал?

— Ну, во-первых, я бросил колледж на первом курсе. Это было плохо воспринято.

— Почему бросил?

— В то время я считал, что мир полон безграничных возможностей, а я пропускал все веселье, застряв на скучных уроках, как и в любой другой унылой школе, в которой я учился.

— А в каком колледже ты учился?

— В Гарварде.

Ну конечно.

— И чем ты занимался, когда бросил учебу?

— Ха, это забавная история. Я сказал отцу, что хочу бросить учебу. На что он заявил категоричное нет. Мы сильно поругались, я сделал несколько грандиозных заявлений о том,

что смогу добиться успеха в большей степени и быстрее, чем любой из моих оторванных от реальности преподавателей и бестолковых сверстников... и он заключил со мной пари.

— Какое?

— Он дает мне десять миллионов долларов, и я могу бросить учебу и в течение трех лет достичь чего-то самостоятельно.

— Десять миллионов долларов?! — взвизгнула я.

Коннор усмехнулся.

— А ты вот считала моего отца таким плохим парнем.

— Ну... может, я недооценила его...

Коннор покачал головой.

— Нет. Десять миллионов для него ничего не значили. Это, как если бы ты дала своему ребенку мелочь, найденную под диванными подушками, чтобы он начал свое дело.

— Ох.

У меня голова закружилась.

Должно быть, у Темплтонов чертовски хороший диван дома.

— И за эти ничтожные гроши он покупал мою душу. Это на самом деле была сделка с дьяволом. Если я добиваюсь успеха, я возвращаю ему первоначальные десять миллионов, плюс семьдесят пять процентов от всех моих доходов, как моему основному инвестору. Если я терплю неудачу, тогда я соглашаюсь вернуться обратно в колледж. А после окончания учебы, я должен занять любую должность в семейном бизнесе, которую мой отец посчитает подходящей.

— И что ты сделал?

— Я согласился, с условием, что мы ограничим отступные на двадцати миллионах. То есть, если я смогу отдать ему семнадцать с половиной миллионов долларов, до сделка завершена, и я сохраняю остальное, плюс свою свободу.

— Что он сказал на это?

— Он рассмеялся, в конце концов, не забывай, он считал, что у меня ничего не получится, и затем он завладеет мной. Но, будучи непревзойденным переговорщиком, он не стал бы заключать сделку менее чем за тридцать миллионов долларов, то есть я должен был бы отдать ему двадцать пять миллионов долларов, чтобы выйти из-под его пальца. Первоначальные десять плюс семьдесят пять процентов от двадцати миллионов прибыли.

— Кажется, это несправедливо, — возразила я.

— Это ещё один урок, усвоенный мной из Монополии. В бизнесе нет ничего справедливого; ты получаешь то, о чем договариваешься.

— Так что ты сделал?

— Я согласился на сделку.

— И что произошло?

— Я с треском провалился, — усмехнулся он.

— Ты потерял десять миллионов долларов? — ахнула я. — За три года?

— Нет, за девять месяцев. Я безрассудно вложил в несколько рискованных предприятий, и все они потерпели фиаско.

— Ты?! Но ты вроде как гений бизнеса! Как это произошло?!

— Ну, я старался потерять деньги.

— ЧТО?!

— Это было своего рода подростковое бунтарство с моей стороны. Во всяком случае,

так сказал мне психоаналитик моей матери на одной из рождественских вечеринок.

— И что ты сделал?!

— Я сказал ему продолжать подвергать психоанализу мою мать и оставить меня в покое.

— Нет, я имею в виду...

— Я знаю, что ты имела в виду. Я вернулся к отцу и сказал ему, что потерял деньги.

— Он сказал: «Что ж, теперь ты возвращаешься в Гарвард».

— А я ответил: «Нет, не возвращаюсь».

— Он сказал: «У нас было соглашение!»

— А я спросил: «У тебя оно есть в письменном виде?»

Я открыла рот в изумлении.

— Оно у него было?!

Коннор захохотал.

— Нет, не было. Думаю, это был единственный раз в его жизни, когда он не подписал договор, потому что полностью меня недооценивал. Он полагал, что я ничему у него не научился. Видела бы ты его лицо. Особенно, когда я сказал: «А так как письменного договора у тебя нет, как ты собираешься обеспечить его исполнение?»

Я засмеялась помимо своей воли.

— Он знал, о чем ты говорил? Я имею в виду, об игре в Монополию.

— О, конечно же он знал. У моего отца феноменальная память. Он просто не думал, что я это запомнил или мне хватит духу противостоять ему.

— И что он сделал?

— Он разразился тирадой и заорал, что подаст на меня в суд, затем угрожал, что отречется от меня. Я послал его к черту и ушел из дома.

— Боже мой, — прошептала я.

— Это было довольно глупо, но, блин, мне было двадцать в то время. И я чувствовал себя великолепно.

— Но... что случилось после?

— Ну, те десять миллионов долларов помогли мне кое в чем — я обзавелся множеством связей в тех индустриях, на которые был нацелен. И у меня была фамилия семьи, что тоже помогало, не говоря уже о десятках друзей из колледжа и школе-интернате, чьи отцы были богаты и владели миллионами долларов для инвестиций. Могу сказать, я заручился ста миллионами в качестве начального капитала на гораздо более выгодных условиях, чем мой отец предложил мне. Я серьёзно взялся за дело и на самом деле постарался, чтобы это сработало... все остальное лишь скучные детали бухгалтерских книг.

Он поднял бокал с вином в ироничном тосте.

— Ты убедил людей дать тебе сто миллионов долларов сразу после того, как спустил десять миллионов?!

— Во-первых, не забывай, мы говорим о людях, состояние каждого из которых составляет сотни миллионов долларов. У некоторых — миллиарды. Несколько миллионов в качестве инвестиций — особенно для финансовой поддержки Темплтона...

Он произнес свою фамилию в легкомысленной, самоироничной манере.

— ... для них раз плюнуть. Некоторые из них хотели поближе подобраться к моему отцу. Тем ребятам я позволил думать, что все еще был в милости у старика. А тем, кто его ненавидел, скажем так, я сообщил, что сделал. В основной массе они покатывались со смеху,

а потом спрашивали, на какую сумму мне нужен чек. Они полагали, что я унаследовал деловую хватку своего отца, и могли насолить ему, помогая мне достичь успеха.

— А твой отец узнал об этом?

— О да. Это было частью веселья — особенно, когда мои первоначальные инвесторы вернули триста процентов от своих инвестиций за два года.

— Так... это было своего рода... *пошел на хер* твоему отцу?

— Ну, это и ещё заработать состояние в процессе.

— Но... твой отец... вы же по-прежнему общаетесь с ним?

— Сейчас, да. Мы не общались несколько лет после того случая.

— Даже на Рождество?

— О, когда он пригрозил отречься от меня, он не шутил. И моя мать согласилась с ним. На какое-то время мне было отказано в приглашениях на все семейные торжества. На самом деле, я не виделся и не разговаривал с ними почти три года.

— Но... но Мексика...

— Да, скажем так... с этим всё немного сложнее.

— Что ты имеешь в виду?

— Я имею в виду, какой процент действий я совершил из-за реальной боязни за его жизнь... и какой процент принятых мной мер можно отнести к чувству ответственности сына перед своим отцом... а какой процент — это окончательное *Пошел на хер*?

Я беспомощно уставилась на него, не зная, что сказать. Этот разговор зашел слишком далеко, чтобы считаться *обычным*.

— Никто бы не сделал этого, — продолжил он. — Винсент уж точно не стал бы. В конце концов, мой брат думает только о себе. Мама хотела нанять профессионального посредника, наемника, чтобы доставить деньги. Но я отправился в условленное место, не сказав им обоим ни слова. Сам заплатил выкуп, чтобы лично предстать перед отцом и посмотреть ему в глаза. Что-то вроде «*Я — сын, которого ты ненавидишь, и все же я здесь. Придурок*».

Коннор пожал плечами.

— В конечном счете, думаю, я все же чувствовал, что задолжал ему те десять миллионов... так что... мне нужно было как-то отплатить ему. Это, в купе со всем остальным, о чем я упоминал. Как я уже говорил, это сложно.

— Что он сказал, когда ты спас его?

Коннор усмехнулся.

— Почему так долго?

— Ты шутишь.

— Нет, не шучу. В тот момент я утер ему нос, целиком и полностью... и этот ублюдох не был любезен признать это. Но таков мой отец. С другой стороны, после этого меня снова стали приглашать на семейные сборища. Им вроде как пришлось.

— Ты ведь все ещё беспокоишься о нем? В смысле... ты рисковал своей жизнью...

— Это вопрос для следующего сеанса психотерапии. — Коннор сделал глоток вина, затем криво ухмыльнулся и спросил с сарказмом. — Разве ты не рада, что спросила о моем детстве?

— ... Я не совсем уверена...

— Предполагалось, что это вопрос смеха ради. Никто в здравом уме не ответил бы «Да».

- Скажем... в смысле... я хочу больше узнать о тебе... так что, думаю, я рада, что спросила... просто мне очень грустно, что тебе пришлось пережить все это в детстве...
- Оставь всю эту жалость детям с несчастливым детством, которым не удалось стать миллиардерами, — легкомысленно сказал он.
- Надеюсь, им удалось сыграть пару игр в Монополию со своими родителями и не пришлось беспокоиться о том, что им воткнул нож в спину, — пробурчала я.
- Коннор засмеялся, затем откинулся на стуле.
- Но я многому научился благодаря этим играм.
- Чему? Как перегрызать людям глотки?
- Перегрызать глотки деловым кругам, глотки предпринимательства. Образно говоря, конечно. Но я узнал кое-что еще.
- И что же это?
- Чем я хочу заниматься, когда вырасту.
- Я думала, ты хотел стать фьючерсным брокером.
- Тогда мне было пять лет. Ещё до того, как игры в Монополию научили меня тому, что я в действительности хотел.
- ...И это было?
- Коннор одарил меня леденящей душу улыбкой.
- Уничтожить империю своего отца... просто наблюдать, как она рушится.

После этого атмосфера между нами стала менее печальной.

Хотя, мне потребовалось время, чтобы прийти в себя.

Коннор понял, что немного напугал меня, поэтому оставшуюся часть ужина он развлекал меня историями о шутках над одноклассниками в школе-интернате... и невероятными рассказами о неудавшихся деловых сделках... и смешными байками о том, насколько сильно Себастьян ненавидел семью Коннора, и всеми ехидными замечаниями, которые он делал, когда общался с ними.

В конце концов, вино подействовало, слегка затуманив мое сознание, и еда захлестнула меня чувственным восторгом. И я забыла о жуткой семейной истории.

По крайней мере, на какое-то время.

Мы закончили ужинать — все шестнадцать смен блюд — около одиннадцати вечера. Клянусь, я чуть было не попросила работников ресторана выкатить меня на улицу на тачке.

Когда мы вышли в вестибюль, Коннор сделал самое худшее, что можно было сделать в сложившихся обстоятельствах.

— Итак... хочешь вернуться в отель и заняться безумным сексом? — прошептал он мне на ухо.

— УФ. НЕТ, — ответила я, не желая признаваться, что чувствовала себя такой же сексуальной, как фаршированный поросенок. — Ты заплатил слишком много, чтобы все это вернулось обратно.

Он покатился со смеху.

— Это отвратительно... и все же, в некотором роде очаровательно.

— Я так рада развлечь тебя, — сказала я с сарказмом. — Кстати... сколько стоил этот ужин?

— Ты не захочешь знать.

— Этого я и боялась...

Как только мы вернулись в Бентли, я прижалась к Коннору.

— Чем теперь займемся?

— Ты устала?

— Нет, я хорошо поспала ранее, — ответила я, затем озорно добавила, — после чего приятно размялась.

Он улыбнулся.

— Да, это так. Но, так как нам придется подождать час, прежде чем мы войдем в одну реку...

— Ты ведь знаешь, что это бабушкины сказки?

— Ты ведь понимаешь, что я использовал метафору?

— Очень смешно, умник.

— Как я говорил до того, как меня так грубо перебили: если мы собираемся сделать перерыв в... *упражнениях*... у тебя есть идеи, чем ты хотела бы заняться?

Я подумала об азартных играх, но это не казалось таким уж привлекательным. И я не думала, что в это время можно было посмотреть какие-либо шоу.

— Нет, не особо. А у тебя?

— У меня есть идея.

— Какая?

— Помнишь, ты спросила, по каким делам я сюда приехал?

— Да.

— Хочешь узнать, по каким?

Я отстранилась назад, чтобы посмотреть на него.

— Сейчас?

— Ну... не прямо сейчас... но скоро.

Я озадаченно нахмурилась.

— О чем ты говоришь?

Он загадочно улыбнулся.

— Увидишь.

И это все, что он сказал мне, пока мы не вернулись в отель.

Глава 16

Когда мы вошли в пентхаус, Коннор подошел к окнам, высотой в шесть метров, и посмотрел на светящиеся огни Вегаса.

Джонни направился в свою комнату в противоположном конце номера, затем остановился и посмотрел назад.

— Мы договорились насчет вечера?

— Да, все хорошо, — кивнул Коннор в ответ. — Увидимся утром.

Я вопросительно взглянула на Коннора, но он не смотрел на меня.

— Хорошо. Спокойной ночи, Лили.

— Спокойной ночи, Джонни, — ответила я, хотя чувствовала себя виноватой, потому что была абсолютно уверена, что стала участником какой-то лжи.

Как только Джонни ушел, я прошептала:

— Я думала, ты сказал, что мы поедем что-то посмотреть.

— Поедем. Просто дай ему немного времени, чтобы уснуть.

— Он не повезет нас?!

— Говори тише. Нет, это секрет. Только ты и я.

— Но...

— Перестань волноваться.

— Ты недостаточно волнуешься.

— Тогда мы можем остаться здесь, если ты этого хочешь. Но, если мы поедем, то только вдвоем, одни под звездами. — Он посмотрел мне в глаза. — Что ты хочешь сделать?

Секреты, интриги и фраза о том, что мы должны быть только вдвоем, одни под звездами.

Какая девушка смогла бы устоять?

Мы подождали почти час, потом молча покинули пентхаус. Коннор, казалось, был занят своими мыслями. А я пребывала в ужасе от мысли, что Джонни выскочит из своей комнаты и начнет орать на нас.

Но нам удалось спуститься вниз, к конторке парковщика, и спустя две минуты мы сидели в ламборгини. Сначала я думала, что он отвезет меня в казино, или в какое-то офисное здание, или в другое место в городе, но потом поняла, что мы уезжаем из города.

Очень далеко от города.

В пустыню.

Коннор молчал всю дорогу. Я потянулась и взяла его за руку, чтобы подбодрить. Он мимолетно улыбнулся мне, затем уставился на дорогу перед собой, словно снова потерялся в своих мыслях.

Проехав полчаса по шоссе и оставив позади окрестности города, Коннор свернул на пустую второстепенную дорогу и поехал дальше сквозь ночь. Огни города превратились в тусклое сияние на горизонте, а звезды засияли ярче над нами.

Не знаю, случалось ли вам когда-нибудь находиться вне светового загрязнения городов, но, когда вы наконец попадаете туда, где на мили вокруг нет никакого освещения, это потрясающе. Всю свою жизнь я жила в пригороде и городских районах — сначала в Шарлотт, затем в Афинах, в Джорджии во время учёбы в колледже, затем в Лос Анджелесе. Я никогда не была за пределами сияния тысячи уличных фонарей.

До настоящего момента.

В то время как мы уезжали дальше в пустыню, звезды на небе становились все отчетливее. Сначала несколько сотен, затем тысяча, и, чем дальше мы удалялись, тем больше их становилось.

Я где-то читала, что только двадцать процентов всего человечества доводится увидеть Млечный путь во всей его красе. Большинство из нас живут слишком близко к *цивилизации*, чтобы наслаждаться миллионами огоньков, из которых состоит наша галактика.

Для меня это было впервые.

Я открыла окно и просто смотрела в небо, пока ламборгини мчался сквозь ночь. Я потеряла счет времени, свет звезд становился все ярче.

Затем автомобиль снизил скорость и повернул на грунтовую дорогу.

— Куда мы едем? — испуганно спросила я.

— Это часть сюрприза.

Колеса прокладывали себе путь по грунтовой дороге — две минуты, пять минут, десять. Я начала волноваться — *что, если мы ломаемся здесь?* — а потом, когда сияние звезд над головой стало еще красивее, я забыла обо всем.

Наконец, мы остановились.

Коннор выключил фары, вылез из машины, обошел ее и открыл мою дверь. Как только я оказалась снаружи, и он закрыл ее за мной, на мили вокруг не осталось ничего кроме темноты. И перед нами предстало небо, усыпанное звездами на миллионы миль над головой.

Вокруг стояла полная тишина, кроме тикающего звука охлаждения двигателя ламборгини. Даже ветра не было, хотя температура воздуха значительно понизилась. Я набросила на плечи накидку и огляделась.

— Что ж... ты это хотел мне показать?

— Да. Именно это, — сказал Коннор, глядя в темноту. Его голос звучал взволнованно... почти смущенно.

— Эм... ладно...

— Что ты видишь? — спросил он.

Я посмотрела на небо.

— Миллиарды звезд.

Он проследил за моим взглядом.

— Это действительно красиво, правда? Но я не об этом.

— Что ты имеешь в виду?

— Вокруг нас. Здесь, где мы стоим. Что ты видишь?

Обширные равнины песка и заросли кустарника, и низкорослые растения, едва заметные в темноте.

— Кхм... пустыню. Много, очень много песка.

— Я вижу возможность всей жизни.

Я снова огляделась. И опять же видела лишь мили пустоты.

— Думаю, вот почему ты миллиардер, а я нет, — пошутила я.

Коннор отошел в сторону шагов на двадцать, затем повернулся и посмотрел на меня.

— Я вижу эквивалент всей нефти в Саудовской Аравии умноженный на миллион.

Я нахмурилась, затем уставилась в темноту, задаваясь вопросом, может я пропустила пару нефтяных вышек.

Нет.

— Ты полагаешь, здесь есть нефть? — спросила я, прислонившись к капоту ламборгини. В холодном ночном воздухе тепло, исходящее от машины, было приятно согревающим.

— Лучше. Думаю, этот ресурс практически безграничен — по крайней мере на миллиард лет вперед — и он более экологически чистый, чем любой другой энергетический ресурс, которым мы владеем.

— Солнечная энергия, — сообразила я.

— Именно. Ты знала, что обеспечить всю территорию Соединенных Штатов электричеством возможно с участка размером сто на сто миль?

Я посмотрела в темноту.

— На это я сейчас смотрю? Э-э... десять тысяч квадратных миль?

— Хорошие навыки умножения.

— Я старалась, — ответила я с сарказмом. Зная, что он гений в числах, эта ситуация была немного похожа на то, как Уинтон Марсалис (Wynton Marsalis — американский трубач и композитор. Прим. пер.) говорит вам, что вы точно умеете играть на казу (игрушечный духовой инструмент африканок. Прим. пер.).

Но Коннор решил проигнорировать подкол.

— Почти десять тысяч квадратных миль. И это меньше десяти процентов всей поверхности штата.

— Но я думала, что с солнечной энергией куча проблем. Э-э... ты не против? — спросила я, медленно опуская свою попу и показывая тем самым, что я хотела сесть на капот. — Он теплый, а воздух вроде как холодный.

— Что? А, конечно, я не против.

Я робко опустилась на металлическую поверхность, ожидая ужасного скрежета металла, прогнувшегося под моим весом. Но ничего не произошло.

Ах-х-х-х.

Тепло машины вызвало мурашки по всему моему телу.

— С любой технологией возникает уйма проблем, — продолжил Коннор. — Особенно до того, как наступит переломный момент, и дела пойдут в гору.

— Да, но... я думала, что существовали проблемы со способами ее хранения. То есть, невозможно получить солнечную энергию ночью, и нет ни одной системы аккумуляторов, которая бы решила этот вопрос.

Теперь, когда мои глаза привыкли к темноте, я смогла разглядеть его улыбку, как и слышать ее.

— Вот поэтому я работаю с парой ученых из калифорнийского университета над графеновыми суперконденсаторами.

Мое чутье ботаника зашевелилось внутри.

— Ого... что?

Пока Коннор продолжал говорить, он становился все более взволнованным.

— Графен — это форма углерода, один из известных самых механически жестких материалов и он совершенно подвижен. Парни, которые его открыли, получили Нобелевскую премию по физике в 2010 году. Теперь, двое ученых из калифорнийского университета не только разработали дешевый способ получения графена в больших количествах, но и выяснили, что он может поглощать огромный электрический заряд и со временем медленно отдавать его. Можно питать одну небольшую лампочку в течение пяти минут от кусочка графена, площадью один квадратный дюйм и толщиной меньше миллиметра. Только представь массив из миллионов листов графена, способный принимать огромные количества электричества, вырабатываемого солнечной энергией, а затем медленно отдающий его в течение долгого времени.

Я тоже начинала чувствовать радостное возбуждение.

— Это могло бы полностью решить...

— ...проблему с хранением! Не говоря уже о полном перевороте в сфере его передачи! — прервал он меня, его голос был полон радостного волнения. Он был похож на пятилетнего ребенка, который радуется тортю на день рождения.

— Ты упомянул суперконденсаторы. Я слышала о них, но...

— Хорошо. Есть батарейки, которые по сути являются лишь устройством хранения энергии. Они могут быть любого вида от АА, которые подходят к твоему пульту от телевизора, до автомобильных аккумуляторов и до огромных промышленных аккумуляторов, которые сейчас используются для хранения солнечной энергии. Но они медленно заряжаются и быстро разряжаются. Конденсаторы имеют бóльшую мощность, но ужасные свойства хранения — как вспышка фотоаппарата. Большой выброс энергии и на этом все. Суперконденсатор соединяет в себе лучшие свойства обоих. Он обладает высокой способностью накапливать энергию и быстрым зарядом, и разрядом. Именно это и создали те парни из калифорнийского университета. Теоретически, можно поместить графеновые аккумуляторы в автомобиль, что позволит проехать 200 миль на одном заряде, и ты сможешь зарядить его за шестьдесят секунд на зарядной станции. Или можно создать мобильный телефон, аккумулятор которого заряжается за пять секунд. Или массивное электрическое хранилище на солнечных электростанциях, используя для этого лишь углерод.

— Но я читала, что строительство солнечных панелей очень ядовитый процесс.

— Это не идеально, — нетерпеливо сказал Коннор. — Но, если сравнивать вредное воздействие с продолжительностью существования источника энергии, солнечная энергия без сомнения выигрывает. Уголь только кажется дешевым источником энергии, когда не учитываются затраты, связанные с загрязнением окружающей среды, изменением климата, с жизнью и здоровьем шахтеров и воздействием ртути при добыче и переработке угля.

Я посмотрела вдаль на огромные просторы пустыни.

— Значит... ты планируешь создать огромную ферму по получению солнечной энергии?

— Именно.

— А кто владеет землёй?

— Федеральное правительство и власти штата Невада.

— Ты собираешься выкупить ее у них?!

— Нет. Она не продается. Но я могу взять ее в аренду... ради чего я и приехал в город и собираюсь вести переговоры в течение следующих нескольких дней. Я встречаюсь с губернатором и представителями штата, играющими главную роль в данном вопросе. Я уже заключил сделку в Вашингтоне с сенаторами штата Невада и представителями избирательных округов. В обмен на аренду в течение девяти десяти девяти лет, мои компании будут снабжать электроэнергией бесплатно весь штат Невада, предоставят примерно десять тысяч рабочих мест и долю со всех доходов, которые мы получим, поставляя дешёвую, экологически чистую энергию на территории штатов: Калифорния, Аризона, Айдахо, Орегон и Юта.

— Ничего себе, — прошептала я.

— Ага, — гордо ответил он.

Я замолчала, раздумывая о последствиях

— Подожди... я думала, ты сказал, что эта территория может снабжать электроэнергией всю страну.

— Может... теоретически. Но начинать стоит с малого. Люди начинают паниковать, когда ты заявляешь, что собираешься изменить мир. Иногда приходится держать их за руку и для начала менять их задний дворик.

— Тебе позволят это сделать? Взять землю в аренду и все остальное, о чем ты говорил?

— Да. Позволят.

— Откуда ты знаешь?

Коннор улыбнулся.

— Я выяснил, что все они хотят... и готов им это дать.

— Но... если ты сделаешь то, что собираешься сделать... разве ты не поставишь крест на всех угольных электростанциях?

— И не только угольных. Представь мир, где электричество стоит в десять раз меньше, чем сейчас, не говоря уже о том, что оно будет экологически чистым. Представь, что ты сможешь заехать на автозаправку и зарядить свою машину за минуту, и это будет стоить меньше, чем один галлон бензина (1 галлон = 3,785 л. Прим. пер.). Именно об этом мы сейчас говорим, и это произойдет всего лишь через пять, может, десять лет.

Я вылупилась на него.

— Ты вытеснишь «Эксон» и другие нефтяные компании из бизнеса.

— Если они не приспособятся к новым обстоятельствам.

— Мать честная, Коннор! Ты действительно можешь это сделать?!

— Да. Всё готово. Я владею контрольными пакетами акций в крупнейших предприятиях коммунального хозяйства, которые мне необходимы, а также в большой автомобильной компании, которая хочет доминировать на рынке электромобилей. Одна из сетей автозаправок готова установить все необходимое оборудование для зарядки автомобилей, как только я вложу первоначальный капитал. Я привлек финансирование, необходимое на первые пять лет. Всё, что мне сейчас нужно, чтобы бюрократический аппарат узаконил всё это.

И тут меня осенило:

— Они не позволят тебе это сделать, — прошептала я.

— У них не останется выбора.

— Но... все компании, зарабатывающие миллионы и миллиарды долларов на том, как сейчас обстоят дела...

— Должны будут либо присоединиться, либо разориться.

— Но ведь эти компании платят огромные деньги политикам, чтобы заставить их голосовать так, как им нужно!

— Об этом я тоже позаботился.

— Как?!

— Я не должен больше ничего говорить, потому что не хочу, чтобы тебя когда-нибудь заставили давать показания в суде... давай просто скажем так, я позаботился об этой ситуации.

Я сидела с открытым ртом и пыталась во всем разобраться. Слишком много всего произошло, чтобы все это усвоить. В конце концов, только неделю назад я еле концы с концами сводила, чтобы оплатить арендную плату, а сейчас я разговаривала с миллиардером, который планировал изменить весь мир. И был серьезно настроен на это.

И у которого возможно это получится.

Затем я вспомнила наш разговор, который состоялся ранее вечером.

— Коннор... твой отец... у него много акций энергетических компаний?

— Слишком мягко сказано. Я бы сказал, что более сорока процентов его состояния приходится на компании, занимающиеся природным топливом и связанными с ним отраслями, такими как сектор энергетики и автопроизводители.

— О БОЖЕ МОЙ! — воскликнула я, вскочив на ноги. — Ты делаешь это, чтобы разорить своего отца?!

Он рассмеялся.

— Нет, это лишь приятный побочный результат.

Я начала ходить туда-сюда.

Я не до конца поняла, что он имел в виду ранее, когда сказал, что хочет уничтожить империю своего отца, увидеть, как она рухнет.

Но теперь до меня дошло.

И меня это пугало.

Он подошел, остановив мои метания, и положил руки мне на плечи.

— Что случилось?

— Если твой отец на самом деле такой большой мудака, как ты говоришь, он ни за что не позволит, чтобы тебе это сошло с рук!

— Я же сказал тебе, что все костяшки домино на месте. Теперь дело за малым —

опрокинуть первую.

Он звучал чрезвычайно самоуверенно.

— Но сам факт, что ты хочешь сделать это только для того, чтобы уничтожить своего отца? Это ненормально! Тебе стоит с кем-нибудь поговорить об этом, например, с психиатром!

Коннор долго смотрел на меня... а потом спросил:

— Лили, ты знаешь кто такой Никола Тесла?

Если вы помешаны на науке, вы должны знать, кто такой Никола Тесла. Это всё равно, что знать, кто такой Джеймс Тиберий Кирк, или кем стал Энакин Скайуокер.

— Американский изобретатель сербского происхождения, живший в начале двадцатого века, — ответила я. — Настоящий гений. Какое отношение он имеет к нашему разговору?

— Тесла, возможно, был величайшим неочененным изобретателем в истории науки. Томас Эдисон нанял его, чтобы починить электрические генераторы постоянного тока, а затем кинул его с премией за работу. Тесла взял и, по сути, изобрел переменный ток, и Эдисон попытался пустить в ход все средства, чтобы остановить его. Когда Маркони изобрел радио, он использовал более десятка патентов, впервые зарегистрированных Теслой. В 1917 году у него появилась идея для радара, но в то время во главе департамента научных исследований ВМС США стоял Эдисон и он отклонил ее, потому что ненавидел Теслу. Так что фактически радар был изобретён лишь в 1935 году кем-то другим. И он изобрел вещи, в которых мы и по сей день все еще не разобрались и до сих пор не можем воспроизвести, например, беспроводная передача электричества или извлечение его из атмосферы. Тесла собирался бесплатно раздавать его по всей планете, но, когда инвестор Теслы понял, что не сможет контролировать этот процесс или взимать плату с людей за электричество, он прекратил финансирование, и башню снесли.

— Я все это знаю, — сказала я.

Коннор пристально посмотрел на меня.

— Ну... я знаю кое-что из этого, — проворчала я. — Как это связано с тобой? Хочешь сказать, ты современный Никола Тесла?

— Нет. Вовсе нет. Но я бизнесмен, и у меня есть возможность помочь современным Тесла. Только представь, если бы тот инвестор не уничтожил башню. Каким бы сейчас был наш мир?

— Другим, — согласилась я.

— Совершенно другим, — произнес Коннор. — Но мой отец? Он как тот инвестор, который снес башню. Он похож на Эдисона. Ну... если бы Эдисон никогда не прославился своими изобретениями. Эдисону возможно и приписывают изобретение лампочки, но он этого не делал. Он продавал лампочки. Эдисон заплатил лаборатории техников, чтобы те улучшили существующую конструкцию, созданную кем-то другим, для производства ее в промышленных масштабах. Вот кто такой Эдисон — и мой отец — в двух словах.

— Эдисон был гением, — возразила я.

— Да, был. Но его основным талантом было умение вести бизнес и рекламировать себя. Посмотри, что он сделал с Теслой: обманул, оклеветал его, сопротивлялся внедрению некоторых из потенциально самых больших достижений 20-го века, потому что Эдисон хотел денег, славы и власти, и он не мог вынести, что кто-то другой утрет ему нос. Мой отец такой же. Черт, почти каждый руководитель любой крупной корпорации, контролирующей рычаги правления миром, такой. Они инвестируют в существующее положение вещей и

сделают все возможное, чтобы защитить его, даже если это означает препятствие прогрессу, который может принести пользу всему человечеству. Они убеждают себя, что все новое — это просто бредовые идеи, кратковременное увлечение. Но даже если бы им были представлены неоспоримые доказательства, им было бы все равно. Они принимают решения в угоду себе и своим богатым друзьям. Им наплевать на то, что будет, кроме тех случаев, когда они могут набить свои карманы сразу или получить прибыль от своих вложений в самом обозримом будущем. И если они понимают, что технология работает, но видят в ней угрозу, тогда они активно саботируют ее развитие. Только когда джинн выпущен из бутылки, и встает выбор: пан или пропал, тогда они, наконец, подпишутся на это. Но до этого момента они будут бороться не на жизнь на смерть против прогресса, потому что все, что их волнует — это всемогущий доллар. По их мнению, пять центов в руке лучше, чем десять возможных долларов в каком-то далеком, недоказанном будущем. Каким бы удивительным ни было это будущее.

Коннор отошел от меня и начал ходить туда-сюда как сумасшедший дирижер перед каким-то невидимым оркестром в темноте.

— Я не хочу быть таким. Я хочу быть тем, кто меняет мир к лучшему. И, если я не могу им стать, тогда я хочу помочь тому, кто изменит мир к лучшему. Я хочу быть человеком, который дает гениям возможность изменять мир. Я хочу быть человеком, который помогает сделать мир лучше, который открывает для человечества будущее. Потому что именно в этом я хорош — в уловках. В убеждении. В политике *выкручивания рук*. Борьба за власть происходит за кулисами. Я могу сделать это для людей, которые не могут сделать это сами. Мечтатели, ученые — современные Николы Теслы.

Я хотела ему верить. Я никогда не видела его настолько поглощённым страстью (ну...по крайней мере одетым).

Определённо его сильно волновал этот вопрос

Но я не была полностью убеждена.

— И, если в процессе ты уничтожишь своего отца, тем лучше, я правильно понимаю? — спросила я, скрестив руки на груди.

— Если я действительно хочу делать то, о чем говорю, мне придется убрать с дороги своего отца и любого другого руководителя, подобного ему, которые хотят сохранить мир таким, какой он есть, независимо от того, сколько людей заболевают из-за этого, независимо от того, сколько бедных людей страдают, независимо от того, сколько пали жертвами их действий. Потому что это статус-кво, и они сделают все, чтобы защитить существующее положение вещей. Хочешь изменить мир? Не природа твой враг. Не медленная волна научных открытий твой враг. Твои враги — это люди, которые контролируют ситуацию. Бюрократы... представители власти... мега-богачи... все, кто рискуют что-то потерять, если положение вещей изменится.

— Разве ты делаешь это не ради денег тоже?

— Да, но деньги лишь побочный продукт. Причина не в деньгах. Никогда не была и не будет. Основной причиной является игра. Вопреки всему, создать что-то прекрасное и замечательное как Дубай. Как ты думаешь, почему я занялся отелями в качестве хобби? Ради денег? Нет, черт побери. Я мог бы заработать в десять раз больше на разведке нефти. Я хотел создать что-то красивое, что и через сотню лет все еще будет считаться прекрасным и первоклассным.

Он подошел ко мне ближе, с каждым шагом его речь становилась все более

вдохновенной.

— А теперь представь, что ты делаешь что-то, что останется на тысячу лет. Что-то, что принесет пользу не только богатым, но и бедным людям на каждом континенте. Что-то, о чем в книгах по истории будет сказано, как о изменившем ход человеческой цивилизации. Я хочу быть частью этого. Чего-то потрясающего. Чего-то, что изменит мир.

Он обнял меня за талию и притянул к себе.

Мне неприятно это признавать, но я слегка легкомысленная. То есть, как бы там ни было, я влюбилась в Коннора отчасти потому, что он был самым красивым мужчиной, которого я когда-либо встречала.

И... как бы мне не хотелось признавать это... атрибуты роскоши тоже повлияли на меня. Красота, которую он мне показал. Потрясающие впечатления, великолепное окружение.

Но, начав разговор о Николе Тесле и о желании изменить мир, помогая энтузиастам ученым...

...всё, капец. Конец игры.

Я была обречена, полностью охвачена его энтузиазмом и страстью.

Он наклонился к моему рту, его губы были теплыми и сильными.

Я открыла рот, чтобы впустить его.

В холодном ночном воздухе я чувствовала жар его тела, когда он страстно целовал меня. Дикий энтузиазм в мгновение ока превратился в лихорадку, пока его руки блуждали по моему телу.

Я обвила руками его шею и притянула к себе.

Его руки обхватили мою попку, пробежали вверх по красному платью, погладили обнаженную спину. Затем я почувствовала, как одна рука мягко двинулась по моей груди, взвешивая ее в своей ладони.

И я ощутила, как что-то шевельнулось ниже его талии.

Я прижалась всем телом к его бедрам, ощущая восхитительный вес и размер части тела, которая увеличивалась с каждой секундой. Я убрала левую руку с его шеи и провела пальцем по рубашке — по его твердой груди, кубикам пресса — к брюкам, где я позволила своей ладони нежно обхватить ширинку. Я гладила его, взад и вперед, медленно, чувственно, понимая, как он растет в моей руке, как твердеет в моей ладони.

Он застонал и снова опустил обе руки на мою задницу. Сначала я подумала, что он просто ласкает меня, но потом почувствовала, как меня поднимают в воздух.

— Ох, — выдохнула я. Затем я ахнула еще громче, когда он опустил меня назад, мягко, медленно, пока все мое тело от задницы до плеч не легло на капот Ламборгини.

Оххххххх.

Тепло от металла заполнило меня, как будто холодной ночью я легла в теплую постель.

Он наклонился надо мной и оперся одной рукой о капот. Другая рука потянула за верх моего платья, стягивая его и лифчик вниз, пока не обнажилась правая грудь.

Потом он взял ее в рот.

Я застонала и почувствовала, как мое возбуждение растет, пока он жадно сосал мой сосок, затем, чувственно облизав его, настойчиво прижался ртом к моей коже, пытаясь поглотить меня.

Тепло от его губ на моей груди... тепло от возбуждения, растущего глубоко внутри меня... тепло от машины подо мной... все вместе наполняло меня наслаждением, потребностью и желанием, восхитительно контрастируя с холодным ночным воздухом, касающимся моего лица.

Его голова приподнялась и зарылась в изгиб моей шеи. Его губы ласкали мое ухо, язык слегка лизал мою плоть — не столько влажную, сколько мягкую.

К этому времени подол моего платья задрался до бедер, и я почувствовала, как что-то толстое и длинное давит мне между ног. Я ахнула, когда он потерся о мой клитор, посылая дрожь удовольствия по всему животу.

Затем он слегка приподнялся, и его руки потянулись под край моего платья.

Я смотрела на него, силуэт на фоне миллиарда звезд, и чувствовала, как его теплые пальцы скользят по моим бедрам... а потом, зацепив мои кружевные трусики, медленно начинают стягивать их вниз.

Я выгнула спину, помогая ему снять их. Когда трусики были сняты, я почувствовала, как моя собственная влага коснулась моего бедра. Затем он полностью стянул их через мои

высокие каблук и засунул себе в карман.

Одна из его рук опустилась вниз к моим бедрам, и я почувствовала, как его пальцы скользят по моим влажным губам, лаская кожу, заставляя меня дрожать от предвкушения.

Его большой палец очень легонько провел по моему клитору, затем покругил вокруг, дразня, давая лишь малейший намек на давление.

Но как бы хорошо это ни было, я обращала больше внимания на другую руку.

Она скользнула ему под пояс и расстегнула ширинку. Затем его пальцы исчезли в открывшемся пространстве. Его член был таким длинным, большим и твердым, что ему пришлось отодвинуться назад и изменить позу, чтобы, наконец, вытащить его и когда он это сделал, ствол слегка дернулся, а затем поднялся в воздух, твердый, толстый и массивный. Светлый цвет его кожи выделялся на фоне темной ткани брюк, и даже в тусклом свете звезд я видела, как красиво, длинно и огромно он выглядел, даже с основанием и яйцами, все еще спрятанными в штанах.

Я протянула руку и коснулась его.

О БОЖЕ, он был обжигающе горячим... Мягкая кожа на твердом, как камень, стволе.

Он раскачивался взад-вперед, позволяя своему члену двигаться по моей мягкой ладони, как будто я ублажала его своей рукой. Я почувствовала, как он напрягся еще сильнее в моей хватке. Мой рот наполнился слюной, а мои внутренности болели, потому что я так сильно хотела его внутри себя.

Я схватила его — не слишком, но достаточно сильно и притянула к себе.

Он подчинился, и я почувствовала, как его распухшая толстая головка задела внутреннюю сторону моего бедра, а затем скользнула вверх по моей коже, пока кончик не коснулся моих губ.

Затем он медленно вошел в меня.

Я застонала, когда он наполнил меня, сначала постепенно, затем погружаясь все глубже и глубже.

Боже, он был таким толстым и огромным внутри меня.

Его тело медленно прижалось к моему, и я была зажата между восхитительным теплом Ламборгини и мускулами его тела.

Это был первый раз, когда он, находясь внутри меня, остался полностью одет. Незнакомое ощущение ткани на коже оказалось новым и волнующим. Я поняла, что именно происходит:

Богатый, сильный, великолепный мужчина, полностью одетый, трахал меня на капоте своей спортивной машины за полмиллиона долларов, под самым прекрасным звездным небом, которое я когда-либо видела.

И мне это нравилось.

Твердый и толстый, он вошел в меня. Его кожа была влажной от моего сока, скользая глубоко внутри, медленнее, затем быстрее, сильнее, затем мягче — и с каждым толчком я стонала и задыхалась.

Когда мои глаза не закатывались, я смотрела на Млечный Путь, охваченная красотой, кружащейся над моей головой.

Он вонзался в меня, и наслаждение от его толстого, потрясающего члена одолевало мной еще сильнее.

Я подняла руку к его лицу и погладила его по щеке. Затем он слегка склонил голову набок и взял мои пальцы в рот.

Он начал сосать их, влажно, чувственно и медленно, пока его член заполнял меня, а затем выходил, заполнял меня и выходил, снова, снова и снова.

Его губы и бедра двигались в одном ритме — его язык скользил по моим пальцам, в то время как его член скользил внутри меня. Толчки поглаживали моё естество, в то самое мгновение, когда я тоже была глубоко внутри него.

О боже мой.

Я подняла ноги и обвила его вокруг талии, чувствуя его куртку под своими икрами. Затем сильнее притянула его к себе.

Я закрыла глаза, и несколько фантазий промелькнули в моем мозгу:

Я была высокооплачиваемой девушкой по вызову, он — самым богатым и красивым клиентом, которого я когда-либо имела, и он выкупил меня для личного пользования.

Мы учились в средней школе, и, тайком выбираясь из родительских домов посреди ночи, уезжали в пустыню, чтобы трахаться под звездами.

Он был моим мужем, а я — его женой, и он умолял меня заняться с ним любовью на открытом воздухе.

Все фантазии исчезли от ощущения его внутри меня, толстого, массивного и подавляюще мужского, превосходящего любое другое удовольствие, которое я когда-либо испытывала.

Я открыла глаза, когда блаженство внутри стало почти нестерпимым, желая убедиться, что смогу смотреть в его глаза, когда кончу.

Должно быть, мой рот был открыт, я стонала и стонала, двигаясь взад и вперед по капоту машины. Он пристально следил за моими губами, как будто хотел их так сильно, что едва мог выдержать.

Он вынул мои мягкие и влажные пальцы изо рта. Они скользнули по его губам. Затем наклонился и поцеловал меня.

Мягко, нежно, страстно — все это время его великолепный член все еще совершал толчки, наполняя меня, скользя чувственно и влажно глубоко, глубоко внутри меня.

Когда он поцеловал меня, я не знаю, из-за сладости его губ на моих, или из-за изменения давления на мой клитор, или из-за его угла, под которым он вошел в меня, или просто из-за знания того, что в этот момент он был моим, полностью моим, это толкнуло меня через край.

Я закричала, прижавшись губами к его губам, потом притянула его к своему плечу, вцепилась в его волосы безумно, слепо. При крике мои глаза затрепетали. Все, что я могла видеть, были звезды наверху, пока свет, удовольствие и жар взрывались глубоко внутри меня, наполняя, точно так же, как его член с каждым мощным ударом.

Внезапно он тоже застонал, и я почувствовала, как он взрывается глубоко внутри меня. Вместо того чтобы продолжать, он толкал сильнее и настойчивее, как будто хотел стать со мной единым целым, как будто хотел проникнуть в меня глубже, чем когда-либо прежде. Я чувствовала каждый восхитительный дюйм его тела, когда он содрогался и содрогался, наполняя меня горячей влагой, увеличивая мое собственное удовольствие, заставляя меня кончать сильнее, посылая сотрясающую землю дрожь по всему моему телу.

Затем толчки постепенно затихли. Он лежал на мне, и я чувствовала, как дрожат его плечи и руки, пока он дышит мне в ухо.

Я держала его так близко, как только могла, и наслаждалась ощущением его внутри. Мои глаза были едва открыты, когда я вернулась из экстаза и потерялась в звездах над

ГОЛОВОЙ.

Обратно мы ехали молча — по крайней мере, поначалу, — и Коннор держал меня за руку.

Я, раскрасневшаяся и совершенно счастливая, просто откинулась на кожаное сиденье, глядя в окно и чувствуя себя прекрасно. На этот раз, однако, я смотрела не на небо, а на тускло освещенный пустынный пейзаж, который мелькал в свете звезд.

— Знаешь, — сказала я, — своего рода иронично, что ты повез меня посмотреть на будущую площадку самой большой солнечной электростанции в мире... в Ламборгини.

Он рассмеялся.

— Я думал купить Теслу.

— Это было бы более уместно.

— Да, так и было бы. Но между Лос-Анджелесом и Вегасом не так уж много зарядных станций, а те, что существуют, работают чертовски медленно. Но... Я это исправлю.

— Ты действительно думаешь, что сможешь это сделать?

— Что, поставить высокоскоростные зарядные станции между этим местом и Лас-Вегасом?

Я закатила глаза.

— Ты знаешь, что я имею в виду.

Он одарил меня легкой полуулыбкой.

— Изменить мир.

— Да.

— Да, иначе не стал бы и пытаться.

Я тщательно обдумала то, что собиралась сказать дальше, тем более что в моих мыслях было слово на букву «Л», но потом я решила, что способ, которым я собираюсь его использовать, достаточно безобиден.

— Знаешь, что я люблю? — спросила я и поспешила продолжить, чтобы избежать неловких пауз или взглядов. — Что ты так увлечен этим. Что это так много значит для тебя.

Он улыбнулся, и, поднеся мою руку к губам, нежно поцеловал ее. Затем, опустив, он бросил на меня многозначительный взгляд.

— Приятно заниматься любимым делом. Тебе стоит как-нибудь попробовать.

Я почти что сказала. *Я люблю тебя.*

Но как бы игриво я ни собиралась это сказать, я знала, что это слишком рискованно.

Поэтому я просто застонала. — Я не хотела, чтобы это превратилось в консультацию по вопросам карьеры.

— Но что ты собираешься делать? Думала об этом?

«Я просто хочу остаться с тобой», — подумала я, но решила не говорить и этого. Потому что боялась его ответа. Но что будет потом?

Только это действительно беспокоило меня в Конноре. Наш бой в воскресенье вечером оставил поле усеянным минами. Любой разговор о будущем, каким бы бесцеремонным или невинным он ни был, может легко взорвать одну из мин.

Но я была счастлива и не позволяла этому беспокоить меня прямо сейчас. Для этого еще будет время.

Поэтому я просто обошла мины.

— Нет, я была слишком занята тем, что пила вино, обедала и... другими вещами.

Он ухмыльнулся.

— Всегда настоящая леди. Я думаю, что это «вино, обед и шестьдесят девять».

— Не думаю, что «леди» сделала бы то, что мы только что сделали на капоте твоей машины. А что касается другого, то мы уже сделали это в субботу.

Он рассмеялся и покачал головой.

— Я уже говорил и повторю еще раз: ты должна стать политиком. Ты действительно хорошо уклоняешься от ответов.

— За последние четыре дня у меня было слишком много скандальных половых актов, чтобы быть подходящим кандидатом.

Он сжал мою руку.

— И это еще не все.

Мое сердце и другие части слегка затрепетали.

— Но ты все еще не ответила на мой вопрос. Ты думала о том, что могла бы делать?

— Не думаю, что мне заплатят за то, что я люблю.

— И что же это?

Опять я чуть было не сказала: «Заниматься с тобой сексом».

Но потом ехидный голосок в моей голове сказал: «О, подожди — тебе же уже заплатили за это».

Во рту остался кислый привкус.

Поэтому я солгала.

— Просмотр реалити-шоу.

Коннор хмыкнул.

— Да, за это не платят. Итак, следующий вопрос: «Что ты умеешь?»

— Например, для работы?

— Да.

— Не очень много.

— Ну вот, опять.

— Ну вот, опять что?

— Не веришь в себя. Разрушаешь себя вместо того, чтобы строить.

— Хорошо, мистер Хотшот, если бы я задала вам тот же вопрос, что бы вы ответили?

— Все.

— Нет, я имею в виду то, что ты умеешь.

— Я знаю, что ты имела в виду. И я бы сказал «все».

— Ух ты, кто — то полон самолюбия.

Он рассмеялся.

— Кто-то должен быть моим лучшим пиар-агентом. С таким же успехом им могу быть, и я сам. Никто другой не поверит в тебя, пока ты, не согласишься.

— А что, если ты не веришь в себя?

— Притворяйся, пока это не станет правдой.

— Ну, ты, очевидно, веришь в себя. — Я бросила на него косой взгляд, который мог бы задеть самолюбие других парней, но Коннора только позабавил.

— От Всего Сердца. На тысячу процентов.

— Был ли момент, когда ты этого не делал?

— Да.

Я посмотрела на него. Честность в его голосе обезоруживала.

— Когда?

— Уход от отца был, вероятно, одним из определяющих моментов в моей жизни возможно, определяющим моментом, по крайней мере до сих пор. Но после того, как адреналин спал, я очень испугался. На самом деле я был в ужасе. Быть отреченным не сладко. Но я быстро понял, что, будучи одиноким и технически разоренным, очень важно представить себя уверенным, компетентным и контролирующим. Я бы никогда не получил и одного инвестора, если бы на встречах говорил: «Я ничего не знаю... бедный маленький смиренный я...»

— Ну, я ничего не знаю.

Он вздохнул с явным раздражением в голосе, которое раздражало меня.

— Что я сделал, когда пришел к вам в офис? — спросил он.

— Кроме того, что соблазнил меня?

Он ухмыльнулся.

— Да, кроме этого.

— И кроме того, что вел себя как самодовольный придурок?

— С кем ты переспала.

Я уставилась на него.

— Технически, это «с которым».

Обычно я не занимаюсь грамматикой. Только когда кто-то меня бесит.

Что он и сделал.

Он знал это и ему это нравилось.

— Формально или нет, но ты все равно спала со мной.

— Технически, сейчас ты ведешь себя как самодовольный придурок.

Он рассмеялся.

— Ладно, кроме этого, что еще я делал, когда пришел к тебе в офис?

— Ты просмотрел кое-какие документы.

— Почему?

— Ты искал информацию.

— Какую?

— Насчет выкупа.

— А что я искал?

— Файлы для PT&Associates, Teramore, Zaruder...

— Нет, это просто данные. *Почему я это искал?*

На этот раз я подумала, прежде чем ответить.

— ...чтобы узнать, стоит ли за этим Клаус и департамент.

— Вот именно. Потому что у меня были сомнения.

— И как это связано со мной, кроме того, что я сама отказалась от этого?

Он ухмыльнулся.

Я слегка покраснела.

— Только не так.

— Ну... — сказал он, как бы говоря: «Ты вроде как СДЕЛАЛА ЭТО»...

Я шлепнула его по руке, и он рассмеялся.

Потом он снова стал серьезным.

— Помнишь, как мы разговаривали после того, как я увидел отчет Терамора на экране

твоего компьютера? Я узнал все, что мне нужно было, за тридцать секунд разговора с тобой.

Я нахмурилась.

— Нет.

— Да.

— Ты допрашивал меня минут пять после этого. На самом деле «допрашивал» — не то слово. После этого ты был похож на испанскую инквизицию.

— Я хотел убедиться, что ты знаешь, о чем говоришь.

— Все равно пять минут, а не тридцать секунд.

— Скорее две с половиной минуты. Я просто продолжал, потому что был поражен, что ты так много знаешь.

— Ты же не собирался торпедировать выкуп по приказу какой-то маленькой секретарши из Ehex Corp.

— Нет, именно поэтому после я и проявил должную осмотрительность в течение часа. Но через тридцать секунд я нутром чуял, что ты знаешь, что происходит. Через две с половиной минуты я понял, что интуиция меня не подводит, и сделка была отменена.

Я сидела, ошеломленная. Мне казалось, что это было довольно серьезное решение после разговора с секретаршей.

Но опять же... один из нас был инвестором-миллиардером, а другой-нет.

— Так какое это имеет отношение ко мне? Мне кажется, что ты был гением, который так быстро соединил все точки.

— Я часто обнаруживал, что лучшие разведданные можно собрать на самых низких уровнях компании. От людей в техподдержке, от тех, кому приходится иметь дело с дерьмом, порожденным идиотскими идеями МВА и людей в управлении.

— Не все, как я. На дне полно дерьмовых людей.

— Я впервые слышу, как ты хвалишь себя, пусть и косвенно.

Я покраснела.

— Но ты права, — продолжал он. — Вот почему я убедился, что ты знаешь свое дело. Так и было. И я поставил миллиард долларов на твоё мнение.

Я, разинув рот, слушала подобное откровение.

— Это безумие.

— Не с моей точки зрения.

— Почему мы вообще говорим об этом?

— А что, если бы ты управляла консалтинговой фирмой и брала интервью у низших сотрудников о том, что работает, а что нет? По сути, вы отбирали бы все проблемы и все предложения от людей на передовой? Хороших людей. Это будет половина твоей работы — отделять зерна от плевел. Но ты отлично разбираешься в крупномасштабных проблемах. Быстро синтезируешь информацию. И у тебя есть шесть месяцев опыта работы на высоком уровне Ehex Corp. По сути, ты сделала всю тяжелую работу для исполнительного вице-президента. Что, если бы ты могла продать себя в качестве консультанта для небольших компаний, скажем, с более чем пятидесятью сотрудниками, но менее чем пятьсот? Ты приходишь, выясняешь проблемы... а затем представляешь их руководству с предложениями, взятыми у лучших сотрудников. Ты бы в основном занималась краудсорсингом (*Привлечение к решению тех или иных проблем инновационной производственной деятельности широкого круга лиц для использования их творческих способностей, знаний и опыта по типу субподрядной работы на добровольных началах с применением информационных*

технологий.) проблем и решений, но из группы людей, которые знают систему от и до.

Я сидела в течение долгой секунды, просто прокручивая это в голове.

— ...это круто, — пробормотала я.

— Я знаю. *Я подумал об этом.*

— Даже когда ты пытаешься быть полезным, ты немного высокомерен, знаешь это?

— Это не высокомерие, а правда.

— Как скажешь. Но ответьте мне, мистер Я Слишком Крут Для Этого Мира.

— Что?

— Кто в здравом уме нанял бы меня для первого выступления?

— Наймут, если я порекомендую.

Я долго молчала.

Наконец я кротко спросила:

— Ты бы это сделал?

— Я верю в тебя. Могу добавить, что веры в себя тебе катастрофически не хватает.

— Они тебя послушают?

Он посмотрел на меня.

— Ладно, глупый вопрос, — сказала я, но не могла его проигнорировать. — Но серьезно... они послушают?

— Если бы Билл Гейтс сказал, что на прошлой неделе воспользовался услугами невероятного программного отладчика, и этот человек-фрилансер, так что любой может нанимать его время от времени... разве ты не согласилась бы?

— Мне не нужно отлаживать программное обеспечение.

— Очень смешно, — сказал он, даже не улыбнувшись.

— Да... если бы у меня были деньги.

— Люди, которым я бы тебя рекомендовал? У них есть деньги.

— Ты сделаешь это?

— Как я уже сказал, Лили, я верю в тебя. Ты тоже должна. Хоть немного.

— Или просто притворяться, пока это не станет правдой.

Он ухмыльнулся.

— Теперь ты поняла.

Мы вернулись в отель далеко за два часа ночи. Коннор медленно открыл дверь, оглядываясь в поисках разъяренных азиатских телохранителей, но в пентхаусе было темно, и Джонни, по-видимому, крепко спал в своей комнате.

Мы на цыпочках прошли в хозяйскую спальню и закрыли за собой дверь.

— Мне нужно принять душ, — сказала я. Мои кожа и волосы были покрыты тонким слоем пыли и мелкого песка. Я ни за что не легла бы в постель в таком виде. Я сняла платье и лифчик. Трусики, насколько я знала, все еще лежали в кармане Коннора.

Он смотрел, как я раздеваюсь.

Мне нравилось чувствовать, как его глаза блуждают по моему телу.

— Я присоединюсь к тебе, — прошептал он, когда я осталась совсем голой.

Я посмотрела на него и улыбнулась.

— Меня это вполне устраивает.

Пока Коннор раздевался, я пошла в ванную. На полочках стояло несколько маленьких свечей. Я решила зажечь их, вместо того чтобы включать яркий свет.

И... ну вы понимаете... на всякий случай.

В дверь негромко постучали.

— Входи, — прошептала я.

Дверь открылась, и он вошел.

Совершенно голый.

У меня перехватило дыхание.

Я все еще не привыкла видеть его таким. Все еще не привыкла видеть кого-то настолько великолепного и обнаженного передо мной. И Боже Милостивый, как приятно было видеть его голым.

В пустыне мне это не удалось. Как бы смешно это ни было, я скучала по его телу.

Его мускулы дрожали в свете свечей. Грудь была широкой и мощной. Его руки больше походили на руки пожарного, чем на руки миллиардера-инвестора. Большие и прекрасно вылепленные, как у Давида Микеланджело.

Мои глаза вернулись к его телу и мускулам торса. В свете свечей его пресс выглядел так, словно был нарисован тушью, так глубоко мышцы были очерчены тенью.

И мои глаза все еще продолжали опускаться ниже — к соблазнительному изгибу его бедер и нижним мышцам живота... к копне темных вьющихся волос... и ниже, к длинному, толстому члену, который висел между его мускулистыми бедрами.

Я просто стояла и смотрела на него, зачарованная тенью света над контурами, а потом он начал медленно расширяться... удлиняться... утолщаться и отодвигаться от бедер под небольшим углом.

Я подняла глаза и увидела, что он улыбается мне той озорной улыбкой, которая говорит «я точно знаю, на что ты смотришь». Я покраснела, хотя была уверена, что при свете свечей он этого не видит.

Он медленно подошел ко мне, как кошка, которая преследует свою добычу.

Мои глаза снова на мгновение опустились на его бедра, и я увидела, как его член тяжело покачивается от движения.

Я заставила себя посмотреть ему в глаза, когда он остановился передо мной.

Он протянул руку и откинул мои волосы с плеча.

— Рад, что тебе нравится на меня смотреть, — прошептал он.

Я с трудом сглотнула.

— Есть много приятных причин смотреть на тебя, — честно ответила я.

Он ухмыльнулся, и, положив другую руку мне на щеку, приподнял мою голову, наклонился и нежно поцеловал в губы. Так тепло, так сладко. Наши тела даже не соприкасались, но я чувствовала тепло, исходящее от него.

Ну... наши тела почти не соприкасались. Помимо его рук на моем лице, я почувствовала, как что-то мягкое и теплое коснулось моего бедра и медленно поползло вверх, становясь все толще и тверже.

О Боже.

По мере того как его мужское достоинство росло, оно, дразня, касалось моих губ и моей посадочной полосы волос.

Затем, полностью выпрямившись, он шагнул ближе, прижимая его, горячего, массивного и твердого, но с мягкой кожей, к моему животу.

Я просто стояла там, как загипнотизированная. Его руки нежно держали мое лицо, губы касались моих губ в долгом поцелуе. Эротическое давление его мужского достоинства заставляло меня отчаянно хотеть его внутри себя.

Потом он отстранился.

— Разве мы не должны были принять душ? — прошептал он.

— Э-э-э... да... — пробормотала я, все еще поднимая к нему лицо, чтобы продолжить поцелуй.

Вместо этого он ухмыльнулся и направился в душ. Прежде чем отодвинуться, он скользнул вниз по моей груди, мягко поглаживая соски.

Грррр.

Он был худшим в мире провокатором. Я хотела бы заставить его хотеть меня так же сильно, как я хотела его, а потом оставить в подвешенном состоянии. Секунд на десять или около того.

Но я не думаю, что он мог хотеть меня так же сильно, как я хотела его.

Но мне придется над этим поработать.

Мягкое шипение воды наполнило воздух.

— Заходи, — сказал он, беря меня за руку.

Душ был чудесным, с жаром, поднимающимся вокруг нас, и мерцающим светом свечей через стекло, а также чувственным ощущением воды, бегущей по моей коже.

Но лучше всего был тот человек, с которым я его делила.

Он намылил руки и провел ими по моей коже, начиная с нижней части спины и двигаясь вниз к моей заднице, сжимая и разминая мои ягодицы, при этом скользя пальцем между ними. Он двинулся вперед, снова намыливая руки и скользя ими по моим грудям, держа их в своих ладонях, щипая мои соски между своими скользкими пальцами.

И все это время он целовал меня нежно, покусывая мое ухо, двигая губами вниз по моей шее. Его язык соответствовал влажности воды, каскадом стекающей по моей коже. Затем он снова поднялся, слегка посасывая мою нижнюю губу, крепко прижимаясь своим ртом к моему и лаская мой язык своим.

Я тоже была занята делом.

Сначала я намылила руки и потянулась к его заду.

О-о-о, Боже.

Я искренне надеюсь, что когда-нибудь вы будете держать в руках такую же прекрасную задницу, как я сейчас.

Я провела пальцами по его ягодицам — твердым, мускулистым, сильным — намыливая их, играя с ними, сжимая так крепко, как только могла. Конечно, это давило на кое-что еще напротив меня. Поэтому через несколько минут я перешел к делу.

Я снова намылила руки и начала с внутренней стороны его ног. Я медленно подняла руки вверх... лаская четко очерченные мускулистые бедра... а потом — мои пальцы коснулись его яиц.

Впрочем, я не зашла слишком далеко. Я просто продолжала играть своими мыльными пальцами вдоль его ног, до того места, где они соединялись с его телом, позволяя тыльной стороне моих пальцев касаться его более чувствительных частей. Я взяла кончик пальца, мыльного и скользкого, и легонько коснулась его мошонки. Провела пальцем по чувствительной коже, вокруг висящих гирь... и потом взяла его яички в мою ладонь.

Другой рукой я изобразила «С» указательным и большим пальцами и легонько — едва касаясь его кожи — начала двигаться вверх по его твердому, как камень, стволу. От мыльных пузырей было больше трения, чем от моей руки.

Он застонал.

Я решила, что нахожусь на правильном пути.

Я проделала весь путь до головки и медленно опустила руку вниз, все время нежно лаская его яйца, намыливая их, чувствуя их вес в своей ладони.

Он перестал целовать меня и просто стоял с закрытыми глазами, открытым ртом, и стонал.

Я слегка повернула его, позволяя воде ударить в него и смыть все мыло.

А потом я наклонилась.

Он был таким длинным, что мне не пришлось наклоняться слишком низко.

Я взяла в рот его твердую, набухшую головку.

Он застонал громче и уперся руками в кафельную стену.

Брызги воды играли на моей коже, пока я спускалась дальше — один дюйм, два дюйма,

сколько могла взять в рот от чего-то настолько огромного, — а затем я вернулась назад и лизнула нижнюю часть его члена.

После я снова нырнула вниз, чуть дальше, смачивая его ртом, скользя по нему языком.

Теперь он стонал почти безостановочно.

Именно тогда я встала и сразу же выключила воду.

Его глаза в шоке распахнулись.

Я сладко улыбнулась, провела пальцами по нижней стороне его члена и отстранилась, выходя из душа.

— Все чисто, — объявила я, схватила полотенце и направилась в темную спальню.

Если бы я описала это в кантри песне, он смотрел бы мне вслед, как будто я только что сбежала с его пикапом, собакой и последней бутылкой виски.

Может быть, мне все-таки удастся сделать так, чтобы он хотел меня больше, чем я его.

Впрочем, он ненадолго оставил меня в покое.

Я была примерно в десяти футах от кровати, когда он выскочил и почти схватил меня сзади. Его влажное, мощное тело сильно ударило о мою спину.

Я вскрикнула и рассмеялась, когда он крепко прижал меня к себе.

— Это было не очень приятно, — хрипло прошептал он мне на ухо.

Я подняла голову и повернулась к нему.

Он жадно целовал меня, в то время как его ладони обхватили мою грудь и ласкали её, горячую и влажную в его руках.

На этот раз я прервала поцелуй.

— Как мне заглядывать свою вину? — невинно спросила я, хлопая ресницами.

— У меня есть кое-какие идеи, — прошептал он, затем развернул меня так, чтобы мы смотрели друг другу в глаза. Потом он схватил меня за задницу и снова начал страстно целовать.

Я провела руками по влажной спине и почувствовала, как его пульсирующий член — скользкий от моего рта — прикоснулся к моему животу.

Потом он отстранился и, клянусь, закрутил бы усы, если бы они у него были.

— Я знаю, — прошептал он.

Ох-ох.

— ...чтооо? — настороженно спросила я.

Он ухмыльнулся и толкнул меня на кровать.

— Постель будет мокрой! — запротестовала я.

— Прежде чем я закончу с тобой, здесь будет намного мокрее, — прорычал он.

Ой.

Я ждала и смотрела, как он достал из ванной пару свечей и поставил их на столик у кровати. Затем он подошел к шкафу и вернулся с четырьмя галстуками.

У меня отвисла челюсть.

— Гм...

— Я хочу связать тебя, — прошептал он.

— Ммм...

— Ну же, ты позволяла мне делать с тобой и другие вещи, которые в итоге тебе нравились. — Он помолчал. — Они ведь тебе понравились, правда?

Я покраснела при свете свечей, но не торопилась отвечать.

— ...да.

Это было все, в чем он нуждался. Он завязал один конец галстука вокруг моего левого запястья. Не слишком туго. Ткань была такой мягкой, что он мог бы затянуть ее и потуже.

— Разве этот галстук не очень дорогой? — обеспокоенно спросила я.

— Ну и что? — спросил он, привязывая более тонкий конец к изголовью кровати и вытягивая мою руку под углом.

— Так стоит ли его использовать?

— Этот галстук никогда не был поставлен для лучшей цели, могу гарантировать тебе это, — пробормотал он, двигаясь по мне, останавливаясь, чтобы поцеловать меня (и дать мне почувствовать восхитительное прикосновение его члена к моим бедрам), прежде чем

перейти к другой руке и моим ногам.

Не прошло и минуты, как я уже лежала, распластавшись на кровати, с шелковыми кандалами, крепко стянутыми вокруг моих запястий и лодыжек. Мои ноги были раздвинуты под углом в девяносто градусов, обнажая самые интимные части тела, в то время как Коннор стоял у изножья кровати, пожирая меня глазами.

Я наблюдала, как его массивный стояк, казалось, набухал еще немного, а головка поднималась все выше.

— Очень мило, — прошептал он, окидывая взглядом мои ноги.

Я не совсем понимала, что чувствую по этому поводу.

С одной стороны, «быть связанной» было для меня не так уж важно.

Но чувство полной покорности — да.

Так что, может быть, это что-то для меня значило.

Я почувствовала некоторое смущение, когда его взгляд задержался на нижней части моего тела...

...но не могу отрицать, как сильно мне понравилось выражение его глаз.

Или насколько мокрой оно меня сделало.

И дело было не в душе.

Он опустился на колени и не сводил с меня глаз. Начиная со ступни, он нежно целовал и лизал мою кожу, все еще покрытую бисеринками воды. Его язык и губы медленно двигались от моей икры к колену, к внутренней стороне бедра, к моим широко раздвинутым ногам.

К тому времени, как его рот обхватил мои нижние губы, я уже дрожала.

И я обнаружила еще кое-что: какими бы ни были мои чувства по поводу того, что я связана, сопротивление было замечательным. Я могла напрягаться и бороться с путами — что я и делала — но это только усиливало мое удовольствие. Не знаю почему, но я действительно наслаждалась ощущением борьбы и бессилия...

...когда он медленно взял меня своим языком и ртом.

Его пальцы разглаживали капли воды на моем животе, а язык ласкал, раздвигал, наполнял меня.

Я застонала и напрягла руки, сильно потянув — но ничего не произошло.

Я оказалась в ловушке.

Я не могла сбежать от удовольствия.

Он поднял одну руку к моей груди и, мягко помассировав, поиграл с ней. В то же время он начал обводить мой клитор языком, лаская его, мягко щелкая, прижимаясь к нему твердым, влажным языком, а затем соскальзывая, тем самым оставляя меня жаждать большего.

— О Боже, — простонала я, когда он мягко ущипнул один сосок и взял меня целиком в рот, вдавливая язык глубоко внутрь.

Но не так глубоко, как хотелось бы.

А мне хотелось чего-то гораздо большего.

Я подняла задницу в воздух, сопротивляясь своим узам, напрягаясь от его прикосновений, желая большего, нуждаясь в большем, требуя большего.

Его рот отпустил меня, и он встал на четвереньки, нависая надо мной.

Я могла видеть очертания его члена, твердого и толстого, медленнодвигающегося взад и вперед между его ног. Тонкая струйка его собственной влаги капала с кончика, мерцая

серебром в свете свечей.

Я ерзала на простынях, нетерпеливо ожидая, пытаюсь поторопить его, но не умоляя при этом.

Он неверно истолковал мои намерения.

— О... ты пытаешься убежать от меня? — прорычал он, медленно поднимаясь по кровати.

Похоже, ему это нравилось, что я пытаюсь убежать от него.

Так что я подыграла.

— Ты не получишь меня, — прошептала я.

Он позволил одному пальцу скользнуть вверх по моему бедру и раздвинуть мои губы. Это прикосновение было скользким и сладким на моем клиторе.

Я подавила крик агонии и экстаза.

— Не думаю, что у тебя есть выбор, — прошептал он мрачным и опасным голосом.

— Ты не получишь меня, — повторила я и повернула таз боком — одно бедро торчало в воздухе, а другое прижималось к простыням.

— О да, я могу, — горячо выдохнул он мне в ухо и положил свою сильную руку на мою талию.

Я сопротивлялась все сильнее. Мои руки и ноги напряглись в шелке галстуков.

Это было невероятно эротично.

— Нет, ты не можешь, — прошептала я.

— Могу, — ответил он и прижался ко мне всем телом.

Теперь я чувствовала его между своих бедер — влажная толщина скользила вперед, пытаюсь найти путь, ведущий внутрь меня.

— Нет! — прошептала я.

Он остановился, неподвижный, как камень.

На несколько секунд воцарилась тишина.

— ...гм... просто чтобы быть абсолютно, на 100 % уверенным... — сказал он нерешительно.

Его беспокойство вызвало у меня улыбку. Мне очень хотелось поцеловать его, но вместо этого я заговорила. — Я помню стоп-слово. Учитывая, что это и есть «стоп-слово».

— ...так что... если ты не скажешь стоп-слово...

— «Нет» означает «да», — прошептала я ему на ухо. — Только на сегодня. Только сейчас.

Он мрачно кивнул — а потом его пальцы схватили меня за волосы, и он поцеловал меня горячо и влажно, пожирая мой рот.

И я почувствовала, как что-то горячее и влажное скользнуло между моих бедер.

— Нет, — прошептала я, отводя бедра.

Честно говоря, то, что я делала, казалось мне неправильным. Психологически неудобным, немного позорным. «Нет значит нет» — и точка. Верно? Так что я чувствовала себя некомфортно из-за того, что делала.

Но было очень, очень сексуально.

И я не хотела останавливаться.

Не сейчас.

— Нет, ты не получишь меня...

— Получу, — прошептал он, сильнее прижимаясь ко мне. — Пожалуйста.

— Нет...

— Да, — потребовал он. — Пожалуйста...

Я вырвалась из его объятий, хотя хотела, чтобы он был внутри меня больше, чем когда-либо. — Нет, ты не получишь меня...

— Получу, — сказал он яростно. Он сел прямо, обхватил мои бедра руками, заставляя лечь на кровать. Затем он взял этот большой, великолепный ствол в одну руку и наклонил головку прямо к моим губам и клитору.

Соки заставляли его скользить по мне, давление было таким же влажным и горячим, как его язык, но более твердым и гораздо более мощным. Мягкое и твердое одновременно, толстое, сочное и скользкое, прижимающееся ко мне естество одолело меня толчком наслаждения.

Я резко, прерывисто и быстро вдохнула.

— Да, — прошептал он.

— Нет...

— Пожалуйста, Лили, пожалуйста...

А потом я почувствовала, как он вошел в меня.

О Боже мой, о Боже мой, о Боже мой.

На самом деле это была просто головка — только кончик.

Но, черт возьми, это было потрясающе.

Ощущения были умопомрачительными.

Но я не позволю ему так легко победить.

Я попыталась вытолкнуть его, сжимая внутренние мышцы.

Но восхитительное давление просто продолжало ослабевать все глубже и глубже внутри меня, пока его обхват заполнял меня.

— Да, — прошептал он мне на ухо.

— Да, — со стоном согласилась я.

Я перестала бороться и позволила ему войти в меня глубоко, полностью заполнить меня.

— Лили, — прошипел он мне на ухо, почти полностью вырываясь наружу, а затем снова глубоко входя в меня.

— О Боже, да, о Боже, — закричала я, когда он снова и снова наполнял меня, вращая бедрами так, что его член крутился внутри меня, прижимаясь везде, поглаживая, обладая, трахая, занимаясь со мной любовью.

Я слегка укусила его за плечо, когда волны давления начали накапливаться вне моего контроля.

— Сильнее, — прошипел он. — Укуси меня сильнее.

Я укусила его сильнее. Его кожа была твердой и плотной между моими зубами.

Земля дрожала подо мной, и я больше не могла это контролировать.

— Сильнее, — прошипел он, наполняя меня снова и снова.

Я укусила сильнее и закричала. Его кожа приглушила звук, когда все мое тело содрогнулось от удовольствия, сотрясаясь снова и снова, все больше и больше, с каждым его толчком.

А потом он тоже закричал. Его руки зарылись в мои волосы, потянув, мои зубы все еще кусали его плечо, когда он снова вошел... а потом расслабился, и все его тело содрогнулось. Я чувствовала, как он расширяется внутри меня, снова и снова, толще и больше. Он

вырывался и снова входил, наполняя меня. Его оргазм пришел одновременно с моим, его сокращения совпадали с моими, его тело было едино с моим.

А потом он рухнул на меня. Его тело содрогалось, пока я дрожала под ним, толчки все еще пульсировали во мне несколько секунд, пока постепенно не затихли.

Я поцеловала кожу в том месте, где укусила его, и почувствовала вмятину от моих зубов. — Ты в порядке?

Он поднял голову и посмотрел мне в глаза. У него был мечтательный, рассеянный вид человека, принимающего самые лучшие наркотики.

— Я чувствую себя великолепно, — прошептал он. — Ну, я имею в виду... ты просто великолепна... Черт, ты знаешь, что я имею в виду.

Он поцеловал меня в губы.

Я хихикнула и поцеловала его в ответ.

Отстранившись, он посмотрел на меня. — Ты в порядке?

— Тоже чувствую себя великолепно. Хотя, если хочешь, можешь развязать меня прямо сейчас.

— О, да, — сказал он, протянул руку и стал возиться с узлами на моих запястьях. — Но я имел в виду... то, что мы только что сделали...

Освободив руки, я приподняла голову, положила ладони ему на щеки и нежно поцеловала. — Все отлично. Но это было только сегодня.

— Только на эту ночь, — прошептал он, обещая.

Я кивнула и произнесла ему на ухо: — Пока мы снова не используем стоп-слово. Эта штука ужасно удобная.

Он рассмеялся, и мы продолжили целоваться. Наши тела все еще были сплетены.

После этого я почти ничего не помню.

На самом деле я почти ничего не помню, пока не проснулась на следующее утро.

В комнате было темно, но сквозь занавешенные окна пробивался свет.

Я вспомнила, как Коннор занимался со мной любовью...

...удивительный оргазм, когда я смотрела на звезды...

...и еще более горячий оргазм, делая что-то очень, очень грязное.

Возможно, пришло время для третьего раунда.

Я перевернулась и потянулась к Коннору.

Его там не было.

Его сторона кровати была пуста, — только смятые простыни и откинутое одеяло.

Но там была записка.

«Лили,

Извини, пришлось опрокинуть первое домино.

Джонни со мной, так что ты одна.

Закажи обслуживание в номер — и НЕ ПЛАТИ. Запиши на счет номера.

Позвони мне, как только прочтешь это.

Коннор»

Он приписал номер своего мобильного внизу листа.

Первое домино..?

И тут я вспомнила, что он сказал накануне вечером.

Все части уже на месте. Единственный вопрос — когда опрокинуть первое домино.

Я ухмыльнулась... а потом снова легла в постель. У меня шла кругом голова.

Неужели все, что он рассказал мне прошлой ночью, было правдой?

Солнечная ферма в пустыне Невада?

Разрушение угольной и энергетической промышленности, по крайней мере, в том виде, в каком они существовали сегодня?

Изменить весь мир?

Если кто-то и может это сделать, то только ОН.

Я потянулась за сотовым телефоном, но поняла, что его нет на прикроватном столике.

Мне пришлось искать его в спальне, и в конце концов я отыскала его вместе со шкатулкой «памятных вещей» из моего времени с герром Клаусом.

«Придурак», — подумала я о своем бывшем боссе и подошла к кровати.

Я проверила телефон: 10:27.

Черт, я проспала допоздна...

Я еще раз проверила записку и набрала номер.

Потом я вспомнила кое-что еще из нашего вчерашнего разговора.

Разве он сегодня не встречается с губернатором? Или государственными чиновниками?

Зачем ему отвечать на мой телефонный звонок, если он на встрече с...

— *Алло?* — шепнул голос Коннора мне на ухо.

— Привет, — сказала я, широко улыбаясь.

— *И тебе привет,* — сказал он.

Я слышала усмешку в его голосе.

— Рада, что застала тебя перед встречей.

— Нет, она в самом разгаре.

— О Боже, — выдохнула я. Мое лицо покраснело. — Мне очень жаль, я...

— Почему ты извиняешься? Я же просил тебя позвонить.

— Почему ты взял трубку?!

— Я уделяю время самым важным людям в своей жизни.

Мое сердце пропустило удар.

— Алло? — сказал он, хотя знал, что я слышу.

— Кто это? — прошептала я.

— Это плохая шутка «тук-тук»?

— Нет, с кем ты встречаешься?

— Губернатор.

Мое лицо стало свекольно-красным.

— Я тебе перезвоню.

— Он меня не слышит. Я извинился и отошел к окну.

— Не могу поверить, что ты ответил на телефонный звонок во время встречи с губернатором Невады!

— Он сам виноват. Он заставил меня ждать пять минут, так что я могу заставить ЕГО подождать парочку.

— Ну что ж... Я просто звоню, чтобы сказать «привет».

— Я не закончу до четырех или пяти. Я оставил тебе кредитную карточку и немного наличных на столе у входной двери. Выйди и повеселись, пока меня не будет.

Неприятное чувство скрутилось у меня в животе.

— Я не собираюсь брать твою кредитную карточку и ходить по магазинам.

Он усмехнулся.

— Мне не следовало этого говорить, правда?

— Я рада, что ты это сказал, иначе я бы так и сделала.

— Ну, я приказываю тебе наслаждаться жизнью. Купи хорошенькое маленькое черное платье на вечер — мы пойдем прогуляться.

— Ты мне приказываешь? — спросила я голосом «о нет, ничего подобного».

— Я... прошу.

— Ммм... может быть, — проворчала я.

— По крайней мере, позавтракай хорошенько.

— Ладно. Не хочу отнимать у тебя слишком много времени...

— Лили?

— Да?

— Ты можешь отнимать у меня столько времени, сколько захочешь.

Я улыбнулась.

— Иди и захвати мир, Коннор.

— Да, мэм.

— Поговорим позже.

— Я позвоню тебе, когда закончу.

— Ладно.

— Пока.

— Пока.

Это было странно... Мне пришлось сдержаться, чтобы не сказать «Люблю тебя».

Привычка, в основном. Я говорю это своим родителям, я говорю это Ань...

«Не очень-то хорошо говорить ЕМУ об этом сейчас», — упрекнула я себя.

Затем я поняла, что это был первый раз, когда я говорила с ним по телефону с той ночи, когда мы впервые встретились.

На самом деле, я впервые услышала его голос по телефону. У меня было странное чувство завершенности, когда я разговаривала с ним, после всего, что произошло между нами за последние пару дней.

Потом я решила, что с размышлениями о тайнах вселенной покончено, и пошла в ванную принять душ.

Так начался День Лили.

Он начался с позднего, роскошного завтрака из клубники, манго и персиков, а также небольшой яичницы, бекона и двух мимоз со свежавыжатым апельсиновым соком.

Совершенство.

Мне было немного неловко тратить деньги Коннора, но я решила: «Эй, он же сам СКАЗАЛ», и дала парню из обслуживания номеров тридцать долларов чаевых.

Не то чтобы это были чаевые, достойные Коннора, но я не настолько сумасшедшая.

Красное платье было в песке и пыли со вчерашнего вечера, поэтому я выбрала свою рабочую одежду с понедельника, которую Джонни услужливо спрятал в сумку магазина «Прада». Она была немного пугающей, но я решила, что не буду носить ее слишком долго.

Кредитная карта была Черной картой Американ Экспресс, зарегистрированной не на компанию Extremis.

И это «немного наличных», о которых упоминал Коннор?

Шестьсот долларов.

Почти как моя месячная арендная плата.

Я покачала головой, положила их в сумочку и направилась в вестибюль.

На эти деньги я поймала такси. Заставив раздраженного таксиста дважды проехать вверх и вниз по Стрипу, я решила, что Венецианец мне нравится больше всего, и заплатила ему (с чаевыми тридцать долларов — эй! Я была в ударе) и отправилась по магазинам.

Интерьер торгового района был прекрасен — здания, смоделированные по образцу Венеции, в комплекте с каналами, проходящими между магазинами.

Меня поразил потолок. Небесно-голубой, он был расписан облаками так реалистично, что мне потребовалась секунда, чтобы вспомнить, что я внутри здания, а не на улице. Иллюзию создавали лишь тени в углах потолка.

Я надеялась найти что-нибудь подешевле, чем «Прада» или «Гуччи», — и мне удалось. В магазине Энн Тейлор я нашла маленькое черное платье, которое, как я поняла, Коннор не будет возражать снять с меня. Нет, оно не было таким же шикарным, как «Армани»... Но на тысячу долларов дешевле. По крайней мере.

Я также выбрала новый бюстгальтер и пару трусиков. Выйдя из раздевалки, я расплатилась с кассиром и отправилась пообедать.

По пути я заметила банкомат, приютившийся среди магазинов. Мне все еще было неудобно тратить деньги Коннора, поэтому я решила пополнить их своими собственными.

«Это все еще его деньги», — прошептал в моей голове язвительный голосок.

— Заткнись, — сказала я вслух и смущенно огляделась, надеясь, что меня никто не услышал. К счастью, рядом никого не было. По крайней мере, никто не смотрел на меня, как на сумасшедшую, бормочущую себе под нос.

Я сунула карточку в прорезь банкомата... ввела свой код... сняла четыреста долларов...

...и ахнула, увидев распечатанную квитанцию.

Он уже сказал мне.

Я знала, что это там.

Но одно дело «знать» что-то, и совсем другое — видеть это на самом деле.

Особенно когда «что-то» стоит пятьдесят тысяч.

Мой банковский счет составлял сорок девять тысяч девятьсот двадцать семь долларов и семьдесят три цента.

Учитывая, что я только что сняла четыреста долларов, всего несколько секунд назад там было пятьдесят тысяч триста двадцать семь долларов и семьдесят три цента.

Триста двадцать семь долларов и семьдесят три цента. Это все, что я имела двадцать четыре часа назад. Не хватало даже на оплату аренды — не говоря уже о продуктах, бензине, страховке автомобиля и коммунальных услугах.

А теперь... теперь у меня было больше денег, чем когда-либо в жизни.

На самом деле, больше, чем я когда-либо зарабатывала за всю свою жизнь.

Это сбивало с толку.

Я, спотыкаясь, подошла к скамейке и присела. Моя рука дрожала, пока я смотрела на квитанцию.

Я думаю, что до этого момента эмоциональное воздействие от общения с таким богатым человеком, как Коннор, полностью не осознавалось.

Звучит как будто я — охотница за богачами. Позвольте мне попробовать еще раз.

До этой секунды я жила в сказке. Сказка для взрослых с некоторыми горячими и грустными моментами, но это было похоже на историю, в которой я была приглашена на главную роль. Это было как-то... не похоже на реальность. Как будто я могла проснуться в любую секунду и обнаружить, что все это было чудесным сном, а теперь наступило утро понедельника, и настало время вернуться к мелочным мукам работы на герра Клауса.

Настройтесь на этой неделе на Остров фантазий с Лили Росс в главной роли!

Но в моей жизни была одна вещь, которая была более Реальной, чем что — либо другое — и это были Деньги.

Заметьте, я не сказала «Важной». Я сказала «Реальной».

Вроде тех вещей, которые бьют тебя по голове и напоминают, что ты живешь не в фильме «Холлмарк».

Аренда. Счета. Быть в состоянии съесть что-то другое, кроме топового Рамена.

Для реальной жизни нужны деньги, а их всегда не хватало.

Не то чтобы я хотела кучу денег. Я имею в виду, если ты хочешь дать мне выигрышный лотерейный билет? Конечно, я возьму его. Но я никогда не гналась за деньгами, как это делают честолюбивые люди. Были и другие, более важные для меня, вещи. Истина, красота, любовь, дружба, чувство великой цели...

Это звучит как надпись на слащавой поздравительной открытке.

Но если бы меня интересовали деньги, я была бы полностью поглощена первоначальным предложением Коннора в двадцать тысяч долларов.

Я не согласилась, потому что была влюблена в Коннора. И то, что он предлагает заплатить за мое время... Делало мои чувства дешевыми. Безвкусными. Заставляло меня саму почувствовать себя безвкусной.

Но реальная жизнь с деньгами была такова: я боролась за них всю свою взрослую жизнь (то небольшое, что я прожила до сих пор). Чтобы сделать то, что я хотела, денег всегда не хватало. Едва хватало, чтобы наскрести на необходимые нужды. Делать дерьмовую работу и работать на людей, которых я ненавидела, просто чтобы выжить.

Ха-ха — добро пожаловать в человеческую расу, верно?

Да, знаю, знаю — Вступай в клуб, Лили.

На прошлой неделе я слышала по радио забавную шутку, которая звучала примерно так:

вы говорите, что хотите создать группу поддержки для людей, которые ненавидят свою работу? Есть одна! Называется «Все», и собрания проходят в барах!

Но четыре дня назад я встретила парня, для которого деньги были как водопроводная вода: что-то, что ты только что включила. Это принималось как должное. Это всегда было рядом, сколько бы он ни хотел.

И он дал мне то, что для него было не больше, чем стакан воды.

Но для меня это изменило все.

И доказательство тому было на маленькой бумажке в моей руке.

Я немного поплакала, глядя на него. У меня было такое чувство, будто я держу в руке лотерейный билет, чтобы больше не перебиваться с копейки на копейку. Больше Никаких Тревог. И билет оказался выигрышным.

Я знаю, что это звучит глупо — в конце концов, этого не хватило бы, чтобы жить без забот всю жизнь.

Но именно так я себя чувствовала. Подарок Коннора дал мне год, может быть, два, если я буду осторожна.

И это может звучать так, будто все, что меня волнует, — это деньги. Поверьте, мне, ничто не могло быть дальше от истины.

Главное, с моих плеч свалился огромный груз.

Я была благодарна Коннору за многое — за страстные ночи, за чувства, которые он вызывал во мне, за любовь, которую он дарил, за то, как он прикасался ко мне, за зрелища и переживания, которых у меня никогда бы не было, если бы не он.

За то, что заставил меня влюбиться.

И за надежду, что, может быть, он тоже влюбится в меня.

Но в тот момент я была благодарна ему за то, что он дал мне что-то еще:

Время.

Свободу.

Шанс не волноваться.

И мне не пришлось продавать свою душу — или свои чувства — чтобы сделать это.

Так что я сидела и плакала, чувствуя, что мой мир внезапно изменился.

Но на этот раз это был не сон.

Это была реальность, и клочок бумаги в моей руке доказывал это.

Ладно, время хандрить закончилось.

После того, как я немного выпала из реальности из-за чека в банкомате, я решила, что собираюсь отпраздновать.

Не праздновать, как это делал Коннор, с шестнадцатью блюдами и обслуживанием номеров.

Только обед. Хороший обед и бокал вина. Я разумная девушка (обычно), и размышления о годе финансовой свободы заставили меня захотеть сохранить деньги.

Ммм... может быть, два бокала вина.

Я нашла симпатичный маленький ресторанчик у сумасшедшего крытого канала, который проходил через торговый район Венецианца. Было уже достаточно поздно после обеденного перерыва, поэтому меня посадили у кованых перил, чтобы я могла наблюдать за проплывающими мимо гондолами. Ребята в бело-черных полосатых рубашках с красными шарфиками толкали лодки шестами. Тем временем люди в гондолах снимали все происходящее на свои айфоны. Или целовались. Или снимали на айфоны свои поцелуи.

Это выглядело забавно. Мне было интересно, сделает ли Коннор что-нибудь настолько в стиле Вегаса.

Скорее всего, нет. Он бы сказал: «Давай просто полетим в Венецию и сделаем это по-настоящему».

Это было бы здорово, но не совсем то, что мне нужно. Чего мне действительно хотелось, так это увидеть, как он морщится. Я решила, что могу поднять этот вопрос, а потом, когда он откажется, высмеять его за снобизм.

Но был шанс, что он скажет «да». И это сделало бы жизнь Джонни очень трудной. Бедняга, наверное, все время будет выпрыгивать из кожи вон... если Коннор вообще пустит его на яхту.

С другой стороны, у нас был целый «Нормальный день», и он катался на чертовом колесе на пирсе Санта-Моники, так что, возможно, он действительно согласится на...

— Привет, — сказал кто-то слева.

Женский голос — низкий и хриплый, как у Лорен Бэколл, когда ей было двадцать и она снималась в черно-белых фильмах.

Я обернулась, ожидая увидеть официантку.

Она не была официанткой.

Однако незнакомка была одной из самых красивых женщин, которых я когда-либо видела. Лицом к лицу, или даже в кино, или на страницах журнала. У нее была фарфоровая кожа, скулы, как у манекенщицы, глаза цвета изумрудов, идеально вылепленные нос и губы. Ее золотистые светлые волосы были собраны в подобие прически или шиньона, который подчеркивал ее длинную, изящную шею. Каждая прядь была безукоризненно уложена.

На ней был очень хороший деловой костюм — белая шелковая блузка, серая юбка-карандаш, дорогой сшитый на заказ жакет. Все было либо достаточно плотно, либо достаточно высоко, либо достаточно низко, чтобы показать потрясающую фигуру, длинные ноги и крошечную талию.

Ее макияж был неброским, она не носила много украшений. Крошечные бриллиантовые серьги, дополненные маленьким бриллиантовым кулоном на тонком золотом колье. Пара

колец с бриллиантами и рубинами — правда, ни одного на безымянном пальце левой руки.

Ей, вероятно, было около двадцати, хотя я только предполагала, потому что она была очень высокой. По сравнению со мной, во всяком случае. На ее лице не было ни единой морщинки — ни морщинки от смеха, ни морщинки от улыбки... просто гладкая, идеальная кожа.

Она была красива элегантным, чопорным, правильным образом, со стилем, вкусом и изяществом в придачу.

Короче говоря, она выглядела как Золушка, которая ушла и получила работу топ-менеджера из списка пятисот наиболее крупных мировых компаний.

А потом побывала на каком-то съезде в Вегасе.

На секунду я возненавидела ее за то, что она такая красивая, но потом отругала себя.

— Привет, — ответила я.

— Прости, что беспокою... но не могла бы ты сказать мне, где купила это платье? — спросила она.

Грейс Келли с голосом Лорен Бэколл. Черт.

Я никак не могла понять, почему она спрашивает о моем платье. Это, вероятно, стоило по крайней мере на тысячу меньше, чем ее костюм, и, хотя мне нравилось то, что я носила, ее одежда была чертовски первоклассной.

— Энн Тейлор, — ответила я.

— Оно такое милое. У тебя хороший вкус.

О... хорошо...

Моя ненависть упала на несколько ступеней, а коэффициент дружелюбия вырос. Вино и лесть — величайшие социальные смазки в мире.

— Спасибо, но то, что надето на тебе, очень красиво.

Она махнула рукой в воздухе, словно отмахиваясь от комплимента, и выражение ее лица говорило: «О, ТЫ же знаешь, как это бывает».

— Надо принарядиться для дела. — Потом она посмотрела мне прямо в глаза и сказала: — Но твой парень-счастливчик.

Моей первой реакцией было сказать: «О, на самом деле он не мой парень».

Моей второй реакцией было подумать: «Это отстой, что он не мой парень».

И моя третья реакция — которая, вероятно, была бы моей первой, если бы не вино: «Вау, это странный разговор».

Сначала приходит Золушка и делает мне комплименты... а теперь говорит о моем «парне»...

Она просто хочет узнать, есть ли у меня парень?

Зачем ей это?

Срань господня, неужели Грейс Келли/Лорен Бэколл ПРИСТАЕТ ко мне?!

— Гм... ну... мы — он и я — только начали встречаться...

— Но вы здесь вместе?

Я слегка нахмурилась, хотя и продолжала улыбаться. Болтливая Кэти серьезно меня пугала.

Она все еще пристает ко мне? Какого черта?

Она улыбнулась, не получив ответа, как будто желая успокоить меня.

— Лучшая часть отношений... когда все романтично.

— Да... это здорово...

Я, наверное, выглядела как девушка из фильма ужасов, когда она понимает, что у владельца жуткой старой гостиницы не все в порядке с головой.

— Почему его здесь нет? — спросила она.

— Гм... он работает..? *Разве это не твое дело?*

— А. Обязательно надень для него это платье — ему понравится.

— Я... ух... да, я планирую это.

— Ну что ж, я отняла у тебя достаточно времени. Хорошего дня — и спасибо за информацию. — Она улыбнулась. — Насчет платья.

— Всегда пожалуйста.

Она взмахнула пальцами, как бы говоря: «Спасибо», и легко ускользнула на своих четырехдюймовых, супер-симпатичных туфлях.

Вау. ЭТО было странно.

Не каждый день приходит Кейт Аптон и говорит, что у тебя хорошее тело. Или Миранда Керр говорит, что ты симпатичная.

И, возможно, пытается залезть к тебе в штаны.

Лестно, наверное... Но атмосфера была странная. Как-то неуместно и немного жутковато.

Но мой второй бокал Рислинга несколько минут спустя приятно оживил воспоминание.

А потом я совсем забыла о произошедшем.

Покончив с обедом, я заскочила в казино. Если вы едете в Вегас и не играете в азартные игры, какой в этом смысл?

(Я имею в виду, помимо секса, шикарных ужинов и сюрреалистических поездок в пустыню.)

Я поставила на несколько раздач блэкджека, а потом, когда проигрывала слишком много, переключилась на игровые автоматы. Это оказалось плохой идеей, так как я не понимала большинство из них. Есть, конечно, старые, где вы пытаетесь выстроить «Бары», «Счастливые семерки», и фрукты, но я говорю о кричащих новых, со странными египетскими символами или подводными темами, где вы можете выстроить выигрышную комбинацию в зигзагообразную линию. Чтобы понять, что происходит с некоторыми из них, нужно обладать интеллектом гения. Я смотрела на них в течение нескольких минут, пытаюсь расшифровать, что я должна сделать, и просто закончила тем, что почувствовала себя ребенком без Аддерола (*стимулятор с анфитамином), потому что мои глаза метались от одного мигающего света к другому. Так что я вернулась к одному из старых автоматов и потеряла двадцать долларов примерно за пять минут.

Сто долларов были моим пределом. Восемьдесят на блэкджек, двадцать на игровые автоматы. Лимит исчерпан, пора уходить. Даже с пятидесятью тысячами на банковском счете потеря ста долларов была болезненной.

Я выходила из казино и обдумывала свой следующий шаг, когда мне позвонил Коннор. Я проверила время на своем сотовом: чуть больше трех.

— Привет.

— Где ты? — спросил он, стараясь, чтобы его голос звучал как можно более расслабленно. Это было первое на моей памяти, с чем он просто не мог справиться.

Глупо и очаровательно.

— Где ты? Ты что, тусуешься с Маклемором?

— Я даже не знаю, кто это.

— Тогда с Эминемом.

— Ладно, его я знаю. Разве не так говорят дети в наши дни, когда они устраивают секс по вызову?

Я буквально замерла в вестибюле «Венецианца», покраснела и, прикрыв лицо рукой, прошептала в трубку:

— О БОЖЕ, скажи мне, что ты уже не на встрече с губернатором Невады...

— Нет, нет. Просто с сенатором штата.

— Коннор...

— Он не возражает — он прямо сейчас показывает мне большой палец...

— КОННОР!

Он рассмеялся.

— Я шучу. Я только что закончил все дела на сегодня.

Наконец я снова вдохнула.

— Слава Богу.

— Я и не знал, что ты такая ханжа, Лили.

— О том, что ты говоришь о попойках перед выборными чиновниками?

— Нет, про секс по вызову.

— Я НЕ ханжа.

На самом деле, да. Во-первых, я не уверена, что бойфренд, звонящий тебе, чтобы заняться сексом, технически является вызовом. И если бы кто-нибудь из моих бывших попробовал это сделать, пока мы были вместе, я бы, вероятно, просто повесила трубку.

— Так вот что это такое? — продолжила я. — Секс по вызову?

— Черт возьми, да.

— Ух ты, кто-то горячий и озабоченный.

— Случается, когда мое мировое господство идет по плану.

— Встречи прошли так хорошо?

— Ты даже не представляешь.

— Если ты становишься горячим, когда все идет по-твоему, то, думаю, у меня есть идея.

— Где ты?

— Собираюсь покинуть «Венецианку».

— Подожди у входа, я за тобой заеду.

— Где именно?

— Не знаю... Выйди и опиши, где ты. Что на тебе надето?

— Это для опознания, или ты уже начинаешь заниматься сексом по телефону?

— Ну, это было для опознания, но мне нравится ход твоих мыслей.

Я рассмеялась.

— Ого, если ты не получишь свою утреннюю дозу, ты просто превратишься в маленького рогатого пса?

— Да. Как в том фильме «ГРЕМЛИНЫ»... вроде того.

— Обожаю этот фильм!

— Я так и думал. Ты уже на улице?

— Да... там есть что-то вроде моста, который соединяет Венецианку с Островом Сокровищ.

Я знала, что это Остров сокровищ, только из-за яркой зелено-красно-синей вывески перед казино. И еще из-за надписи: «Остров сокровищ» на крыше двадцатиэтажного отеля. Я такой гений.

— Прямо у этого моста есть пролом в перилах, куда могут подъехать машины. Ты можешь забрать меня оттуда?

— Без проблем. Но ты так и не сказала, что на тебе надето.

— Маленькое черное платье.

— А. Его легко задрать?

— А разве не все платья легко задрать?

— Некоторые сложнее, чем другие. Что у тебя под ним?

Я слегка хихикнула, направляясь к месту встречи.

— Ты серьезно?

— Я совершенно серьезен.

— Что на тебя нашло?

— Вопрос в том, как скоро я войду в тебя?

— О Боже, это звучит как один из самых дрянных способов пикапа.

— У меня есть кое-что получше. Хочешь послушать?

— Конечно.

— Это платье тебе очень подходит. И если бы я был этим платьем, я бы тоже подошел. Я даже расхохоталась посреди тротуара.

— О БОЖЕ.

— А? А?

— Не знаю, сможешь ли ты подождать до номера в отеле.

— О-о-о, мне ТАК нравится ход твоих мыслей.

— Это было наблюдение, а не приглашение!

— Слишком поздно. Я хочу, чтобы все было по-моему. Немедленно.

Должна признаться, к этому времени я уже начала заводиться.

— Знаешь, Лили, сколько я сегодня думал о том, чтобы трахнуть тебя?

О боже мой.

— Я сидел на всех этих скучных собраниях, и все, о чем я мог думать, это заставить тебя кончить.

Я перестала дышать.

— Я так сильно хочу тебя, Лили, ты даже не представляешь. Просто думаю о том, что я хочу сделать с тобой... как сильно я хочу услышать твой стон...

— Ты совсем не думал обо мне, — сказала я, пытаясь быть игривой, или труднодоступной, или что-то в этом роде, но у меня не получилось. Мой голос немного дрогнул, и я просто хотела услышать, как он скажет больше.

— О да, я думал. Я думал снять с тебя всю одежду... опустить тебя на кровать... облизать тебя вверх и вниз, как рожок мороженого... раздвигая твои ноги... ты берешь мой член... и медленно обхватываешь его своей великолепной маленькой киской.

Я стояла на углу улицы с открытым ртом, выпученными глазами и прижатым к уху телефоном.

Обычно мне не нравится слово на букву «к».

Сейчас оно мне нравилось гораздо больше.

— *Лили?* — *промурлыкал он мне в ухо.*

— ...да? — прошептала я.

— Единственное время, когда я действительно чувствую себя живым, это когда я внутри тебя.

От этих слов у меня перехватило дыхание.

Кажется, я чуть-чуть всхлипнула.

— *Лили...* — *соблазнительно прошептал он мне на ухо.*

— ...д-да?

— Ты стала влажной?

— Господи, Коннор! — прошептала я, покраснев, как пожарная машина. Я обернулась, уверенная, что мимо проходит взвод монахинь и каким-то образом слышит каждое слово своим усиленным святостью слухом.

— Да или нет, Лили? Ты мокрая?

Я была мокрый.

Я тяжело дышала в трубку, оглядываясь вокруг, боясь, что люди могут каким-то образом прочитать мои мысли.

— ...да.

— Знаешь, Лили, каким твердым ты меня делаешь?

Я могла себе это представить: тепло, исходящее от его члена, когда он двигался вверх по

моей ноге, мягко касаясь внутренней стороны бедра...

— *Лили?* — сказал он, вырывая меня из моих грез.

— ...да?

— Я хочу, чтобы ты кое-что для меня сделала.

— ...что?

— Я хочу, чтобы ты сложила свои пальцы, как будто держишь мой член.

Мое сердце пропустило удар.

Я снова огляделась. Я была уверена, что мои щеки могут вспыхнуть в любую секунду.

— Коннор, я не могу этого сделать!

— Ты не должна никому показывать. Я просто хочу, чтобы ты сложила пальцы вместе, как будто держишь мой член.

— Я не собираюсь делать тебе невидимую дробку на бульваре Лас-Вегаса среди бела дня!

Он рассмеялся.

— Значит, ты сделаешь это посреди ночи? Или на другой улице?

— Что?! Нет!

— Технически это «воображаемое», а не «невидимое».

Я поморщилась, раздраженная тем, что он был прав.

— И я просто хочу, чтобы ты держала его.

Я украдкой огляделась.

— Неужели это не может подождать, пока мы не вернемся в отель?

— Нет, не может. Сделай это для меня, Лили. Сложи пальцы вместе, как будто ты обхватываешь меня.

— Джонни что-нибудь слышит?! — в отчаянии прошептала я.

— Нет. Сделай это для меня, Лили. Я хочу, чтобы ты сложила пальцы вместе, как будто держишь меня в своей руке.

— Здесь, на улице?!

— Там, на улице. Никто не узнает, что ты делаешь. Они подумают, что ты стоишь там, касаясь большим пальцем других пальцев, вот и все.

— ...могу я спрятать руку, пока буду это делать?

— Ну конечно.

Зажав руку под мышкой другой руки, держащей телефон, я согнула пальцы в букву «С» и прикоснулась кончиком большого пальца к кончику среднего.

— Ты это делаешь?

— Да.

— А теперь я хочу, чтобы ты закрыла глаза.

— Ты серьезно?!

— Да.

Я оставила глаза открытыми.

— Ладно, они закрыты.

— Не правда. Из тебя ужасная лгунья. Закрой их.

Я нервно всхлипнула и закрыла глаза.

— Твоя рука обхватила мой член?

Я с трудом сглотнула. Я представила, как моя кожа соприкасается с его, как пульсирует его сердце под моими пальцами, его массивный член в моей хватке.

— ...да...

— Ты чувствуешь, каким твердым ты меня сделала?

— ...да...

— Ты чувствуешь, мою горячую кожу под твоей рукой?

Боже, помоги мне, но на самом деле я стояла на улице в Вегасе с закрытыми глазами, фантазируя о том, как держу его член в руке. Шум уличного движения, жара, болтовня туристов вокруг меня — все это исчезло, пока я стояла там.

— ...да, — прошептала я.

— Держи глаза закрытыми, пока я расскажу тебе следующую часть.

— ...хорошо...

— Я хочу, чтобы ты двигала рукой вверх и вниз. Не много — не достаточно, чтобы кто-нибудь понял, что ты делаешь. Только мы знаем, что ты гладишь мой член. Просто... медленно. Совсем чуть-чуть. Дюйм или два... медленно... вверх и вниз... медленно... ты сделаешь это для меня?

Мое сердце стучало в груди, как отбойный молоток, но... он был так убедителен...

— ...д-да...

Прикрывшись рукой, я медленно двигала ладонью вверх и вниз, не больше чем на дюйм. Если бы только люди, проходящие мимо, знали, о чем я думаю.

— Ты чувствуешь меня в своей руке?

— ...да... — пробормотала я.

— Ты чувствуешь, как ты меня возбуждаешь?

— ...да...

— Ты чувствуешь, каким твердым ты меня сделала?

— ...да...

— Ты знаешь, как мне нравится, когда твоя рука на моем члене?

— ...почти так же сильно, как я люблю, когда твой член внутри меня, — прошептала я, а затем мои глаза распахнулись.

Святое дерьмо, я не могу поверить, что только что сказала это ВСЛУХ.

Очевидно, Коннор тоже был удивлен.

— *Черт ВОЗЬМИ, Лили, ты почти заставила меня кончить, — прошептал он, задыхаясь.*

Я огляделась. Никто не смотрел на меня, все шли мимо, совершенно не обращая на меня внимания. Если бы вы увидели меня на улице со стороны, то я, вероятно, выглядела как переутомленная цыпочка, пытающаяся успокоиться, закрыв глаза, и слегка потирая руку, пытаюсь найти свое «Счастливое место». И я нашла его. Я не могу представить себе места лучше, чем, когда я стою на коленях перед Коннором, моя рука обхватывает его мужское достоинство, заставляя его стонать от удовольствия.

Если только, когда он был внутри меня.

— У тебя глаза закрыты?

— Нет, но сейчас я их закрою, — сказала я, мои щеки пылали.

Счастливое место, счастливое место, счастливое место...

Он снова прошептал мне на ухо:

— Погладь меня, Лили... Ты гладишь мой член?

— ...да...

— Ты сделаешь это для меня, когда сядешь в машину, Лили? Ты собираешься

использовать свою руку и свой великолепный маленький ротик, чтобы показать, как ты меня возбуждаешь?

— ...да...

— Ты собираешься оседлать меня и позволить мне наполнить тебя, заставляя кончать снова и снова?

— ...о да... да...

— Хорошо. А теперь открой глаза и садись в машину.

Мои веки распахнулись.

Рядом со мной остановился Ламборгини.

Когда я открыла пассажирскую дверь и проскользнула внутрь, мое лицо было примерно того же цвета, что и бордовая краска автомобиля.

Коннор посмотрел на меня так, словно у него был самый скучный день в жизни.

— Привет. Ты с кем-то разговариваешь по телефону?

Я ударила его по руке раз пятнадцать, когда он рассмеялся и встроился в уличное движение.

27

— Ты думаешь, что ты тааакой смешной, — проворчала я, пристегивая ремень.

— Я знаю, что я смешной, — усмехнулся он, затем посмотрел на меня. — Но я хотел бы продолжить с того места, где закончился тот телефонный разговор.

— О-о-о, нет. А где Джонни?!

— Я опять бросил его.

— Почему?!

— Я же сказал. Секс по вызову.

— Ты не получишь ничего после своего плохого поведения.

— Думаю, тебе нравится мое плохое поведение.

— Нет.

— Да.

Он скользнул рукой по моему обнаженному бедру и нежно погладил его.

— Думаю, что да.

— Нет.

Да, да, да.

— По-моему, ты лжешь. — Его пальцы обвилились вокруг моей ноги. Кончик пальца медленно погладил внутреннюю сторону моего бедра, легко и мягко, как перышко.

— Нет.

Да я продолжаю делать это, продолжаю делать это...

Кончик его пальца медленно-медленно пробирался между моих ног... коснулся моих промокших трусиков... и начал гладить мой клитор через мокрую ткань. Мягко... просто делая легкие круги...

Он не отрывал глаз от дороги.

Я застонала и вцепилась в ручку двери, как на американских горках.

— Ты плохая девочка, Лили, — сказал он своим глубоким голосом, мягким, как бархат.

— Нет, — прошептала я.

Да я — плохая, очень плохая.

Его палец оттянул край моего нижнего белья в сторону, и кончик коснулся моих влажных губ.

И начал меня гладить... медленно... вверх... и вниз.

Я всхлипнула и стиснула зубы, пока машины и здания мелькали снаружи.

— Да, ты плохая, — сказал он мягко, но настойчиво, когда его пальцы вернулись к моему клитору и начали обводить его. — Ты думала о том, чтобы погладить мой член там, на углу улицы, на глазах у всех.

— ...ты... ты заставил меня... — прошептала я, задыхаясь.

— Нет... тебе не нужно было делать то, что я сказал. Я думаю, ты сделала это, потому что ты плохая, плохая девочка... и тебе это понравилось.

— ...нет... — прошептала я едва слышно.

Он перестал кружить и медленно, очень мягко поглаживал мой клитор снова и снова в одном и том же направлении. То же самое легкое давление, снова и снова, заставляя мои внутренности чувствовать себя жидкими как огонь.

— Тебе нравилось думать о моем члене? — прошептал он, поглаживая меня... нежно... влажно...

— ...да...

Я уперлась одной рукой в крышу машины, а другой вцепилась в кожаный подголовник сиденья. Мой рот приоткрылся, дыхание было неровным. Мои бедра напряглись от нарастающего удовольствия.

Он по-прежнему не отрывал взгляда от дороги, перестраивая машину с полосы на полосу, объезжая пробки.

Но он продолжал говорить и его голос гипнотизировал.

— Тебе нравилось думать о том, чтобы погладить мой член?

— ...да... — заскулила я, чуть-чуть покачивая тазом, пытаюсь получить хоть малейшее давление его кожи на мою.

— Тебе нравилось думать о том, как сильно ты меня возбуждаешь?

— Да, о Боже, да...

Ощущения нарастали во мне. Теснота, жара, напряжение...

— Тебе нравилось думать о том, как тверд мой член в твоей руке?

— Да...

— Тебе нравилось думать о том, чтобы обхватить своим великолепным ртом мой член?

— Да...

— Тебе нравилось думать о моем члене в твоей красивой мокрой киске?

— ДА, — выдохнула я, мое тело изогнулось на сиденье, а он все продолжал гладить меня.

О Боже, я была так близко...

— Ты плохая девочка, Лили?

Я чуть не сказала «нет».

Но вместо этого я прошептала:

— Да.

С тобой, да, только с тобой, да...

Я не могла этого вынести — и все же его палец просто ласкал меня, гладил, заставлял чувствовать, что я вот-вот взорвусь.

— ...Лили?

— Что? — простонала я.

— ...ты кончишь для меня?

В этот момент он усилил давление своего пальца на мой клитор, совсем чуть-чуть.

И я взорвалась.

— Чееерт, — закричала я, держась за подголовник, как будто меня уносило прочь, хлопая одной рукой по внутренней стороне двери, пытаюсь сдержать себя, когда волна за волной удовольствие прокатывалось по моему телу, сотрясая меня с головы до ног.

Давление кончика его пальца ослабло, и он просто вернулся к поглаживанию моих губ, медленно, чувственно.

Тем временем я превратилась в желе на пассажирском сиденье.

— ...о боже мой, о боже мой, о боже мой... — прошептала я, когда мои руки и ноги задрожали.

Он медленно убрал пальцы... позволяя им мягко касаться внутренней стороны моих бедер... а потом, с дьявольской улыбкой, засунул указательный палец в рот и слизнул мой вкус со своей кожи.

Он приподнял одну бровь, как бы говоря «хорошо», а затем посмотрел на меня со злой усмешкой.

— Итак... хорошо проводишь день?

— До сих пор я так и думала, — сказала я дрожащим голосом. — А теперь мой день просто восхитительный.

Он рассмеялся, а затем улыбнулся.

— Итак... что ты собираешься сделать для меня? — Соблазнительная улыбка медленно озарила мое лицо, и я посмотрела вниз на его штаны.

Под тканью виднелась большая выпуклость, как бы расположенная под углом. Ему, бедному мальчику, было невероятно неудобно.

Пора сделать это ЕЩЕ БОЛЕЕ неудобным.

Я отстегнула ремень безопасности (что немного напугало меня, но... Ну что ж. Жить на всю катушку и все такое) и придвинулась к нему чуть ближе — настолько близко, насколько это было возможно с центральной консолью автомобиля на пути.

Я положила руку ему на колени, а пальцы на верхнюю часть бедра. Затем кончиком одного ногтя я медленно провела по этой массивной выпуклости его штанов, создавая легкое трение о ткань.

Он перестал улыбаться, и на его лице появилось выражение сильного напряжения, но все же он продолжил смотреть прямо перед собой, на дорогу.

— По телефону ты сказал, что хочешь, чтобы я держала твой член... верно? — прошептала я.

Он не ответил.

— Правда ведь? — спросила я громче.

— ...да, — сказал он.

Теперь мы поменялись ролями.

Я усмехнулась.

И начала поглаживать кончиками пальцев очертания выпуклости, медленно, от основания до головки, затем обратно вниз.

— Ты сказал, что хочешь, чтобы я погладила твой член... Верно? — промурлыкала я.

— ...да, — прошептал он.

Мои пальцы нащупали молнию на его ширинке, и я медленно потянула ее вниз.

Но больше я ничего не делала.

— Ты сказал, что хочешь, чтобы я использовала свой великолепный маленький ротик на твоём большом, толстом члене, верно?

Его лицо выглядело так, словно он испытывал сильную боль. Он смотрел прямо перед собой на дорогу, как будто не мог позволить ничего другого, чтобы не заблудиться.

— ...да, — прошептал он.

Я запустила пальцы в ширинку его брюк и медленно ощупала, пока не нашла край его боксеров.

Затем я просунула пальцы внутрь, пока не коснулась горячей, обжигающей кожи.

— Ох, — простонал он и вцепился в руль так, что побелели костяшки пальцев.

— Для парня, который не хочет, чтобы его фотографировали на крыше тридцатиэтажного здания, ты слишком много говоришь, — поддразнила я.

— Неправда. Прошлой ночью...

— Ах да, совсем забыла... ты занимаешься сексом на открытом воздухе, если это за тысячу миль отсюда, в пустыне и посреди ночи.

— Тебе не понравилось?

— О, мне очень понравилось. Но что-то мне подсказывает, что ты совсем не любишь рисковать, когда дело доходит до того, чтобы быть пойманным.

— Да неужели? — Он ухмыльнулся, а затем ухмылка сменилась открытым ртом и лихорадочным хмурым взглядом, когда я снова погладила его член. Всего несколько дюймов, вверх и вниз — я не могла дотянуться дальше из-за давления его штанов на мои пальцы.

— Пожалуйста, — сказал он настойчиво.

— Что «Пожалуйста»? — поддразнила я.

— Сделай это.

— Что сделать? — спросила я, как будто была ооочень невинна и совершенно не понимала, о чем он говорит. При этом я перестала гладить его.

— Продолжай, — выдавил он.

— Ты имеешь в виду это? — спросила я и медленно погладила его снова.

— Еще, — прошептал он.

— Даже несмотря на то, что мы едем в машине посреди белого дня, и нас все видят?

Он помолчал, словно обдумывая услышанное.

Я вдруг почувствовала тревогу, как будто только что испортила момент.

«Не останавливайся, — мысленно взмолилась я. — Не останавливайся...»

— Да, — прошептал он. — Продолжай.

Я решила, что больше не буду испытывать судьбу, поэтому просто заткнулась и позволила пальцам говорить за меня.

Я оторвала руку от его ширинки, ухватила за ремень и расстегнула его. Затем я расстегнула верхнюю пуговицу его брюк. Это заняло некоторое время — я не самая ловкая или опытная девушка в подобных ситуациях, — но думаю, что справилась относительно хорошо.

Его брюки почти распахнулись от напряженного давления внутри.

Теперь у меня было больше места для игр.

Я снова запустила пальцы в его боксеры и ласкала весь его твердый, как камень, ствол до самой набухшей головки.

Черт, не только я была мокрой.

Его сок намочил верх боксеров, настолько сильно он был возбужден.

— Это из-за меня? — прошептала я, скользя пальцами по его гладкой, влажной коже.

— Да, — кивнул он, не отрывая глаз от дороги.

— Тебе нравится думать о моей?..

Я не хотела этого говорить — это было слишком...

«Ты теперь плохая девочка, или забыла?» — радостно произнес тоненький голосок у меня в голове.

«Тогда, наверное, мне лучше говорить подобающим образом», — ответила я.

— ...моей маленькой мокрой киске? — прошептала я ему на ухо.

Он застонал.

Мои пальцы теперь были влажными, и я позволила им скользить по нижней стороне его члена. Ощущение моей гладкой и скользкой кожи поверх его было потрясающим.

— Тебе нравится думать о том, чтобы засунуть этот большой... толстый... потрясающий член... в меня? — Я мурлыкала, медленно поглаживая его вверх и вниз.

Он вцепился в руль дрожащими руками.

— Да, — сказал он свирепо.

Я позволила своим пальцам скользнуть обратно к верхушке его члена и потеряла большим пальцем головку, скользя по набухшей коже его собственной спермой, массируя, обволакивая, дразня его, доставляя удовольствие... невероятно медленно.

Я чувствовала, как его мужское достоинство напрягается, сильнее, чем когда-либо прежде.

— Тебе нравится думать о том, чтобы заставить меня кончить с твоим длинным... толстым членом? — прошептала я.

Его глаза на мгновение закатились, и он заставил себя снова сосредоточиться на дороге.

— Да, — выдохнул он.

Я наклонилась и другой рукой поправила его боксеры так, чтобы его член наконец освободился.

Боже, это было великолепно.

Удерживаемый на месте тканью, он стоял прямо, — прекрасное скульптурное произведение искусства — совершенно розовое, очень длинное, до слез толстое. Его яйца все еще оставались в боксерах, так что не было ничего, кроме длинной, шелковистой гладкой колонны чистого секса.

Я снова погладила его, медленно вверх и вниз. Его член резко сжался, всего один раз, и крошечная капелька прозрачной росы показалась на кончике его распухшей головки.

Я подумала о том, чтобы использовать ее для скольжения, но нет, вместо этого я хотела попробовать ее на вкус.

Я склонилась над средней консолью, что было невероятно неудобно.

Но награда того стоила.

После недолгих переговоров мой рот оказался прямо над его распухшей головкой.

Я обвела языком мягкую, горячую кожу... а потом медленно взяла в рот его соленую, влажную и скользкую головку.

Боже, как я любила чувствовать его во рту. Только мягкость и тепло его кожи на моей... влажное, чувственное ощущение моих губ, окружающих его...

И мне нравилось слушать его стоны. Теперь он стонал, как отчаявшийся человек, пойманный между удовольствием и жгучей потребностью большего.

Я снова начала заводиться.

Я медленно опустилась на него, позволяя губам скользить по его влажной коже, забирая его так далеко в рот, как только осмеливалась. Я нагнулась под странным углом. Это было неудобно, а он был невероятно большим... так что я могла сделать только это. Этого, по-видимому, было достаточно.

Он хмыкнул, пока я медленно двигалась вверх и вниз, дразня его языком. Я вынула его изо рта, затем провела влажными губами вниз по нижней стороне его члена, особенно заботясь о гребне кожи прямо под головкой.

— Господи, — простонал он.

Я положила голову ему на колени так, что мое правое ухо оказалось между его ног, и провела языком вниз по основанию его члена, исследуя, как глубоко я могу лизнуть.

И тут я почувствовала, что машина меняет направление.

Он повернул руль и прибавил скорость.

Я посмотрела на него, что было немного комично, учитывая, где была моя голова, и что было всего в нескольких миллиметрах от нее.

— Что ты делаешь? — спросила я

— Я хочу тебя. СЕЙЧАС, — сказал он, его лицо было диким и яростным, глаза — сосредоточены на дороге.

— Мы в отеле?! — спросила я, чувствуя, как страх сжимает мой желудок.

— Нет, — сказал он хриплым и низким голосом.

— Ммм...

Это было немного тревожно.

Я поднялась с его колен, затем посмотрела в окно, моля Бога, чтобы никто не увидел худшее клише в мире: великолепный парень в Ламборгини и взъерошенная цыпочка, поднимающаяся с его колен.

Мы были далеко от Стрипа (примечание: примерно семикилометровый участок бульвара Лас-Вегас в округе Кларк в штате Невада, США. Здесь находится большинство крупнейших гостиниц и казино агломерации Лас-Вегаса, при этом Стрип лежит за пределами самого города и административно относится к пригородам) и толпы. Я бы не назвала место, где мы были, «убогим», но оно и близко не было таким блестящим, как главная улица. И уж точно не такой безвкусным. Вегас ночью — страна чудес; Вегас днем — памятник избытку, и вопрос: «Неужели они действительно думали, что это будет хорошо выглядеть»? Мы были снаружи чего-то, что выглядело как кондоминиум или таймшер — куча коричневых, невзрачных зданий. Более сдержанные, не такие безвкусные и довольно скучные.

Машин на стоянке было немного. Снаружи тоже никого. Думаю, они все были внизу, на главной улице, а здесь только оставались на ночь.

— Что мы здесь делаем?

Коннор припарковал Ламборгини и поспешно засунул эрекцию обратно в штаны. Это заняло какое-то время, учитывая, как много было работы.

— Я же сказал, что хочу тебя. СЕЙЧАС.

В его голосе было что-то звериное, тон, которому нельзя перечить.

Было немного страшно.

И очень, очень горячо.

— Что — здесь, в машине? — спросила я, испугано и озадаченно.

Почему он застегивает молнию, если хочет сделать это здесь?

— Нет, — просто ответил он. Головка его члена торчала из-за пояса брюк, но была скрыта заправленной рубашкой. Я знала это только потому, что видела, как он прятал его обратно в штаны.

Мне так хотелось протянуть руку и снова дотронуться до него, но он уже вышел, хлопнув дверью, а затем направился к моей стороне машины.

Он рывком распахнул пассажирскую дверцу, наклонился и взял меня за руку. Он не причинил мне вреда, но был очень серьезен.

Жар ударил в меня, как будто Коннор только что открыл духовку.

Я, шатаясь, поднялась на ноги, когда он закрыл дверь и запер ее своим пультом дистанционного управления. Потом он потащил меня к зданию.

— Подожди, что мы делаем?

— Я же сказал — мне нужно трахнуть тебя сейчас.

У меня перехватило дыхание, и мои уже промокшие трусики стали немного влажнее.

— У тебя здесь квартира? — спросила я. Идея казалась немного смехотворной — Коннор был парнем «только самое лучшее», а это место, казалось, больше подходило для моего бюджета, когда я все еще была секретаршей.

Например, вчера утром.

— Нет, — сказал он, таща меня по тротуару.

— Ну, так куда же мы идем? — спросила я. Во мне медленно нарастала паника, стоило только понять, что Коннор имел в виду.

В задней части здания все квартиры на первом этаже имели ряд внутренних двориков, которые выходили на тротуар и травянистую площадку.

Я предположила, что тротуар ведет к бассейну — что означало умеренно оживленную зону.

Даже несмотря на то, что место было пустынным.

Внутренние дворики были маленькими и закрытыми, примерно пятнадцать футов с каждой стороны. Их окружали шестифутовые оштукатуренные стены, с раздвижными стеклянными дверями, ведущими в квартиру. В стене была крошечная щель, позволяющая входить и выходить из патио, но там не было ни дверей, ни ворот. Любой мог войти в него снаружи.

Теоретически они были довольно уединенными — я имею в виду, что вы могли бы расслабиться в купальном костюме, если бы захотели, или могли бы поболтать с друзьями за стеклянным столом с гигантским зонтом в центре. Но любой, кто проходил мимо, мог видеть, что происходит во внутреннем дворике. Может быть, под определенным углом... но вы все равно получите мимолетный проблеск.

Коннор прошел мимо открытых дверей и заглянул внутрь.

Нигде никого не было. Наверное, все ушли в бассейн или казино. Но были и признаки жизни: пляжные полотенца, сохнувшие на солнце, пустые пивные бутылки, давно погасшие окурки в пепельницах.

В пятом патио ничего не было — ни полотенец, ни бутылок, ни пепельниц. Жалюзи на раздвижных стеклянных дверях были открыты, и мы могли видеть, что в комнате темно, кровать застелена, и не было никаких чемоданов или чего-либо еще, что могло бы предположить жильца.

Коннор потянул меня в патио.

— О НЕТ, — сказала я, качая головой.

В ответ он отвел меня в угол, подальше от посторонних глаз, и поцеловал.

Горячо.

Лихорадочно.

Похотливо.

У меня перехватило дыхание.

Я ничего не могла с собой поделать. Я открыла рот, впуская его.

Он схватил меня за талию и притянул к себе. Я чувствовала твердое, как камень, давление его мужественности на мой живот. Его большие, сильные руки схватили меня за

задницу и крепко сжали.

Я прервала поцелуй.

— Коннор, нет.

Одной рукой он пробежал по моим волосам, схватил меня за затылок и потянул вниз, так что моя шея оказалась открытой.

Чувство подчинения и полной уязвимости было непреодолимым...

...и невероятно возбуждающим.

— Пожалуйста, — прошептал он мне на ухо, прежде чем опустил голову и начал неистово целовать меня в шею, проводя губами по моей коже.

Мои глаза закрылись, и, кажется, я перестала дышать. Он был повсюду, разжигая мое желание с возрастающей настойчивостью: его губы на моей шее, затем язык начал ласкать мочку моего уха, когда одна рука обхватила мою задницу, а другая нашла путь к моей груди.

— ...Коннор — прошептала я. Я пыталась протестовать, но желание, растущее во мне, подавляло мою способность говорить.

Его пальцы грубо потянули бретельки моего платья и лифчика вниз, пока моя левая грудь не обнажилась.

Это разрушило чары.

Почти.

— Коннор, нет! — ахнула я, вытягивая голову, чтобы оглядеть внутренний дворик.

Снаружи никого не было.

— Пожалуйста, Лили, пожалуйста, — прошептал он мне на ухо. — Я знаю, что это не вчерашняя ночь, и я не сделаю ничего такого, чего ты не хочешь, но, пожалуйста.

Когда я ничего не ответила, он опустил губы к моей груди и начал жадно сосать ее.

— О Боже, о Боже, — простонала я, когда его язык закружился вокруг моего соска, а обе руки лихорадочно вцепились в мою задницу.

Заклинание снова заработало... в основном.

Мои глаза то закрывались в экстазе, то распахивались в панике, высматривая кого-нибудь, кто мог бы просунуть голову в дверной проем патио.

Никого не было.

Его руки блуждали под подолом моего платья и скользнули вверх, подталкивая ткань к моим бедрам.

— Нет! — прошептала я, отбрасывая его руки.

Он поднял голову и посмотрел мне прямо в глаза. Они были почти безумны в своей потребности — и когда я смотрел в их сапфировые глубины, я чувствовала, что моя решимость медленно ускользает.

— Пожалуйста, Лили, — сказал он хриплым от желания голосом. — Пожалуйста, я умоляю тебя. *Пожалуйста, позволь мне трахнуть тебя.*

О-о-о, Боже.

Пожалуйста, позволь мне трахнуть тебя.

Мои колени задрожали, когда он сказал это.

— Но... кто-нибудь может увидеть... — испуганно прошептала я. — Нас могут поймать.

Дикое, животное выражение похоти внезапно сменилось плутоватой ухмылкой, которую я так хорошо знала.

— В этом половина удовольствия, — сказал он и снова опустил язык к моей груди.

Я застонала, затем попыталась составить связное предложение.

— ...быть пойманным — это весело?

Он снова поцеловал мою шею, погладил губами мое ухо и прошептал:

— Нет, *опасность* быть пойманным.

После этого я ни за что не смогла бы сказать «нет».

Мысль о том, что кто-то нас увидит, была подобна бензину в бушующем огне внутри меня.

Я до смерти боялась...

И все же глубокая, первобытная часть меня хотела этого.

Хотела, чтобы кто-нибудь нас поймал.

Хотела, чтобы кто-нибудь увидел, как этот великолепный, невероятный, сильный мужчина трахает меня.

— Ты позволишь? — прорычал он мне в ухо, мягкий, опасный и безумно горячий. — Пожалуйста... Пожалуйста, Лили, пожалуйста, позволь мне трахнуть тебя.

Я закрыла глаза и впиалась ногтями в его плечи.

— ... да — прошептала я.

Его губы встретились с моими, наши языки соприкоснулись.

Затем он потянул вниз правую сторону моего платья и полностью обнажил обе мои груди.

Когда он наклонился и снова жадно пососал, блаженно переключаясь с одного соска на другой, я почувствовала, как его пальцы зацепились за мои трусики и начали стягивать их.

Я снова открыла глаза и в ужасе посмотрела, нет ли кого за пределами патио.

Мы все еще были одни.

Я сдвинула ноги ближе друг к другу, чтобы ему было легче стянуть с меня трусики, и почувствовала, как влажная ткань скользит по моей коже.

Он скомкал черное кружево в руке и сунул его в карман. Затем расстегнул молнию на брюках, немного откинулся назад, чтобы дать себе больше места, и вытащил свой член.

Я зачарованно наблюдала, как его пальцы обхватили толстое основание, а затем застонала, когда он прижал его кончик ко мне.

Распухшая головка, все еще влажная от его спермы, скользнула по моим мокрым губам. Затем он двинул головку вверх, прижимаясь к моему клитору, скользя вверх и вниз. Каким бы твердым он ни казался, кончик был мягким, — и от этого давления по всему моему телу прошла волна удовольствия.

Коннор отпустил свой ствол, обхватил мою задницу и легко поднял меня в воздух.

Я обвила руками его шею и прикусила губу, глядя ему в глаза.

Я почувствовала, как что-то твердое и влажное коснулось внутренней стороны моего бедра, затем скользнуло по коже, и, наконец, раздвинуло мои губы.

О БОЖЕ.

Затем он медленно опустил меня, всей длинной проникая глубоко внутрь. Его толщина полностью заполнила меня.

Я громко вскрикнула и провела пальцами по его спортивной куртке.

Блаженная наполненность... сладостное давление быть полностью заполненной... каждый дюйм его тела прижимался ко мне, внутри меня, со мной — как жидкий мед, сахар и шоколад, и каждая сладкая на вкус вещь превращалась в ощущение.

А потом он начал трахать меня.

Аххххххххх.

Это был не тот нежный, милый Коннор, который не торопился.

Это был зверь, выпущенный на волю.

И о БОЖЕ, мне это так нравилось.

Просто ощущая его безумие, слыша его гортанные звуки, когда он глубоко входил в меня — зная животную страсть, которую я вызывала в нем...

Это пробудило во мне зверя.

И я начала трахать его в ответ.

Я имею в виду, что он полностью контролировал меня; легко удерживал мое тело, наполняя меня снова и снова.

Но я провела ногтями по его спине, по волосам, укусила за шею, едва сдерживаясь. Я чувствовала, как что-то высвободилось во мне, и я не могла насытиться Коннором, его прикосновениями, его запахом, его вкусом, его кожей, его членом.

Я вскрикивала с каждым толчком его тела, шлепающего меня по заднице. Это были не женственные, чувственные стоны, а животные звуки, пронзительные крики и хрюканье. Я чувствовала, как мое удовольствие поднимается все выше и выше...

А потом я кончила, великолепно, всепоглощающе, мощный раскат грома, который потряс меня до глубины души, не останавливаясь, продолжал приближаться с каждым великолепным ударом и толчком Коннора внутри меня, окуная меня все глубже и глубже в блаженство.

А потом мой оргазм начал спадать, с большими промежутками между сокращениями, но Коннор не сдавался. Я чувствовала, что могу кончить снова — я чувствовала, что снова начинаю подниматься, чувствовала, как нарастает удовольствие, пораженная тем, что такое возможно...

И тут я открыла глаза.

Кто-то стоял на тропинке и заглядывал внутрь.

Никто не просунул голову внутрь; просто угол, под которым кто-то стоял, позволял им заглянуть внутрь. Немного, но достаточно, чтобы понять, что происходит.

На самом деле их было двое, но сначала я увидела женщину.

Она была примерно моего возраста. Очень красивая. С черными волосами, аккуратными чертами лица, большими зелеными глазами и загорелой кожей. Она была одета в бикини, которое едва прикрывало ее тело. У нее был тонкий живот, словно она всю жизнь занималась пилатесом, с чем-то вроде саронга (примечание: традиционная мужская и женская одежда ряда народов Юго-Восточной Азии и Океании. Представляет собой полосу цветной хлопчатобумажной ткани, которая обёртывается вокруг пояса (или середины груди — у женщин) и прикрывает нижнюю часть тела до щиколоток, наподобие длинной юбки.), обернутого вокруг бедер, и крошечным бриллиантовым пирсингом в пупке.

Она выглядела так, словно была популярной девочкой в школе — одной из самых красивых.

И она смотрела на меня, наблюдая за моими муками страсти.

И я могла понять, несмотря на потрясенное выражение ее лица и слегка приоткрытый рот...

Она хочет оказаться на моем месте.

Она смотрела на меня с удивлением, ревностью и тоской.

Может быть, это был затылок Коннора, или его широкие, мощные плечи, или идеальная

задница в костюме за пять тысяч долларов... но я видела, как она посмотрела на него, а потом на меня, и поняла, что она хочет быть там, где я.

С ней был парень — симпатичный, что-то вроде рок-н-рольного чувака, с татуировками на мускулистых руках и стрижкой под Адама Левина. До встречи с Коннором я бы сказала, что он безумно горяч. Теперь он был просто довольно хорош собой.

Он улыбался от уха до уха, держа свою девушку за руку.

Но долго я на него не смотрела.

Я вернулась к ее глазам, наблюдающим за мной, желающим того, что у меня было.

Раньше, я думала, что взбешусь, если кто-нибудь нас поймает.

Вместо этого я словно вышла из своего тела и увидела себя такой, какой меня видела она:

Как самую счастливую женщину в мире.

И я поняла кое-что еще — мне нравится, когда за мной наблюдают.

Немного.

Слава Богу, это была женщина моего возраста.

Но вместо того, чтобы накинуть на себя мокрое одеяло, вместо того, чтобы отчаянно оттолкнуть Коннора, я просто смотрела девушке в глаза и чувствовала, как во мне снова нарастает экстаз, пока Коннор глубоко и мощно входит в меня.

Мои глаза затрепетали и закрылись, потом я открыла их, застонав — и увидела, как рок-н-рольный чувак оттащил свою девушку, явно вдохновленный тем, чтобы начать свою собственную игру.

Она оставалась так долго, как только могла, ее глаза были прикованы к моим, время от времени перескакивая на Коннора, на его тело, затем снова на меня — а потом парень увел ее из поля зрения.

Последнее, что я увидела, — ее глаза, смотрящие в мои с ревностью, желанием и тоской.

Потом они исчезли.

Я снова изо всех сил вцепилась в Коннора и обняла его за шею.

Я слышала, как он застонал, приближаясь к кульминации, и почувствовала, как мое собственное тело снова стало лихорадочным.

Потом он закричал мне в ухо.

Горячая влага ворвалась внутрь меня, и пока он продолжал стонать от удовольствия, я кончила снова — жестко, быстро, горячо, влажно, наполняясь светом, блаженством и сладкими, ошеломляющими сокращениями, которые оставили меня дрожащей и слабой в его объятиях.

Я схватила Коннора за голову и провела пальцами по его волосам. Я прижалась к его шее и почувствовала теплый мускусный запах его одеколona, соленый вкус его пота.

— Спасибо, — прошептал он мне на ухо, благодарный и довольный.

Я поцеловала его в ухо, затем нежно лизнула и прошептала в ответ так же дерзко и дьявольски, как и он: — Всегда пожалуйста.

Он рассмеялся, откинул голову назад, чтобы посмотреть мне в глаза, а затем поцеловал меня, нежно и романтично.

Мы привели себя в порядок как могли — потные, грязные и взъерошенные — и пошли обратно к машине, держась за руки, время от времени обмениваясь короткими поцелуями и смехом.

Я не видела ту девушку на обратном пути.

И я не сказала о случившемся Коннору.

Не знаю, почему... Разве что я просто хотела сохранить эту тайну для себя.

30

Мы вернулись в отель целыми и невредимыми, хотя я в основном выглядела как горячий беспорядок. Даже кондиционер Ламборгини не смог меня остудить. На голове птичье гнездо и повсюду потеки пота. Слава Богу, мое новое платье было черным, иначе на нем появились бы довольно непривлекательные пятна.

Коннор выглядел великолепно. Он выглядел потным и растрепанным, как кинозвезда боевика, в котором какой-то визажист подрисовал капельки пота на его лбу, потому что никто не выглядит так хорошо после того, как пробежал пять кварталов по Новому Орлеану летом.

Кроме Коннора.

Итак, мы были не в Новом Орлеане. И мы не бежали. Но вы представили себе картину.

Он снова напал в частном лифте по дороге в пентхаус.

Я позволила ему поцеловать себя — «позволила» не совсем подходящее слово, «блаженно уступила» — ближе, — но оттолкнула, когда прозвенел звонок лифта.

— Я чувствую себя отвратительно, — простонала я. — Мне нужно принять душ. *Немедленно.*

— Как только войдем, отправимся напрямик туда, — сказал он, беря меня за руку и ведя по коридору.

— «Отправимся»? — спросила я, стараясь быть как можно более застенчивой.

— Ты же не думаешь, что я позволю тебе заграбастать весь душ себе?

— А, так вот в чем дело.

— М-м-м... в этом-то все и дело.

Он остановил меня на полпути к двери пентхауса и прижал спиной к стене.

Мое сердце забилось быстрее, когда он наклонился и соблазнительно остановился всего в нескольких дюймах от моих губ.

— А что еще? — пробормотала я, поднимая подбородок, приближаясь к этим удивительным, просящим поцелуя губам.

— Если я собираюсь основать энергетическую компанию, специализирующуюся на солнечной энергии, которая произведет революцию в мире...

Он помолчал, глядя мне в глаза.

— ...Наверное, мне следует беречь и воду.

— Э-э! — крикнула я и оттолкнула его, когда он засмеялся. — Если хочешь сэкономить воду, прими двухминутный душ в одиночестве!

Он ущипнул меня за зад, и я взвизгнула.

Памятка для себя: получить нижнее белье назад. Насколько я знала, мои трусики все еще лежали в кармане его брюк.

Я шлепнула его по руке.

— О-о-о, нет, ты ничего такого не получишь! — сказала я своим лучшим саркастическим голосом.

— Думаю, я так и сделаю, — ухмыльнулся он, следуя за мной.

— Мечтайте дальше, мистер «Давайте Экономить воду».

Он снова поймал меня прямо перед дверью и развернул к себе. Я боролась с ним (не

совсем), но его сильные руки обвились вокруг моей талии, притянули меня ближе, а затем Коннор прижался своими губами к моим.

Я боролась около двух секунд — а потом погрузилась в поцелуй.

Клянусь, это все феромоны. Потный или нет, он пах неотразимо.

Примерно через десять секунд он прервал поцелуй и, вытащив карточку-ключ, вставил ее в прорезь.

— Мы примем душ... вместе... сразу после того, как я закончу разговор с Джонни о том, что снова его бросил.

Вот дерьмо, точно же.

В безумном послеполуденном шведском столе из секса — по телефону, в машине и на улице — я совершенно об этом забыла.

Мой желудок сделал тошнотворный маленький шлепок в ожидании сердитого приема, уготовленного для нас.

Коннор распахнул дверь в пентхаус...

Лёгко на помине.

Телохранитель Коннора стоял прямо перед нами, глядя на нас сверху вниз, прежде чем мы сделали хотя бы шаг внутрь. Он был одет в свой обычный темный костюм, но без солнцезащитных очков, так что мы могли в полной мере оценить его хмурый взгляд.

— Хотя я и не ожидал, что он будет ждать меня у двери, — сказал Коннор, словно обращаясь к невидимой аудитории. Затем он указал на меня. — Это она во всем виновата.

— Я!? — воскликнула я, поворачиваясь к нему. — Я ничего не...

— Коннор, — сказал Джонни сдавленным голосом.

Я повернулась к Джонни и поняла, что неправильно истолковала выражение его лица.

Я думала, он сердится на нас. На меня.

Но... он выглядел обеспокоенным.

Очень взволнованным

— В чем дело? — спросил Коннор, внезапно забеспокоившись.

— Мне очень жаль... Я пытался не впускать его, но...

Джонни замолчал, не закончив фразы.

Я вдруг вспомнила момент из «Империя Наносит Ответный удар», прямо перед тем, как Ландо Калриссиан сдал Хана и Лею Дарту Вейдеру. (Да, я ботаник.)

Кто-то появился в поле зрения с другой стороны комнаты. Мужчина, очень высокий и импозантный, в черном деловом костюме с темно-синим галстуком. Он был старше, вероятно, пятьдесят или шестьдесят с чем-то, но широкие плечи и крепкая грудь делали его достаточно сильным, чтобы справиться с кем-то вдвое моложе. Несмотря на то, что его серебристые волосы падали на лоб, он все еще был невероятно красив, с точеной челюстью, сильным носом и жестокими губами.

На самом деле... он выглядел тревожно знакомым.

— Привет, Коннор, — сказал он мрачным басом.

Я посмотрела на Коннора, который хитро ухмыльнулся, словно говоря «Ну вот, приехали».

— Привет... отец.

31

В этот момент у меня в голове крутилось около семнадцати различных мыслей.

Первым и главным было одно слово:

Дерьмо.

Дерьмо, дерьмо, дерьмо, дерьмо, ДЕРЬМО, ДЕРЬМО, ДЕРЬМО.

Встреча с родителями — самый лучший и яркий пример стресса.

Еще хуже, когда ты стоишь потная и помятая после того, как только что занималась извращенным сексом с их сыном.

О, и на тебе нет трусиков.

Да. Так что. В тот момент я была не в лучшей форме.

Второе:

Это отец Коннора?!

Это тот самый парень, который жульничал, играя с девятилетним мальчиком в «Монополию»?!

Я вгляделась в него еще внимательнее.

Если вы такой же большой ботаник, как я или даже если это не так, возможно, вы смотрели «Игру престолов». Если так, то вы знаете, кто такой Тайвин Ланнистер. Он крутой, мрачный, «полностью лишенный сочувствия и капельки человеческой доброты» патриарх клана Ланнистеров. Его играет Чарльз Дэнс, у которого скрипучий голос, опасные глаза, рост около шести футов трех дюймов. Он один из самых сексуальных мужчин на планете старше шестидесяти лет.

Этот мужчина был очень похож на Чарльза Дэнса. Он даже звучал похоже, только без британского акцента.

Обычно мне нравятся парни моего возраста — ну, плюс-минус шесть лет в случае с Коннором — и меня не привлекают мужчины постарше.

За исключением нескольких очень специфических случаев.

Зайдите на Youtube и найдите «Чарльз Дэнс пятьдесят оттенков серого». Посмотрите. Я подожду.

Все еще жду.

Видели? Да, это веселый клип, особенно когда он имитирует голос Анастасии. Но когда он делает его как у Кристиана?

Ага... так я и думала.

Чееерт.

И именно так Коннор, скорее всего, будет выглядеть через тридцать лет?

Неплохо. Совсем неплохо.

Но тут возникла проблема.

Подобно Тайвину Ланнистеру и другим злодеям, которых играл Дэнс, этот парень воплощал в себе худшие из возможных качеств:

Высокомерие.

Холодность.

Полное отсутствие сочувствия и доброты.

Он выглядел точно так же, как тот, кто разрушит мечты своего ребенка, чтобы преподать ему какой-то дурацкий урок о «реальном мире».

А потом пойдет на работу и уничтожит реальных людей и реальные жизни, чтобы добавить еще сто миллионов долларов на свой банковский счет.

Он одевался так же дорого, как и Коннор, хотя и более консервативно. И он излучал богатство, привилегии и власть.

Это было похоже на то, как если бы в комнату вошел король или старый лорд... не

особенно приятный.

Прямо как в «Игре Престолов».

Он был ростом с Коннора — может быть, даже на волосок выше. Его глаза были такими же пронзительно голубыми. И у него было такое же мощное телосложение.

Но в нем не было теплоты Коннора. Никакого озорного обаяния.

Только холодная, мрачная сила.

Третье:

Коннор приветствовал его так, словно видел впервые за несколько месяцев... но все же ожидал его появления? В его голосе не было настоящего удивления. Просто раздражение и немного фатализма, завернутые в остроумный юмор Коннора.

Четвертое:

Я впервые заметила, что в комнате были и другие люди. Очень много.

Ну... по сравнению с обычными днями.

Четверо высоких, крепко сложенных мужчин в костюмах и темных очках стояли на страже по четырем углам комнаты. Они молчали, с каменными лицами, сложив руки за спиной. Они выглядели как агенты Секретной службы, стоящие по стойке «смирно».

После Мексики отец Коннора, видимо, решил проявить осторожность.

Я понимала, почему Джонни не смог очистить комнату до того, как мы приехали, хотя и не могла понять, почему он вообще впустил их.

Но на этот вопрос, наряду с кучей других, ответ был получен чуть-чуть позже.

Коннор прошел мимо меня, совершенно непринужденно, как будто то, что его отец и кучка наемных головорезов заняли его гостиничный номер, было всего лишь очередным днем в офисе.

Я прокралась за ним, стараясь оставаться как можно незаметнее, разглаживая платье. Джонни закрыл за мной дверь.

Коннор остановился в десяти футах от отца. Отсутствие рукопожатия или объятия бросалось в глаза — по крайней мере, мне.

— Я бы спросил, что ты здесь делаешь, но уверен, что знаю ответ.

— Держу пари, что так оно и есть, — сказал старик.

— Так что я просто задам очевидный вопрос — что ты здесь делаешь? — спросил Коннор, указывая на пол. Потом снова посмотрел на Джонни. — Я думал, что плачу тебе за то, чтобы ты держался подальше от этого сброда.

— Не будь слишком строг к мистеру Инабе, — сухо сказал отец Коннора. — Администрация была настолько любезна, чтопустила меня до его приезда.

Я оглянулась на Джонни.

Он поморщился, как будто его профессиональная гордость была задета.

— Я должен поговорить с ними об этом, — сказал Коннор.

— Не беспокойся. Я лучше лажу с хозяином, чем ты. Я ждал тебя около часа назад, но...

Тут мистер Темплтон слегка наклонил голову, чтобы посмотреть на меня. Презрение на его лице было едва заметным, но тем не менее жестоким.

— ...очевидно, ты задержался.

Могу поклясться, что он сделал особое ударение на последнем слого.

Мое лицо покраснело.

Но Коннора это нисколько не смутило.

— О, как грубо с моей стороны. Лили, это мой отец, Август Темплтон.

Август. Совсем как Цезарь.

Имя ему подходило.

Коннор обернулся и посмотрел на меня. Выражение его лица было слегка озадаченным.

— Отец... Лили Росс.

Презрение мистера Темплтона внезапно стало куда менее утонченным.

— Скребем по дну бочки, да?

Я была так потрясена, что на секунду лишилась дара речи.

Никто не был так груб со мной с тех пор как...

Ну, с герра Клауса.

Возможно, моя последняя встреча с ним сделала меня немного более стойкой, потому что, когда я заговорила, в моем голосе звучала ярость.

— Прошу прощения?

Но Коннор поспешил заступиться.

— Держи язык за зубами, папа, или я прикажу выставить тебя вон, — неважно, друг ты хозяина или нет.

Старик ухмыльнулся — более холодная и злая версия выражения, которое я так привыкла видеть на лице Коннора. Говоря это, он смотрел только на Коннора, а не на меня.

— Простите меня, юная... леди...

Скручивающая нож пауза, которую он вставил перед словом «леди», дала мне понять, что он не считает меня такой.

— ...у меня есть плохая черта — высказывать свое мнение.

Коннор коротко и невесело хмыкнул.

— Не волнуйся, Лили, он со всеми козел.

— Только не такой грубый, как мой сын. Или такой же глупый.

— Так для чего же ты здесь, кроме обмена оскорблениями, конечно.

— Чтобы попытаться отговорить тебя от полного идиотизма нынешнего образа действий.

— Ты имеешь в виду то, что я продолжаю тебя слушать?

Прежде чем заговорить, мистер Темплтон взглянул на меня.

— Я бы предпочел продолжить этот разговор наедине.

— Не нужно, — сказал Коннор, и я услышала улыбку в его голосе, хотя видела только его спину. — Лили знает все о пустыне. И моих встречах с губернатором и конгрессменами.

Впервые отец Коннора выглядел удивленным. Даже шокированным — к чему, я думаю, и стремился Коннор.

Мистер Темплтон снова взглянул на меня, словно заново оценивая.

Как говорит дама на навигаторе, «Изменение маршрута».

Затем он, казалось, пришел к тому же выводу, что и тогда, когда я вошла в дверь.

— Ты действительно не должен выставлять себя напоказ перед... прислугой, — усмехнулся он.

При этих словах Коннор потерял самообладание.

— Достаточно. Убирайся к чертовой матери, сейчас же.

— Успокойся. Я просто предположил, что она твоя... сотрудница.

Судя по тону его голоса, он определенно имел в виду почасового работника.

И нанятого на улице за что-то не законное, даже в Лас-Вегасе.

— Я знаю, о чем ты думаешь, — кипятился Коннор. — Пошел ты. Убирайся.

— Значит, она не твоя секретарша? Или личный... помощник? — спросил мистер Темплтон, придавая последнему слову свой собственный ехидный оттенок.

— Мы с Лили встречаемся.

Мои глаза вылезли из орбит, а сердце сделало тройное сальто.

Я знала, что нам было... хорошо... Знала, что что-то происходит... но услышать, как он говорит, что мы «встречаемся»... Это почти стоило того, чтобы мириться с его королем-придурком-отцом.

— После Миранды ты сильно изменился. — Старик усмехнулся.

Миранда?

Мне было наплевать даже на неуважение в мой адрес.

О ком он говорит?

Коннор сердито покачал головой.

— Знаешь что? Можешь оскорблять меня, но оскорбишь ее — тут же полетишь за дверь.

При этих словах Коннор шагнул к отцу.

Краем глаза я увидела, как все четверо агентов Секретной службы двинулись вперед.

Джонни был еще быстрее, он промчался мимо меня как ветер.

— ПРЕКРАТИТЕ! — Я вскрикнула, испугавшись за Коннора и Джонни.

Вот-вот случится что-то ужасное.

Но тут заговорил мистер Темплтон.

— Подожди.

Это был командный тон. Голос императора или короля. Голос того, кого никогда не ослушаются под страхом смерти.

Я слышала, как Коннор говорил таким же тоном... Но даже он не был таким пугающим.

Все в комнате замерли — даже Коннор. Но сейчас он стоял прямо перед лицом отца, меньше чем в футе от него.

Джонни тоже остановился, но он был прямо рядом с Коннором. Его тело напряглось, как стальная пружина, глаза сосредоточились на двух парнях из Секретной службы слева.

Коннор и его отец уставились друг на друга. Казалось, это длилось целую вечность, хотя, вероятно, прошло не более трех секунд.

Затем мистер Темплтон взглянул на одного из парней из Секретной службы, наклонил голову и полужакрыл глаза.

— Отойдите.

Все четверо телохранителей медленно отступили к стенам.

Джонни остался на месте, хотя заметно расслабился.

Мистер Темплтон хмуро оглянулся на сына... а потом смягчился.

Однако за все время разговора он ни разу не взглянул на меня — только на Коннора.

— Мисс... Росс, не так ли? Как вам может сказать мой сын, временами я не самый приятный из мужчин. Особенно когда он намеренно издевается надо мной. Мои извинения.

Хотя отсутствие зрительного контакта было бесчеловечным, и в его голосе не было теплоты, в нем не было и сарказма. Я подумала, что это самое прямое извинение, которое он когда-либо давал в своей жизни.

Он был полным придурком, в этом не было никаких сомнений. Но когда мультимиллиардер извиняется перед вами — неважно, насколько неискренне — это не то, от чего вы легко отмахиваетесь.

Хотя на краткий миг я обдумала свои варианты.

Быть стервой в ответ или пойти по более благородной дороге?

Как бы сильно я его ни ненавидела, он все равно оставался отцом Коннора.

И мне было неприятно осознавать, какой... хм... перепачканный, я выглядела в этот момент. Хотя я не хотела выглядеть как личность из гетто.

Но больше всего на свете мне хотелось снизить уровень напряжения в комнате. Ради Коннора и Джонни.

— Извинения приняты, — сказала я с таким достоинством, на какое была способна в данный момент. И без трусиков.

Он по-прежнему не смотрел на меня, продолжая говорить с Коннором.

— Итак, мы можем продолжить этот разговор наедине?

— Нет... Можешь изложить свое дело или уйти.

— Ладно. — Мистер Темплтон слегка приподнял голову и посмотрел вниз, словно король, выносящий смертный приговор. — Ты действительно думал, что тебе это сойдет с рук?

— Сойдет с рук? В твоих устах создание новой компании звучит как преступление.

— В данном случае так оно и есть.

— Вообще-то нет, я не следую твоему обычному бизнес-плану.

— Ты никогда не добьешься успеха. Политики у нас в кармане.

— Оказывается, они, как правило, выпрыгивают из одного кармана в другой, более глубокий.

— Если на то есть причина.

— Она у них уже есть. Некоторые из них — во всяком случае, самые важные — надежно заперты.

— Шантаж? — Правая бровь мистера Темплтона приподнялась.

Коннор ничего не ответил. Он просто стоял.

Мне не нравилась мысль, что Коннор прибегает к шантажу, чтобы добиться своего. И особенно мне не нравилось его молчание в ответ на обвинение. Но это было первое, что поразило Августа Темплтона.

— А мне показалось, ты сказал, что играешь не по моим правилам.

— Если знаю, что противник играет грязно, иногда я играю грязнее. Мы поддержим кандидата от оппозиции. Сначала на местных выборах, а если пройдет, то и на всеобщих. — В голосе Коннора звучало явное ликование. — Тогда в следующем году в Неваде будет очень дорогой предвыборный сезон.

— Ты делаешь это намеренно, чтобы досадить мне. — Голубые глаза мистера Темплтона вспыхнули холодным огнем.

— Нет... Как я объяснил Лили, это лишь одно из многих, многих побочных преимуществ.

— Что именно ты называешь преимуществом — возможность уничтожить нашу семью?

— Уничтожение нашей семьи? Слишком грандиозно, тебе не кажется?

— Твои дела обойдутся нам в миллиарды долларов.

— И сэкономят сотни миллиардов долларов для всех остальных на Земле.

Мистер Темплтон усмехнулся.

— Ну и кто же теперь звучит грандиозно?

— По крайней мере, я думаю не о себе, а о ком-то другом.

— Это не те люди, о которых тебе следует думать.

— О, перестань, папа. Просто отмени заказ на пятисотфутовую яхту и больше не покупай Ван Гога для своей частной коллекции. И скажи маме, что в этом году она может купить только две тосканские виллы.

— Ты можешь сказать ей сам.

И тут из столовой пентхауса донесся царственный женский голос:

— Привет, дорогой.

Миссис Темплтон вошла в комнату так, словно вышла на сцену бродвейской драмы.

Она была худой и высокой — во всяком случае, выше меня, хотя это мало о чем говорит. Она была «женщиной определенного возраста» и отчаянно боролась с этим. Лицо у нее было слегка натянутое, как у человека, перенесшего пластическую операцию, хотя, надо сказать, операция была сделана хорошо. Ее шея была гладкой, почти без морщин, а лоб — безупречным. Либо она родила Коннора, когда ей было шестнадцать (я собираюсь сказать «нет»), либо хирург сотворил с ней чудеса. Как и ее стилист: ни одной седой пряди в поле зрения, только матовые светлые волосы, подстриженные в длинном боб в стиле Анны Винтур.

Как и от ее мужа, от нее разило деньгами и престижем. Ее аристократический тон, без сомнения, был выкован лучшими подготовительными школами и колледжами, которые можно купить за большие деньги. На ней было серое деловое платье и жакет в тон. Достаточно консервативно, чтобы соответствовать ее положению в жизни, но, очевидно, дизайнерская марка, чтобы похвастаться своими деньгами. Она носила на шее красивую двойную нитку жемчуга, показную, но без излишеств. На руках у нее было всего несколько колец, но бриллиант на обручальном мог соперничать по размеру с кубиком льда. (Ладно, маленьким кубиком льда.) В отличие от мужа, она подошла прямо к Коннору и поцеловала его.

Ну, во всяком случае, воздушный поцелуй, по одному с каждой стороны лица.

— Боже мой, Коннор, ты совсем вспотел. Что ты делал, бегал марафон? Не отвечай, я не хочу знать.

— Ты была здесь все это время? — раздраженно спросил Коннор.

— Я решила сначала дать вам с отцом все обсудить. Хотя это не сработало так что сейчас самое подходящее время вступить в бой.

— Замечательно. Все, что нам сейчас нужно, — это Винсент, чтобы завершить счастливое воссоединение семьи. Где Винс?

— Он уже в пути, — сказал мистер Темплтон.

— Конечно же.

— Его самолет приземлился как раз перед твоим прибытием.

— Ты имеешь в виду свой частный самолет?

— То, что принадлежит нам, принадлежит и ему, и тебе тоже, — отрезала миссис Темплтон, — если не будешь стараться нас предать. Что это за глупость — сдавать в аренду десять тысяч квадратных миль федеральной и государственной земли?

— Если тебе известны квадратные метры, ты, вероятно, знаешь и причину.

— Правда, Коннор, почему ты так стараешься нам помешать?

— Если я не преклоняюсь перед каждым твоим желанием, не значит, что я воюю с тобой. Или предаю.

— Нет, это просто «побочное преимущество», — едко сказала она.

— Одно из многих. — В голосе Коннора слышалось озорное восхищение.

Мистер Темплтон снова бросился в атаку.

— Я приказываю тебе прекратить эту глупость.

— Ну... в ТАКОМ случае...

— Как мой сын, ты обязан...

— Ты пытаешься играть на моей «сыновьей преданности»? Ты лишился этой привилегии, когда я вытащил твою жалкую задницу из Мексики.

Старик стиснул зубы.

Но миссис Темплтон разразилась театральной тирадой, всплеснув руками и закатив глаза.

— О, ради Бога, неужели тебе обязательно вспоминать эту тему? Ты бьешь его ножом в спину. — «Но я спас тебя в Мексике». Заставляешь наши акции падать на двадцать процентов — «Но я спас тебя в Мексике». Замышляешь уничтожить нас... «Но я спас тебя в Мексике». Ты думаешь, что твоя маленькая мексиканская болтовня имеет для меня хоть какой-то вес? «Я родила тебя» — это немного больше, чем все, что ты можешь предложить.

— Спасибо, мама, что родила меня. — Голос Коннора сочился сарказмом. — А потом быстро навязала мне бесконечную череду нянь и интернатов.

— Возможно, мне следовало постоянно держать тебя рядом. Может быть, тогда ты не стал бы таким садистским, мстительным ребенком.

— Да, ты забыла первое правило воспитания: «держи друзей близко, а врагов — еще ближе».

— Острее змеиного укуса... — пробормотала она.

— Ну, посмотри на это с другой стороны: у тебя есть по крайней мере один благодарный сын, — усмехнулся Коннор. — В конце концов, он обязан вам обоим всем.

— И ты считаешь, что ничего нам не должен.

— Десять миллионов долларов, насколько я помню, — сказал мистер Темплтон.

— О, но разве ты не слышал, Август? — ответила миссис Темплтон. — Он спас тебя в Мексике.

Мои глаза расширились.

По сравнению с этим «Дорогая мамочка» начинала походить на шоу Донны Рид.

К сожалению, я думаю, что мое выражение лица привлекло ее внимание.

Она посмотрела на меня и слегка прищурилась.

Я заметила, что, как и ее муж, она совершенно не обращала внимания на Джонни. Просто смотрела сквозь него. Единственный раз, когда мистер Темплтон признал его существование, — назвал его в третьем лице «мистер Инаба».

Может, поэтому Джонни так удивился, когда я попрощалась с ним в воскресенье вечером, когда Коннор отвез меня домой...

Коннор заметил, что она смотрит на меня.

— Лили, познакомься с моей матерью, Ленорой. Мама, Лили Росс.

— «Миссис Темплтон» подойдет.

Она сверкнула фальшивой улыбкой, которая умерла быстрой смертью, затем подошла ближе и оглядела меня с ног до головы.

У нее были высокие, изогнутые брови, застывшие в вечном выражении надменного неодобрения — вот и все, что она дала мне в эту секунду.

Ну, это и неприкрытую враждебность.

Я чувствовала себя детенышем тюленя, на которого смотрит огромная белая акула.

— *Иди по благородной дороге, Лили,* — сказала я себе.

Я протянула руку.

— Очень приятно познакомиться...

Она прервала хотя и не для того, чтобы заговорить со мной. Конечно нет.

— Милая маленькая штучка, Коннор. Где ты ее подобрал? — спросила она с презрением в голосе. — В баре? Трейлерном парке? Дисконтной корзине в Волмарте?

Я увидела, как у Джонни от удивления отвисла челюсть.

Лицо Коннора исказилось от ярости.

— Мама...

Но на этот раз я опередила его.

Тем не менее, все еще пытаюсь сохранять спокойствие.

— Там, откуда я родом, вы ведете себя очень грубо, — тихо сказала я, глядя ей прямо в глаза.

— О, не обижайся, дорогая, — улыбнулась она. — Там, откуда я родом, мы так относимся к людям вроде тебя.

Когда кто-то оскорбляет тебя, идеальный ответ приходит в голову только несколько часов спустя.

Я как-то слышала, что у французов есть такое выражение. Я не могу вспомнить настоящий перевод, но это что-то вроде «лестничная шутка». Это означает, что вы не думаете об этом до тех пор, пока не спуститесь по лестнице, чтобы уйти.

Я никогда не придумываю идеального ответа.

За исключением этого единственного яркого и сияющего момента.

Не знаю, что на меня нашло, но как только она сказала: «Там, откуда я родом, мы так относимся к таким людям, как ты», я просто скромно улыбнулась.

— И где же это, собственно? В Стерваленде?

Коннор разразился хохотом.

Джонни пришлось спрятать улыбку за ладонью.

Четверо агентов Секретной службы крепко сжали челюсти и уставились в пол.

Даже Август Темплтон фыркнул.

Его жена резко обернулась и кинула на него острый, как кинжал, взгляд.

Он быстро отвернулся, как будто что-то в углу сильно его заинтересовало.

Потом она снова повернулась ко мне.

— Вульгарная девчонка, вульгарный язык, — прошипела она.

И во второй раз что-то пришло мне на помощь.

— Злая старуха...

Я помолчала, потом пожала плечами.

— ...это все, что я хотела сказать. Подлая и старая, не важно, сколько пластических операций перенесла.

Кажется, у нее чуть не случился сердечный приступ. Единственная жилка начала биться у нее на виске, пока она смотрела на меня сверху вниз убийственным взглядом.

— О-о-о! — Коннор захохотал.

Джонни поднял брови, словно не мог поверить, что я только что это сказала.

Миссис Темплтон задрожала от ярости.

— Ты... маленькая... блудница... как ты смеешь...

— Блудница? Что это, восемнадцатый век? — спросила я, совершенно не имея в виду продолжения, но сказанное дало моему мозгу достаточно времени, чтобы придумать красивый удар. — Ой, погоди-ка, ты ведь тогда родилась, верно?

БУМ.

Страйк.

У меня никогда в жизни больше не будет такого хорошего выступления.

Клянусь Богом, я думаю, она собиралась дать мне пощечину, когда Коннор подбежал и положил руку ей на плечо.

— Помни, мама, — упрекнул ее Коннор, — когда играешь с огнем, иногда обжигаетесь.

— Просто помни об этом, когда она заразит тебя венерической болезнью, — выплюнула миссис Темплтон.

Я не могла придумать ничего остроумного, но это не имело значения — Коннор восстановил контроль над ситуацией.

— Лили хотят видеть здесь, мама. А тебя — нет. Учитывай это или уходи.

Она резко обернулась.

— Все, что я хочу, — это поговорить с глазу на глаз.

Коннор посмотрел на меня через ее плечо.

Я решила, что на сегодня достаточно приключений. Я полуприкрыла веки и слегка кивнула, мол, все в порядке. Уголок его рта приподнялся, и его глаза подарили мне теплое, невидимое обьятие.

— Джонни, ты не мог бы отвести Лили на кухню?

— Конечно.

Я прошла мимо миссис Темплтон.

Когда я проходила мимо Коннора, он взял меня за руку и слегка пожал.

Я остановилась и посмотрела на него.

Он подмигнул, и я улыбнулась.

Потом Джонни подхватил меня под руку, и мы пошли прочь под ледяными взглядами мистера и миссис Темплтон.

Когда мы прошли половину коридора до кухни, Джонни прошептал мне на ухо:

— Это было ПОТРЯСАЮЩЕ.

Я усмехнулась.

— Спасибо.

— Я никогда раньше не видел, чтобы миссис Темплтон так насаживали на вертел. Себастьян убил бы за то, чтобы оказаться здесь.

— Она ему не нравится?

— Он ее ненавидит. И мистера Темплтона тоже, но особенно ее. И все же, даже у него никогда не хватало смелости так с ней разговаривать. Только не в лицо. Так что спасибо от нас обоих.

Я подавила смешок и посмотрела на него.

— Ты не сердишься на нас? За... ну, знаешь... побег?

Его лицо потемнело.

— О, я очень злюсь на Коннора... но поговорю с ним об этом позже. Он, наверное, обвинит меня в том, что они были здесь, когда он вернулся.

— Это не твоя вина.

— Нет, но как только Коннор получает преимущество в споре, он всегда использует его, так что это будет главным способом заставить меня замолчать.

Как только мы оказались на кухне, Джонни вытащил свой сотовый телефон и нажал пару кнопок. В главном зале дискуссия все еще была такой же жаркой, даже несмотря на более низкий уровень громкости.

— Кому ты звонишь? — спросила я.

В самый подходящий момент очень веселый голос ответил по громкой связи.

— Я пью «Май-Тай» у самого восхитительного бассейна с самым красивым мужчиной в Калифорнии, Джонни, так что лучше бы это было срочно.

— Здесь родители Коннора. Без предупреждения и без приглашения.

Последовала пауза.

— *Не-е-ет,* — сказал Себастьян, *не то чтобы отрицательно, но как будто говоря «я не могу поверить, в то, что ты только что это сказал».*

— Да.

— Оба?!

— Да.

— Почему?!

— По-видимому, Коннор заключил какую-то сделку, которая должна сократить их прибыль. Они упомянули, между делом.

— О черт, тогда будь осторожен. И Коннор тоже пусть остерегается.

— Я так и планирую сделать.

Последовала пауза.

— Из-за какой именно сделки весь сыр-бор?

— Что-то связанное с губернатором и кучей земель в Неваде.

— Гм... почему я ничего об этом не знаю?

Мои глаза расширились.

Вау... Коннор действительно доверял мне...

Джонни посмотрел на меня.

— Лили знает об этом больше, чем я.

Тон Себастьяна внезапно стал ледяным.

— *О БОЖЕ, она все еще там?*

— Я тоже рада с тобой поговорить, Себастьян, — ухмыльнулась я.

— Было бы лучше, если бы мы вообще не разговаривали.

— Ты бы так не говорил, если бы был здесь пять минут назад, — сообщил ему Джонни.

Любопытство вспыхнуло, Себастьян не выдержал.

— *Почему? Что случилось?*

— Лили заткнула Ленору.

Себастьян говорил, как самый веселый пятилетний ребенок в рождественское утро.

— *О БОЖЕ, расскажи МНЕ ВСЕ.*

— Что она сказала? — спросил меня Джонни. — Что-то насчет того, что Коннор подобрал тебя в трейлерном парке?

— Это, и еще про скидочную корзину в «Волмарте».

— Ну... пока не могу сказать, что не согласен с Ленорой.

— Ты почти такая же большая стерва, как и она, ты знаешь это, Себастьян? — спросила я.

— Дорогая, НИКТО не МОЖЕТ быть такой большой стервой, как Ленора. Она делает Мадонну похожей на Мать Терезу.

— Помолчи секунду, Себастьян, — упрекнул его Джонни. — Итак, Лили сказала: «Ты ведешь себя очень грубо», а Ленора сказала что-то вроде: «Там, откуда я родом, мы так разговариваем с такими людьми, как ты», и Лили ответила: «Где это? В Стерваленде»?

Последовала пауза. Затем...

— Нет, не может быть.

— Да, — усмехнулся Джонни.

Еще одна пауза. Затем еще более драматично...

— Нет, не может быть.

— Ой, погоди, дальше лучше.

Джонни продолжал рассказывать о «злой старушке пластической хирургии» и «рожденной в 18 веке».

Каждый раз, когда он произносил очередную кульминационную фразу, Себастьян выкрикивал еще более громко и радостно: «Не может быть»!

Когда Джонни закончил, на другом конце провода повисла долгая пауза.

Наконец Себастьян заговорил:

— Я говорю это только потому, что Хавьер только что ушел, чтобы освежить мой напиток, а также потому, что я уже осушил около трех Май-Тай. Лили, если бы я не был геем, я бы попросил тебя выйти за меня замуж прямо сейчас.

Я расхохоталась.

Учитывая, кто это сказал, это был, вероятно, лучший комплимент, который я когда-либо получала в своей жизни.

— Спасибо, Себастьян. Мне пришлось бы тебе отказать, но я ценю твоё предложение.

— О, на самом деле я бы не стал этого делать. В конце концов, ты мне не очень нравишься. Но сейчас Я ЛЮБЛЮ ТЕБЯ. Я собираюсь назвать своего первого приемного

ребенка «Лили» просто в память о моей любви к тебе. Мальчик или девочка, не важно.

Я снова рассмеялась.

— Спасибо, Себастьян, но, пожалуйста, не называй мальчика моим именем.

— Все в порядке, он тоже будет геем.

— Я думаю, в тебе говорит Май-Тай.

— Несомненно. Еще одна причина, по которой мы ведем этот разговор, заключается в том, что я, вероятно, не вспомню его завтра.

— Это, наверное, к лучшему. Особенно для твоего будущего приемного сына.

— Э-э, Себастьян, мне неприятно просить тебя об этом... — начал Джонни.

— Следующим же рейсом. Пока мы разговариваем, я заказываю билет на своем айпаде и машину до аэропорта. Я буду в Вегасе через... два с половиной часа. Ты можешь заехать за мной, или мне нужно взять такси?

— Возьми такси, я хочу держаться поближе к Коннору. Прости, что испортил тебе отпуск.

— Дорогой, это не ты его испортил, а Ленора и Август. Кроме того, я возьму с собой Хавьера. Это будет рабочий отпуск.

— Спасибо, Себастьян.

— Нет проблем. Лили?

— Да?

— Ненависть объединяет. Понимаешь, о чем я?

— Полностью. До встречи.

— Пока-пока.

И звонок прекратился.

Джонни ухмыльнулся.

— Ты уже в клубе.

— Каком?

— Клуб людей, которые действительно нравятся Себастьяну. Это очень эксклюзивная группа.

Я рассмеялась.

— Не знаю, нравлюсь ли я ему на самом деле... потому что он сказал: «На самом деле ты мне не нравишься».

— «Очень»... он сказал, что ты ему не очень нравишься.

— О, теперь ты меня убедил.

— Скажем так: он никогда не говорил, что попросит меня выйти за него замуж.

Я усмехнулась.

— Ладно, точка зрения принята. Что же нам теперь делать?

— Ждать.

Во время затишья в нашем с Джонни разговоре мы слышали крики из соседней комнаты.

И вдруг раздался громкий стук в дверь.

Джонни с беспокойством оглянулся.

— Коннор?!

— Все в порядке, Джонни, ребята моего папы откроют, — отозвался Коннор.

Несмотря на услышанное, Джонни направился по коридору в главную комнату. Я последовала за ним.

Я слышала все, что происходило дальше, хотя и не могла видеть всех участников. Угол коридора закрывал мне вид на большую часть главной комнаты. Я видела только Коннора, который стоял перед огромными окнами, выходящими на Стрип. Все остальные были по крайней мере в нескольких футах от него.

Послышался звук открывающейся двери.

Затем раздался мужской голос, похожий на голос Коннора, но чуть выше.

— Коннор.

— Винсент, — холодно ответил Коннор, его лицо исказилось, как если бы он прямо сейчас съел лимон. — Я бы сказал, что рад тебя видеть, но мне не нравится лгать людям в лицо.

— Нет, ты предпочитаешь просто вонзить нож нам в спину, — усмехнулась миссис Темплтон.

— Я привел кое-кого с собой, — сказал Винсент. — Надеюсь, ты не возражаешь.

Затем раздался резкий цокот каблучков по полу.

И лицо Коннора тут же помрачнело.

Я никогда не видела его таким, никогда. Он выглядел так, словно кто-то ударил его в солнечное сплетение, и его вот-вот стошнит.

Либо это, либо он увидел привидение.

Или что-нибудь похуже.

— Привет, Коннор, — произнес женский голос.

Голос, который я слышала раньше.

Низкий и гортанный.

Молодая Лорен Бэколл.

Мой желудок чуть не вывалился из тела, когда я добралась до угла коридора, всего на шаг отставая от Джонни.

Там стояла Грейс Келли с золотистыми волосами, все еще одетая в шелковую блузку и юбку-карандаш.

Она встала рядом с другим новоприбывшим, мужчиной, который выглядел как немного более низкая и менее красивая версия Коннора, с русыми волосами вместо черных.

— Черт, — прошептал Джонни.

Коннор просто стоял, уставившись на нежданную гостью.

Я похлопала Джонни по плечу и вопросительно посмотрела на него, хотя в глубине души уже знала ответ.

Я не хотела слышать это вслух... но я должна была.

Я должна была знать наверняка.

Джонни оглянулся на меня с болезненным выражением на лице.

— Миранда Локвуд, — прошептал он.

Я покачала головой, как будто это ничего для меня не значило.

Но это имя значило многое. Мистер Темплтон уже называл это имя.

«После Миранды ты сильно изменился».

Голос Джонни звучал сочувственно и серьезно, как будто он сообщал о смерти близкого человека.

— Бывшая невеста Коннора.

Женщина, которая разбила ему сердце.

Я снова посмотрела на красотку и увидела, как она вложила свою руку в руку Винсента.

Мои глаза расширились, и я перевела взгляд на Коннора.

С таким же успехом она могла застрелить его.

Я видела агонию на его лице... видела, как ему было больно...

Как сильно она на него подействовала, даже спустя восемь месяцев.

И весь мой мир рухнул.